

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

научное издание

Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор Ашимбаев М.С.,
директор КИСИ при Президенте РК

Редакционный совет: Ашимбаев М.С.
Ертысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Лаумулин М.Т.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.
Шоманов А.Ж.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 480100, Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Досымов А.С.
Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Бакбергенев К.С.

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации Республики Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «ФинЭк».
г. Алматы, ул. Карасай батыра, 191а.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2002 Г.

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№4 (22), 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»
(КИСИ – ОБСЕ – Европейская комиссия – Фонд им. Ф.Эберта)
24–25 ИЮНЯ 2002 ГОДА

Косиченко А.Г. Религиозный фактор в современном терроризме 3
Калиева Д.А. Религиозный экстремизм как нетрадиционная угроза национальной безопасности 7
Койчукулов М. Факторы религиозного экстремизма 9
Куртов А.А. Государства Центральной Азии в условиях вызовов глобализации и возрастания исламского фактора 13
Илеуова Г.Т. «Исламский ответ» в Центральной Азии? 21

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
Тукумов Е.В. Исламская республика Иран – на пути к политическому реформированию 27
Игалиев М.Н. Особенности процессов циркуляции и трансформации политических элит в новых независимых странах Кавказа 35

ЭКОНОМИКА
Курганбаева Г.А. Модели стратегического планирования маркетинга, используемые иностранными компаниями 43
Искаков Н.А. К вопросу о политике привлечения иностранного капитала в социальную сферу 48
Рамазанов А.А. Управление государственной собственностью 52
Тайжан М. Сравнительный анализ транзитных процессов в экономике Казахстана и Польши 57

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА
Шауенов Е.С. Факторы политической стабилизации в транзитном обществе 63

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ
Нурпеисов Д.К. Теоретические аспекты развития коррупции 71
Бектурганов К. Общественное мнение как социальный процесс 77
Водянова Г.М. Ментальность и политическое поведение: методологические аспекты изучения 80

РЕЦЕНЗИИ
Машан М.С., Бектасова Г.О. Нысанбаев А.Н. Глобализация и устойчивое развитие Казахстана 85
Лаумулин М.Т. Rumer В. Central Asia: a Gathering Storm? 87

SUMMARY 89

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 91

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Казахстан-Спектр» в 2002 г. 93

KAZAKHSTAN-SPECTRUM
Issue #4 (2002)

CONTENT

MATERIALS OF THE CONFERENCE

«ISLAM AND NATIONAL SECURITY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES»

(KazISS – OSCE – European Commission – Friedrich Ebert Stiftung)

June 24–25, 2002

<i>Kosichenko A.</i> Religious factor in the contemporary terrorism	3
<i>Kalieva D.</i> Religious extremism as the non traditional threat to the national security	7
<i>Koichukulov M.</i> Factors of religious extremism	9
<i>Kurtov A.</i> The countries of Central Asian facing the globalisation challenges and the conditions of the growth of islamic factor	13
<i>Ileuova G.</i> «Islamic answer» in Central Asia? (what the experts think about it)	21

FOREIGN POLICY

<i>Tukumov E.</i> Islamic Republic of Iran – on the way to the political reforms	27
<i>Igaliev M.</i> The peculiarities of the processes of circulation and transformation of political elites in the new independent Caucasus	35

ECONOMY

<i>Kurganbaeva G.</i> Models of strategic marketing planning, used by the foreign companies	43
<i>Iskakov N.</i> To the question of the policy of attracting of the foreign capital into the social sphere	48
<i>Ramasanov A.</i> «Managing the state property»	52
<i>Taizhan M.</i> The comparative analysis of the transition processes in the economy of Kazakhstan and Poland	57

INTERNAL POLITICS

<i>Shauenov E.</i> Factors of political stabilisation in the transition society	63
---	----

THEORETICAL PAPERS

<i>Nurpeisov D.</i> Theoretical aspects of the development of corruption	71
<i>Bekturganov K.</i> Public opinion as a social process	77
<i>Vodyanova G.</i> Mentality and political behavior	80

REVIEW

<i>Mashan M., Bektasova G.</i>	85
<i>Laumulin M.</i> Rumer B. (ed.) Central Asia: a Gathering Storm?	87

SUMMARY

CONTRIBUTORS

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»**

(КИСИ – ОБСЕ – Европейская комиссия – Фонд им. Ф.Эберта)

24–25 июня 2002 года

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОМ ТЕРРОРИЗМЕ

Косиченко А.Г.

Современный терроризм значительно отличается от своих предшествующих форм. Терроризм сохранил свое определение как «мотивированное насилие с политическими целями» (определение, данное Б.Крозье), но изменился «мотив насилия». В конце XIX века террор прикрывался борьбой за свободу и демократию: именно таков был терроризм в России, Италии, Германии того времени. Терроризм того времени апеллировал к идеалам и ценностям, возникшим в самом обществе в ходе общественно-исторического процесса, и не нуждался в религиозных основаниях. Религиозные аргументы в пользу террора были крайне редки. Терроризм XIX века был «честнее»: он подчеркивал свое социальное происхождение, он порождался проблемами, возникшими в обществе, и решал свои цели средствами «посюстороннего» мира. Истоки, идеология, система аргументации и средства террора – все это лежало в плоскости реальных общественных отношений.

Современный терроризм стал нуждаться в религиозной фразеологии, хотя по существу остался сугубо земным, мирским, светским феноменом. К религиозным аргументам в поддержку террора стали прибегать, так как религия на сегодня осталось одной из немногих сфер жизни общества, которой еще верят, а аргументы веры очень важны для морального оправдания терроризма. Уже многократно подчеркивалось политологами и экспертами самых разных ориентаций, что религия не имеет к терроризму никакого отношения. Сущность религии – воссоединение человека с Богом, с

Аллахом, что требует очищения души, духовного восхождения к Богу, высокой нравственности, чистоты помыслов. Религии исповедуют принципиальное ненасилие, так как грубой силой нельзя воссоединиться с Богом; усилие, да, требуется для этого, но усилие самого верующего, причем усилие, направленное на преодоление своей греховной природы, усилие духовного восхождения. О «великом» джихаде говорит Мухаммад, ясно указывая, что это борьба с собой, со своими греховными проявлениями, борьба за чистоту веры, но борьба отнюдь не внешними средствами, не с оружием в руках против других людей, а борьба за чистоту души, и средством этой борьбы является вера в Аллаха. Христос также говорил о том, что Царство Небесное усилием берется, но, повторим, это усилие над собой и своим грехом.

Где здесь основание для терроризма? О каком исламском терроризме может идти речь? Изобретен термин «политический ислам», но что он реально обозначает? С таким же основанием можно говорить об экономическом исламе или о социальном исламе. Нет такого ислама. Ислам есть ислам – как отдавание себя в волю Аллаха, и «политический ислам» не имеет к исламу никакого отношения. Мало ли кто, прикрываясь лозунгами и искаженными цитатами из Корана, и с какой угодно целью станет изображать из себя истинно верующего мусульманина, борца за веру с оружием в руках, – что с того? Обвиним ли мы в этом ислам?

Беда политологов в том, что они, за редким исключением, не знают сути религий.

Вместо религии как таковой, они имеют дело с «проекцией» религии на общество, то есть с социальными аспектами религии, но общественное видение религии или, иначе, обмирщенная религия, не является религией. Источник религии не общество, а Бог; это атеизм утверждает, что люди изобрели Бога и, соответственно, религию. И тогда, действительно, можно говорить о политическом и всяком ином исламе. Коротко говоря, есть религия как вера в Бога, в Аллаха, как путь к Богу. И есть общество, которое на каком-то этапе своего развития вдруг решило, что оно религиозно и присвоило себе право говорить от имени религии, то есть от Бога. И говорит такое общество всякую несуслазницу и о Боге, и о вере, и о своем праве с оружием в руках осуществлять волю Аллаха.

Да, ислам говорит о долге мусульманина силой отстаивать свое право верить в Аллаха, но только в том случае, когда вера эта терпит насилие, когда веру уничтожают, когда мусульманину не дают верить в Аллаха. Тогда он, чтобы не погубить свою душу и остаться мусульманином, может бороться и умереть за веру, и это лучше, чем ее предать. Но такова ли ситуация в странах Центральной Азии, чтобы отстаивать свое право на веру с оружием в руках? Кто кому не дает верить в Аллаха, если эта вера, а не претензия на власть? В том-то и кроется неправда, что не о вере заботятся «исламские» боевики, вера сделала бы их смиренными, ибо таковые угодны Аллаху. Не вера ведет боевиков, ведет их или заблуждение, или совсем нерелигиозные цели.

Обо всем этом приходится говорить, так как, к сожалению, ислам сегодня многими отождествляется с агрессией, насилием, терроризмом. Такая ситуация, скорее всего, кому-то выгодна, ибо в политике ничего не бывает просто так. Существует мнение, что ислам связывают с терроризмом для создания «образа врага». Дело не в «образе врага», который якобы нужен для консолидации наций, обществ, государств в борьбе с этим врагом. Это мелкогато для современной истории, хотя люди стали более пассивны и «заглатывают» любую «наживку» социальных технологий, «легализирующих» свою виртуальную реальность через СМИ. Враг, вообще говоря, никому не нужен, поэтому и его образ врага не столь продуктивен в информационной войне. Здесь происходит игра на страхе людей за себя, за детей, за бу-

дущее. Посеять страх, дать ему имя, спровоцировать на «борьбу» с этим страхом – вот и готовые борцы с «исламским» терроризмом; борцы, правда, пассивные, но их много, и они – сила.

Источник современного терроризма не в религии, не в культуре, не в цивилизации. С.Хантингтон, при всем своем высокоумии, не прав: цивилизация не может быть причиной и линией раскола человечества. Не может хотя бы потому, что в мире сейчас господствует одна цивилизация – построенная на западных ценностях и западных же способах производства и потребления. Иными словами, западная цивилизация не просто господствует, она одна в современном мире, и другой цивилизации нет. Другая культура есть, а другой цивилизации нет. Ведь для того, чтобы культура стала цивилизацией, она должна «построить» свое предметное тело, она должна породить иные (не западные) способы производства, сопоставимые по производительности и объемам с западными. Этого нет; имеют место отдельные сугубо «восточные» формы и способы труда, но этого мало для признания их восточной (и тем более исламской) цивилизацией. Можно сказать, что как раз сегодня эти ростки «исламской» цивилизации достигают заметного содержания, что и тревожит Запад, который усматривает в этом угрозу себе. Да, процессы самоидентификации идут; да, ислам занимает место как одна из основных форм такой самоидентификации, но разве отсюда следует, что есть «исламская» цивилизация и есть «исламская» угроза?

Ислам мог бы противостоять экспансии западного стиля жизни, западной цивилизации, западным ценностям, но он не противостоит, так как он неравная сторона диалога. Его голос плохо слышим, с ним слабо считаются. Логика Запада – сильный всегда прав, хотя и безнравственна, но практична и пока убедительна. Достигните нашего уровня, как бы говорит Запад, и тогда мы вас заметим и прислушаемся.

Развитые страны Запада и, прежде всего США, не так уж и не правы. Качество жизни, которого они достигли, вызывает уважение. Можно поучиться у них и трудолюбия. Много говорится о духовной опустошенности человека западной культуры, но это спорный момент. При всем уважении к русской культуре позволительно спросить: где ее носители, что за избранность ее, где ее пло-

ды, почему она не помогает сейчас, когда России трудно? Так что о культуре или ее отсутствии на Западе или на Востоке нельзя говорить однозначно.

Складывается ситуация, когда Запад чувствует себя правым (причем не просто богатым и потому правым, но морально правым), но и остальной мир тоже так себя чувствует. Одна правда на другую – вот и источник напряжения. Отчасти именно так и обстоит дело. Но только отчасти; по существу этого противостояния нет. Что есть, так это затянувшийся кризис ценностных ориентаций по всему миру. Демократические и либеральные ценности Запада не дают ответа на многие вызовы современности; они дают сбой, они не вооружают человека личностным смыслом, личностной оценкой того, что происходит вокруг (а мир сейчас динамичен, как никогда ранее). Можно сказать, что имеет место личностная ценностная прострация человека западной культуры; партийная, групповая, региональная, профессиональная оценка происходящего есть, а личностной – нет. Вот почему человек Запада, так долго борющийся за право «остаться одному», за право индивидуального существования, стал бояться оставаться наедине с собой: он не выдерживает себя.

О кризисе традиционных культур, характерных восточным обществам, сказано так много, что мы не станем повторяться; кризис этот также затянулся: вернуться к традиционным ценностям нельзя и принять западные трудно.

Поэтому кризис ценностей носит общемировой характер. Этот всеобщий ценностный кризис проявляется в самых разных областях и сферах, часто далеких от источника. Ситуация, когда все правы и потому делают, что хотят и могут – а очень многое в современном мире базируется на этой ситуации, – также имеет источником ценностную анархию. Когда нет правды силы, когда сила не подкреплена глубоким ценностным основанием, тогда сила становится правой по праву силы. Поэтому насилие становится весомой, часто применяемой и эффективной практикой современной мировой политики.

Мы считаем, что мировая политика в очень большой степени построена на насилие. Чему же удивляться, когда и терроризм, будучи извращенной формой политики, прибегает к насилию; не так ли поступают и

сильные страны. Терроризм – гнусен, он является силой слабых (как пишут многие аналитики), он не имеет права на существование, и борьба с терроризмом необходима. Но, если взглянуть правде в глаза, не агрессивная ли мировая политика породила терроризм как явление, как феномен? Социально-экономический кризис, безработица, падение жизненного уровня населения, коррупция, отсутствие социальной справедливости – все это толкает людей в ряды террористов, но истинной причиной терроризма является не бедственные условия существования (из них есть несколько выходов, и терроризм – не самый массовый и естественный), истинная причина терроризма – в практике решения проблем силовыми методами, практике, столь распространенной в современном мире.

Это не оправдание терроризма, это – его анатомия. Надо знать причину явления для того, чтобы его устранить. Как следует из предыдущего анализа, терроризм можно ликвидировать, лишь существенно снизив уровень насилия в современной мировой политике. Сегодня терроризм, к сожалению, глубоко укоренен в мире; можно справиться с ним в одной или ряде стран, но он возникнет в других, терроризм исчезнет тогда, когда он потеряет подпитывающую его силу – право агрессивней отвечать на агрессию, силой – на силу, неправдой – на неправду.

Возвращаясь к проблеме религиозного фактора в современном терроризме, обратим внимание вот на что: сейчас «модно» говорить об исламском терроризме, что в принципе абсурдно. Исламский антураж большинства террористических групп (в том числе тех, кто совершил теракт 11 сентября 2001 г. в США) подталкивает политиков к признанию исламской угрозы (даже при понимании того, что угрожает не ислам, но прикрывающиеся исламом силы). Терроризм сейчас, по мнению политиков, имеет «исламское лицо». Но в ближайшем будущем, исчерпав аналитические возможности, которые предоставляет «исламский» фактор, политики, вполне вероятно, станут применять по отношению к терроризму иной, «свежий» этикет, скажем, этнический, тем более, что такой аспект в терроризме присутствует.

Дело не в «исламском», этническом или в каком-то ином определении терроризма; эти характеристики терроризма могут меняться; дело в том, что терроризм существу-

ет, и не похоже, что скоро исчезнет. Терроризм нельзя уничтожить, борясь с его проявлениями и не борясь с его причиной и сущностью.

Вывод напрашивается очевидный: надо выбить из-под терроризма «почву», для чего следует снизить уровень применения силы (в самых разных ее модификациях) при решении проблем, в обилии порожденных ходом мировой истории. Ведь историю творит человек, общество, государства, человечество. Нет ничего, что не было бы результатом деятельности мирового сообщества, следовательно, и терроризм им же порожден; он не «привнесен» откуда-то извне, он возник как неадекватный протест против существующего мирового порядка.

Терроризм претендует быть активным субъектом истории, менять ее сообразно своему пониманию справедливости. Общество, творящее свою историю в соответствии с писанными и неписанными правилами и нормами, общество, считающее себя законопослушным, естественным, прогрессивно развивающимся, не может и не желает осознать, что терроризм является ничем иным, как концентрированным выражением права человека (или общества) на активную, изменяющую общество позицию всеми возможными (в пределах справедливости) способами. Не так ли поступает и современная цивилизация, общество, страна, государство безотносительно к терроризму? Все дело, стало быть, заключается в понимании того, что есть справедливость, к которой апеллирует и легитимное общество и терроризм.

Если человек или группа людей присвоит себе право считать свои активные действия по изменению общества (или его сегмента) справедливыми, то террор с их стороны вполне оправдан ими. В этом мы видим сущность терроризма. Как война есть продолжение политики, но только другими средствами, так и терроризм есть форма общественного переустройства экстремальными средствами.

Думается, что не очень хорошо пока осознанная политиками и аналитиками внутренняя связь основных закономерностей новейшей истории с терроризмом (который сейчас кажется чем-то внешним, из ряда вон выходящим, стоящим вне «нормальных», законных отношений между государствами и внутри государств) и является настоящей причиной страха перед тер-

роризмом: если он действительно органично присущ современной истории, то это уже не одна из угроз человечеству, а крайняя для него опасность. Современный терроризм концентрирует в себе многообразие неразрешенных проблем современного мира, и в этом смысле «естественно» произрастает из этого мира.

Поэтому самая эффективная форма борьбы с терроризмом – это устранение причин, его порождающих, а порождают терроризм ни какие-то факторы, «исламский» например, порождает современный терроризм сегодняшняя мировая политика, которая игнорирует интересы многих стран, многих социальных групп, гигантских слоев населения, оказавшихся в бедственном положении в результате этой политики. Характер этой политики и следует менять: надо уметь идти на своевременный компромисс между противоборствующими сторонами, между крайними позициями, надо решать проблемы средствами диалога всех заинтересованных сил и слоев. Нельзя «загонять в угол» один сегмент мирового сообщества в угоду другому – это неизбежно окончится деструктивным актом.

Но как призвать к конструктивному диалогу силы, всей предшествующей мировой политикой оттесненные от «круглого стола» истории? Форм такого диалога мировое сообщество пока не выработало. Однако только на этом пути возможно устранить терроризм как явление современности. Поэтому, сколь бы не были важны действия антитеррористической коалиции сегодня (силовые, дипломатические, финансовые, разведывательные и т.д.), следует признать, что они направлены на устранение следствий, а не причин, и потому эффективность этих действий временна. Сила – очень веский фактор современной мировой политики; пожалуй, на сегодня это самый действенный аргумент в спорах и противостоянии. Но как раз ориентация на силовое разрешение сложнейших проблем современности и порождает терроризм. Поэтому следует не столько прибегать к силовой борьбе с терроризмом (хотя терроризм уважает силу и считается с ней), сколько искать формы многостороннего сотрудничества для устранения проблем, порождающих терроризм. Только на этом пути можно ожидать окончательного искоренения терроризма как феномена новейшей истории.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК НЕТРАДИЦИОННАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Калиева Д.А.

Проблема обеспечения безопасности является одной из самых главных задач для каждого государства независимо от форм внутриполитического устройства, проповедваемой идеологии или уровня экономического развития. Каждое государство выстраивает определенную концепцию безопасности, соответствующую национальной специфике, геополитическому расположению, международной стратегической обстановке, а также имеющимся в распоряжении ресурсам и возможностям для обеспечения безопасности.

Традиционно концепция безопасности сводилась к защите государства от внешних военных угроз и идеологии другого государства. Только угроза военной интервенции извне и идеологическая пропаганда другого государства считались полноправными вопросами безопасности. То есть концепция включала в себя лишь военный и политический факторы [1].

Однако в последние десятилетия формирование концепции безопасности стало более сложной задачей. Если в предыдущие столетия под безопасностью понималась безопасность в военной и политической сферах, то в настоящее время появились новые подходы и видения, которые меняют классические устои в традиционной концепции и вносят новые, нетрадиционные веяния. Причиной тому послужили изменение стратегической обстановки в мире с окончанием холодной войны, появление новых негосударственных акторов, процесс глобализации, ухудшение экологической обстановки и многие другие процессы. Изменился характер конфликтов: если раньше мир содрогался от войн между государствами и угроз ядерной войны, то теперь имеют место конфликты не только между государственными акторами, но и между или с негосударственными образованиями. Значительно расширился и спектр угроз, способных повлиять на безопасность государства и общества. Нетрадиционные угрозы исходят в экономической, социальной, экологической и других сферах. Зачастую они носят не только внешний, но и внутренний характер, когда государства с неустойчивой политической сис-

темой и слабой экономикой подвержены больше угрозам изнутри государства, чем извне. Все эти изменения продемонстрировали узость классической концепции и необходимость ее пересмотра.

Большинство экспертов в этой области соглашаются с тем, что концепция должна быть пересмотрена. Однако единое мнение по поводу того, в какой степени она должна быть изменена, отсутствует. Вокруг концепции идут дебаты между различными течениями, и в настоящее время сложно очертить контуры понятия «безопасность», поэтому было бы преждевременно определять правильность одной версии над другой.

* * *

Казахстан так же, как и другие государства, сталкивается с проблемой совершенствования собственной концепции безопасности. Несомненно, классическое понимание безопасности очень узкое и уже не отвечает реалиям существующей международной системы. Но, с другой стороны, государство сталкивается с целым рядом угроз и рисков, каждый из которых можно рассматривать как вопрос безопасности. Однако такой расширенный подход может привести к размыванию самой концепции, и в попытке объять все более-менее опасные факторы государство может недосмотреть или недооценить по-настоящему серьезные угрозы или переоценить риски и возвести их в ранг основных факторов национальной безопасности. А если учесть то, что государство сравнительно молодое и не располагает всеми необходимыми ресурсами для обеспечения всецелой безопасности во многих сферах, то становится важным вопрос определения приоритетов.

Окончание холодной войны и распад СССР привели не только к завершению военного и политического противостояния двух блоков, но и к появлению новых угроз в виде этнических и религиозных конфликтов, локальных и региональных войн, деятельности террористических и экстремистских организаций. Во времена холодной войны ситуация в мире полностью контролировалась

двумя супердержавами, которые в своих интересах не допускали появления конфликтов в зоне своего идеологического влияния. С окончанием холодной войны традиционные войны между государствами уступили место нетрадиционным угрозам экстремизма, терроризма, внутрисубъектных этнических и религиозных столкновений.

Одной из таких нетрадиционных угроз является угроза религиозного экстремизма. После распада СССР на постсоветском пространстве образовался идеологический вакуум, который стал заполняться политическими идеями государств, имеющих интересы в регионе. Турция продвигала идею пантюркизма, согласно которой все тюркские государства должны объединиться, что, естественно, подразумевалось под эгидой Турции. Некоторые другие государства начали организовывать и финансировать деятельность религиозных организаций на территории центральноазиатских государств, которые проповедовали идеи исламского единения с новыми государствами.

Для Казахстана идеи тюркизма были не чужды, но в то же время Астана, так же как и другие республики региона, не проявила энтузиазма к идее единения тюрков под покровительством Турции. В отношении религиозной идеологии, Казахстан сразу определил себя как светское государство.

Однако, несмотря на это, идеологическая экспансия продолжалась и носила не только умеренный, но и радикальный характер. Проводниками идей были не просто государства, а религиозные группировки и организации, которые зачастую были экстремистского толка.

По всему региону стали распространяться идеи ваххабизма и других течений радикального ислама. Зачастую эти идеи проповандировали не только чистоту религии, но и призывали к свержению светского правления и созданию Исламского государства, призывая тем самым к свержению существующих правительств и установлению теократического государства.

Радикальные экстремистские идеи получили свое распространение в основном в депрессивных и густонаселенных регионах Центральной Азии – Таджикистане, Ферганской долине, на юге Казахстана, – регионах, где царит неудовлетворенность экономической отсталостью и социальной незащищенностью. В этих условиях популистские идеи религиозных экстремистов способны увлечь

значительные массы людей, неудовлетворенные уровнем жизни и потерявшие веру в способность своего государства улучшить экономическое положение. Это ведет к потере легитимности правительства, что, несомненно, представляет угрозу политической безопасности в целом.

Подобная угроза распространения экстремистских идей способна политически дестабилизировать государство изнутри. Религиозный экстремизм можно рассматривать как угрозу политической безопасности государства, если понимать под ней организационную стабильность государства, системы правления и идеологии (национальной идеи), которая дает легитимность правительству и государству в целом [2]. Идеи свержения существующего светского правления представляют собой опасность не только системе правления и идеологии, но и дестабилизируют обстановку в целом. Они препятствуют развитию национальной идентичности всего казахстанского общества, создают очаги религиозной нетерпимости в государстве. Поэтому данная угроза меняет традиционное понимание безопасности и является немаловажным фактором национальной безопасности Казахстана.

Сложность данной угрозы в отличие от традиционных в том, что она исходит не от традиционных акторов-государств, а от незримых негосударственных акторов, противостоять которым намного сложнее, чем государству, имеющему определенную территорию, правительство, проводящее более-менее предсказуемую политику.

В настоящее время негосударственные акторы, как, например, террористические организации, экстремистские формирования, наркокартели, становятся такими же субъектами международной системы, так как они порой обладают такими же ресурсами и возможностями, имеющимися в распоряжении государства. Они имеют в своем арсенале оружие массового уничтожения, бактериальное, химическое оружие, более того, существуют сведения об их желании обладать ядерными боеголовками. В такой ситуации негосударственные акторы способны не только осуществлять идеологическое проникновение, но и военные атаки. События 11 сентября уже стали подтверждением серьезности угрозы, исходящей от террористической организации. Сложность борьбы с ними заключается в следующем:

- Их тяжело обнаружить, так как они действуют на территории многих государств. Не имея определенной территории, населения или важных стратегических объектов, они менее уязвимы, чем государства.

- Они имеют значительные финансовые ресурсы, используемые для мобилизации людей, идеологической пропаганды, организации террористических актов и других операций.

- Развита сильная идеологическая пропаганда крайнего толка, которая эффективно внедряется в депрессивных регионах. Она стала серьезной политической угрозой для государства.

Таким образом, для государств со светским правлением, но со значительной долей населения, проповедующей ислам, угроза системе правления представляется такой же серьезной, как и угроза военного вмешательства. Подобные угрозы и риски достаточно серьезны, если они направлены против слабых государств, таких, как, например, государства Центральной Азии. Несмотря на более чем десятилетний период независимости, центральноазиатские государства все еще находятся в процессе построения или укрепления своих политических институтов, поддержания светской формы правления, в поиске консолидирующей национальной идеи. Для относительно мо-

лодых государств региона политические угрозы, исходящие от религиозных экстремистских организаций, представляют собой угрозу, особенно для Узбекистана с густонаселенной и экономически депрессивной Ферганской долиной и Таджикистана, ослабленного гражданской войной и находящегося в непосредственном соседстве с нестабильным Афганистаном. Идеологический вакуум, который с момента распада СССР до сих пор остался незаполненным, может в отсутствие сильной национальной идеи заполниться идеями экстремистского характера.

Поэтому угроза религиозного экстремизма достаточно серьезна для национальной безопасности любого государства. В настоящее время государства Центральной Азии предпринимают определенные шаги, чтобы не допустить распространения религиозного экстремизма в регионе. Это в настоящее время удается Казахстану, где ситуация находится под контролем государства и где отсутствуют объективные предпосылки для распространения радикального ислама. Тем не менее данная угроза воспринимается достаточно серьезно и находится в одном ряду с такими важными нетрадиционными вопросами безопасности, как безопасность в экономической, социальной, культурной сферах.

Литература

1. Terry Terriff, Stuart Croft, Lucy James, Patrick M. Morgan. *Security Studies Today*. Polity Press, 1999. – Pp. 5–18.
2. Barry Buzan. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Harvester Wheatsheaf, 1991. – P. 118.

ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Койчукулов М.

Третье тысячелетие человечество встретило не только стремительным совершенствованием информационных, цифровых и коммуникационных технологий, но и беспрецедентностью религиозного экстремизма.

Некоторые государства стараются отмежеваться от своего детища – религиозного экстремизма, объявить сей феномен либо порождением религиозных, либо политических амбиций отдельных групп или личностей. Но религиозный экстремизм, действу-

ющий в «ткани» Центральной и Южной Азии, помимо амбиций, является продуктом геополитического противостояния сверхдержав во времена «холодной войны», а также экономического, политического и социокультурного кризисов данного региона. И этот продукт стремится к глобальному переделу мира в своих интересах.

Существует большое количество трудов, работ по предмету экстремизма и терроризма. Но до сих пор в сознании многих людей не проведено четкого разграничения между

этими явлениями. Бывает так, что в разговорах эти понятия часто взаимозаменяемы. Возможно, из-за того, что экстремизм и терроризм как объекты не разделены между собой жесткими рамками и не закреплены в своих позициях, работа с этими явлениями не достаточно эффективна.

Экстремизм и его крайнее проявление – терроризм – сопутствовали человеческому обществу с древнейших времен. Их конкретные проявления, как правило, воспринимались как особенность той или иной страны или общества, где они имели место, и к ним относились достаточно спокойно. Брало верх понятие – «это нас не касается». Но по мере того, как мировые связи уплотнились, и экстремизм, и терроризм вышли за национальные границы, постепенно начало меняться и отношение к ним как к явлению, представляющему серьезную угрозу для новых тенденций в мире – к сближению народов и формированию общих интересов.

Экстремизм и терроризм, вполне понятно, имеют свои корни и причины, которые невозможно ограничить географическими пределами, – они существуют везде и именно поэтому требуют рассмотрения в контексте глобальных проблем развития человечества в целом.

Проблему экстремизма и терроризма недопустимо упрощать, тем более – персонафицировать и объяснять их лишь злой волей отдельных личностей. Их корни чрезвычайно разнородны и противоречивы, они нередко упираются в глубинные пласты еще полностью неопознанных загадок мироздания, сути человеческой природы, а также несовершенства порядков в обществе и состоянии взаимоотношений в мире.

Природа проявления экстремизма, если можно сказать, носит протестный характер: неудовлетворенность политическим режимом, социальным неравенством, положением в обществе определенных социальных слоев, этнических, расовых и конфессиональных групп. В принципе эти мотивы предсказуемы, если внимательно отслеживать развитие ситуации в том или ином обществе. В истории более чем достаточно прецедентов, когда несправедливость и неравенство в их политическом и социально-экономическом проявлениях, образование пропасти между богатыми и нищими всегда вызывали протест. Эта проблема поддается урегулированию, если государство целена-

правленно займется исправлением переколов. Но если оно допускает образование критической массы, это неизбежно создает питательную почву для экстремизма и чревата перерасти в насилие.

Наиболее сложен и опасен экстремизм, в основе которого лежат идеологические, особенно религиозные, убеждения и прикрываемые ими политические цели и установки. Он сложен потому, что трудно отслеживать его вызревание в силу территориальной неопределенности. А опасен потому, что он легко может перерасти в терроризм международного масштаба. Этот вид экстремизма не всегда и необязательно связан с социально-экономическим положением его сторонника. Его формирует фанатическая преданность идее, догмам и установкам, независимо от того, является ли эта идея светской или религиозной. Убежденность в том, что эта идея божественна, а потому и безупречна, и справедлива, придает ей мощную и притягательную силу, а у ее последователей создает иллюзию, что, борясь за ее претворение в жизнь, они выполняют миссионерскую, даже мессинскую роль, оправдывающую их любые действия. Вот почему при всей ложности их предпосылок к подобным экстремистским течениям примыкают самые разные люди. Некоторые непосредственно участвуют в реализации идей, другие способствуют их деятельности моральной поддержкой и щедрыми финансовыми пожертвованиями. А третьи, даже не разделяя эти идеи, цинично используют ее сторонников в своих политических целях.

После формирования верхнего слоя организаторов и идеологов и обеспечения финансовой базы остается относительно легкая задача – набор «армии исполнителей». Туда идут также различные люди: фанатичные приверженцы идеи, представители беднейших слоев населения, которые видят в службе идее свое спасение и источник существования, люди, жаждущие мести за обиды и оскорбления, наемные террористы, работающие только за деньги.

На протяжении последних нескольких десятков лет экстремизм, развиваясь, обрел силой и приобрел такой размах, что для него не проблема просочиться сквозь границы и беспрепятственно «путешествовать» по странам и континентам.

Деятельность экстремистских организаций основана на сильных организацион-

ных, менеджерских технологиях. Например, вербовка и работа с людьми осуществляется по принципу сетевых организаций (халки). Предъявляются социально-экономические и политические программы. Внедрение своих идей происходит через эффективно работающие PR-технологии. А содержательная часть этой деятельности подкрепляется религиозными учениями и идеологиями, которые в той или иной ситуации трактуются, так как это выгодно организаторам.

К сожалению, религиозные учения с момента их появления становятся заложниками экстремизма и служат безотказным инструментом в руках экстремистских групп и личностей для достижения своих целей и задач. Кроме того, этот инструмент – самый экономичный способ манипулирования массами.

Экстремистские организации имеют структурную оформленность, выраженную в наличии локализованного идеологического центра и разветвленной сети представительств на местах.

Реализация поставленных целей имеет более систематический и планомерный характер; экстремисты по-прежнему апеллируют к нереализуемому идеалу, взятому из исторического прошлого или привнесенному заинтересованными идеологами, кроме того, наряду с этим возможно появление собственных идеологий, адаптирующихся к реалиям в той или иной стране.

Один из центральных вопросов заключается в следующем: необходимо исследовать и понять, на какой стадии и в какой момент происходит кардинальная перемена в сознании простого обывателя, способствующая его становлению на путь экстремизма.

Эмиссары радикальных религиозных течений готовы использовать любое напряжение, появившееся в обществе. Самый убедительный пример – подпольная организация «Хизбут-Тахрир», которая успешно действует на юге Кыргызстана. Количество членов «зашкаливает» за двухтысячную отметку. Возраст большинства активных приверженцев «Хизбут-Тахрира» не превышает 30 лет. За восемь месяцев 2001 года за разжигание религиозной вражды правоохранительными органами было задержано 117 человек. Изъято 7 693 листовки, 359 книг, 94 аудиокассеты, 3 компьютера. Пропагандистскую литературу с призывами к джихаду ныне находят даже на севере Кыргызстана. Недавно

зарегистрирован и вовсе тревожный случай: хизбуттахрировца задержали в Караколе. Сотрудники милиции нашли у него дома 11 книг экстремистского толка и листовки. До этого момента подпольную организацию Прииссыккуле не интересовало. Интерес к курортной зоне, видимо, у партийцев пробудился недавно. Кусок-то лакомый: туристы к горной жемчужине со всего ближнего зарубежья съезжаются.

Становится также очевидным, что миссионеры с мусульманских стран вовсе не заинтересованы в сохранении местной интерпретации ислама, а проявляют активность и щедрость чаще в распространении своей собственной модели и понимании религии. Все эти процессы импорта «чужого» ислама носят скрытый характер и практически не изучены. Процесс разрастания этого влияния можно увидеть по все увеличивающемуся числу культовых сооружений, участвующих в спорах между мусульманами или в появлении молодых женщин, полностью покрытых в темные одежды и с закрытыми лицами.

Лев Гумилев сказал: «Когда какой-либо народ долго и спокойно живет на своей родине, то его представителям кажется, что их способ жизни, манеры, поведение, вкусы, воззрения и социальные взаимоотношения единственно возможны и правильны. А если и бывают где-нибудь какие-либо отклонения, то это – от «необразованности», под которой понимается просто непохожесть на себя».

По аналогии можно соотнести представления о различных сектах религиозного характера у людей, свободных от какого-либо вероисповедания. И, наоборот, у приверженцев различных религий имеется определенный взгляд на «вероотступников». Обывательские суждения иногда кажутся внутренне логичными, хотя и основываются на игнорировании действительности. Но они немедленно разбиваются при соприкосновении с оной.

События последнего десятилетия XX века в нашем регионе – этому подтверждение. Ваххабизм поначалу был воспринят народами постсоветского пространства как одно из безобидных ответвлений ислама. Но трагические события на юге Кыргызстана, где приверженцы этого изначально экстремистского течения принимали самое непосредственное участие, вскрыли истинную суть подобной деятельности. О непримиримос-

ти и воинственности ваххабизма свидетельствуют те факты, что уже в 1801 году его приверженцы разгромили шиитские святые места, а в 1806 году захватили Мекку, где разрушили все места поклонения, кроме Каабы, и затем, ворвавшись в Медину, осквернили усыпальницу Мухаммеда.

Стержневым положением ваххабизма является идея о джихаде против иноверцев и мусульман, отступивших от принципов первоначального «чистого ислама». Ваххабитское течение носит мировой характер. У него имеются крупные центры и далеко идущие программы. Его главными задачами являются: утверждение «нового» ислама, борьба за умы под лозунгом «установление исламского порядка в мире», внедрение исламских принципов и идеалов в общественную и политическую жизнь той или иной страны и последующее образование исламского государства. Таким образом, достигается основная цель ваххабитов – утверждение своей власти над обществом и исламом. Почти такие же цели были несколько сотен лет и у средневековой церкви. Разработав и внедрив программу, которую в современном мире принято называть «крестовые походы», церковь начала экспансию на Восток. Здесь, проведя параллель между средневековой церковью и исламским экстремизмом, можно предположить о том, что делала церковь, имеется в виду «крестовые походы», делает сегодня экстремизм, который умело использует учение ислама.

Между тем различные группировки мусульманских лидеров в условиях рынка и конкуренции зачастую используют новое слово «ваххабиты» для заклеивания соперников. Некоторые группы, наряду с активным строительством мечетей и медресе, призывают к упрощению и удешевлению обрядов. Они обычно опускают бороду, выступают против пышных свадеб, посещения кладбищ. Все это вызывает непонимание и ответную реакцию традиционных мусульман, поэтому разногласия и противостояние между ними и новыми мусульманами постепенно нарастают и могут приобретать этнический характер.

Нельзя не увидеть, что весь регион от Марокко до Кореи содержит постоянный потенциал для конфликтов. Региональные конфликты тут возможны в любое время. И почти всегда наличествует угроза их расширения. Кроме того, даже если военные дей-

ствия остаются регионально ограниченными, то ими затронуто мировое сообщество, и, как правило, для каждого его участника существует обязанность прийти на помощь, внести вклад в уменьшение и окончание конфликта. Время начала и возможное развитие конфликтов и кризисов не являются ни конкретными, ни настолько предсказуемыми, чтобы можно было бы целенаправленно и «планово» заниматься отдельными случаями. В данной ситуации мышление и планирование твердых сценариев больше невозможно.

Новое мышление становится все более широким. Даже если безопасность для каждого народа и сохраняет свое законное значение, то все же мы больше и больше приходим к познанию, что вес и способности страны больше зависят от ее экономической, технологической и научной мощи. Далее, безопасность Центральноазиатского региона ныне невозможно обеспечить лишь одной охраной границ. Этому противоречат как интеграционные процессы, так и развернутая и организованная подпольная деятельность религиозных экстремистов внутри региона.

Вопросы безопасности требуют всеобщего рассмотрения политических, экономических, экологических, социо-культурных, духовных и военных аспектов. Как отмечалось, следует устранить причины напряженности и конфликтов. Политика безопасности должна защищать и обулаивать, поэтому ее необходимо проводить в широком понимании слова. Политика безопасности, как всеобщая задача в новых стратегических условиях, не может ограничиваться ни по содержанию, ни по формам, ни по географии, ни в зависимости от принадлежности к какому-то учреждению или ведомству. Нашим государствам требуется гибкий инструментарий геополитики. То, что нам требуется сегодня, и то, что нам следует организовать, – это современное партнерство среди равных.

Чем эффективней будет практическое сотрудничество, ведущее к положительной зависимости друг от друга, тем скорее мы будем относиться с уважением к принципам мирного и достойного соседства друг с другом.

В заключение своего выступления хотелось бы изложить несколько тезисов о сотрудничестве и интеграционных процессах.

Условная граница, когда-то определяющая южные рубежи СССР, до сих пор на уровне подсознания воспринимается как преграда для свободной интеграции стран Центральной и Южной Азии, а также Персидского залива. Но на современном этапе географическая картина азиатского мира претерпевает реальные изменения. Безусловно, настало время, когда странам Центральной Азии нужно определять и строить новые добрососедские отношения со своими южными соседями, что немаловажно и для них, южных соседей.

Многовековые взаимоотношения культур, религий, традиций, искусства, ни что иное – как механизм формирования современной социо-культурной модели народов Азии. Когда-то здесь было создано пространство, позитивно влияющее на развитие науки, философской мысли, культуры, искусства. Имелись предпосылки для достижения вершин цивилизации. Несомненно, веками накапливаемые знания и научно-культурный потенциал данного региона внесли колоссальную пользу в развитие всего человечества. К сожалению, в настоящее время наше общее социально-культурное наследие не всегда звучит в унисон с мировым культурным течением.

Для развития добрососедских отношений, поднятия уровня культуры, образования, экономики и социальной сферы необходимо определить зоны соприкосновения

интересов стран бассейна Персидского залива, Южной и Центральной Азии. Более того, необходимо расширение существующих или создание новых зон взаимных интересов.

На мой взгляд, сегодня точки соприкосновения могут находиться в социо-культурных, научно-исследовательских, образовательных сферах. Например: а) создание и запуск образовательных программ, ориентированных на формирование новых взаимоотношений и сотрудничества стран Азии на основе историко-культурного и философского наследия; б) обмен информацией, создание региональной информационной базы данных, а также новых информационных технологий, в результате чего образовалось бы новое информационно-технологическое пространство, в котором пришли бы в движение процессы разработки и внедрения механизмов, способствующих интенсивной реализации интеграционных процессов.

Кроме того, допустимо совместное моделирование будущего взаимовыгодного, добрососедского обустройства региональных отношений. Исходя из возможных, наиболее приемлемых моделей регионального обустройства, создавать и внедрять программы и проекты, направленные на реальное инженерное обустройство взаимоотношений стран Персидского залива, Южной и Центральной Азии.

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВОЗРАСТАНИЯ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА

Куртов А.А.

Ислам и глобализация в современных условиях являются важнейшими факторами международной жизни. Оба эти фактора самым непосредственным образом затрагивают важнейшие стороны жизни государств Центральной Азии (и не только их), в том числе и безопасность. Эти факторы (в разной степени) оказывают влияние на сохранение территориальной целостности и внутривнутриполитической стабильности государств региона, а первый из факторов – ислам в отдельных случаях, как показали события конца второго тысячелетия, напрямую свя-

зан и с проблемой военной безопасности республик Центральной Азии.

Рамки настоящего доклада не позволяют говорить о всех существующих аспектах воздействия ислама и глобализации на ход событий, поэтому мы затронем лишь некоторые из них, связанные преимущественно с исламом. Государства Центральной Азии исторически связаны с исламским миром. Внутри этих стран мусульманское население преобладает над населением иных религиозных групп, в том числе православно-христианской общины. Являясь поликонфессио-

нальными государственными образованиями, большая часть стран Центральной Азии также непосредственно граничит с мусульманскими государствами Среднего Востока, причем с весьма проблемными во многих отношениях государствами.

Эти обстоятельства диктуют необходимость для руководства центральноазиатских республик самым тщательным образом относиться к исламскому фактору, учитывать его при принятии и реализации решений по внутри- и внешнеполитическим вопросам.

Распад Советского Союза практически совпал по времени и с усилением процесса глобализации и с наступлением очередной фазы активизации на мировой арене исламского фактора. С моей точки зрения, мы сегодня можем говорить о том, что ислам также пытается включиться в процесс глобализации, хотя большинство экспертов чаще всего говорят о другом – о попытках ислама противостоять процессу глобализации. Это действительно имеет место, но все-таки диалектика здесь более сложная.

Специально отмечу, что я намеренно предлагаю Вашему вниманию откровенно дискуссионную, и даже в некоторых отношениях провокационную (в научном смысле), точку зрения. Размышляя над этой проблемой, даже я не до конца уверен в правоте тех выводов, к которым я пришел и которые я здесь выскажу. Поэтому хотел бы, чтобы участники настоящего форума не воспринимали бы мою позицию как некую завершённую концепцию и уж, тем более, не видели бы за ней какую-то скрытую политическую подоплеку.

Сразу отмечу, я стою на светских научных позициях и поэтому не склонен воспринимать и употреблять чисто теологическую аргументацию. Не желая оскорбить ничьих чувств, подчеркну, что многие комментарии, которые иногда дают представители самого мусульманского духовенства, целиком базируясь на теологической аргументации, я считаю недостаточно убедительными. Ислам – это, несомненно, великое религиозное учение, и как и во всяком великом учении в нем легко можно найти необходимое обоснование любым, подчас противоположным позициям. Мусульманская апологетика утверждает, что ислам – это исключительно религия любви и милосердия, а, следовательно, все неблагоприятные поступки адептов этой религии,

приписывающиеся каким-то внешним причинам, лишь затрудняют понимание проблемы.

С моей точки зрения, два явления – глобализация и ислам имеют много схожих черт. Например, любой может их заметить, если мы обратимся к параметру пространственных пределов действия фактора глобализации и исламского фактора. Мы живем в эпоху, когда мир ислама набирает силу. Это объективная реальность, хотя можно долго спорить о причинах, способствующих этому. Последовательный ислам всегда имеет установку на расширение своего влияния как внутри государственных границ, так и не считаясь с ними. В этом смысле любой ислам агрессивен, как агрессивен газ, пытающийся заполнить все имеющееся пространство некоего сосуда. При этом понятие «агрессивность» я рассматриваю не в том смысле, в каком ее употребляют гуманитарии, а тем более юристы. Я имею в виду тот смысл, который вкладывают в этот термин представители естественных наук, например химики. Недавно на одном из заседаний российского экспертного сообщества, связанного с аналитическим обеспечением национальной безопасности России, нам, в данном случае специалистам-исламоведом, был задан вопрос: «В чем состоит геополитика ислама?» Тогда мне пришлось так ответить на него: «Геополитика ислама состоит в удивительной емкой формуле, которую ежедневно много раз повторяет каждый мусульманин: “Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его!”»

Другими словами, я разделяю позицию о том, что любой последовательный ислам, так или иначе, содержит в себе стремление преобразовать окружающую действительность сообразно собственному видению бытия. Для правильного понимания моей позиции важно подчеркнуть, что в процессе такой трансформации далеко не всегда идет речь о том, что адепты ислама действуют наподобие токаря, который пытается изготовить некую деталь на станке, неукоснительно следуя существующему чертежу. В реальной жизни процесс действия исламского фактора на окружающий мир более сложен, в ходе такого процесса неизбежны разного рода мутации, компромиссы, союзы, разные комбинации, приспособления. Это видно, в частности, если обратиться к истории распространения ислама в той же Центральной Азии. Но глубинная цель все-

таки чаще всего сохраняется и поэтому речь идет об актуализации ее в разные периоды истории.

Процесс глобализации в этом отношении в чем-то более жесткий, менее зависимый от субъективного фактора, менее склонный к компромиссам. Другими словами, если мы можем утверждать, что для всех без исключения адептов ислама, для всех мусульманских течений и организаций задача максимального распространения ислама не является первостепенной. Очень большая часть исламской уммы стоит на вполне умеренных позициях, в их планы не входит, скажем, жертвовать жизнью ради планов насильственного обращения иноверцев в религию пророка Мухаммеда. То для процесса глобализации характерно, что социальные страны, включая элитные группы, особенно в регионе Центральной Азии, не способны зачастую играть роль активных акторов в этом процессе, акторов, которые могут себе позволить выбирать ту или иную линию поведения.

Безусловно, для национальной безопасности центральноазиатских государств оба процесса несут и неприятные содержательные моменты. Нельзя не видеть, что несмотря на определенную обеспеченность природными богатствами стран региона, кстати, не всех из них, например, Кыргызстана, глобализация реально отводит региону далеко не завидную роль источника сырьевых ресурсов для более высокоразвитых экономик тех государств, которые расположены за многие тысячи километров от центра Евразии. Отчаянные попытки вырваться из такой сырьевой парадигмы развития, которые предпринимает некоторые руководители стран региона, в том числе и власти Казахстана, пока не увенчались успехом, и нет достаточно надежных свидетельств того, что такой успех будет достигнут в будущем.

Еще более сложно и многопланово обстоят дела с действием исламского фактора. Вообще под исламским фактором следует понимать огромную совокупность самых разных аспектов. Ислам не только ведь чисто религиозный феномен, это явление, которое в глазах его приверженцев представляет собой универсальную общественную систему, которая может якобы дать ответы практически на все мыслимые вопросы.

Поэтому-то, в частности, сам процесс исламизации государств Центральной Азии

применительно к проблематике национальной безопасности реально охватывает отнюдь не только феномен исламского радикализма, на чем исследователи (и Ваш покорный слуга в том числе) чаще всего акцентируют свое внимание. Я стараюсь следить за тем, как меняется подход к исламу в элитных группах, включая контрэлиты, государств региона. Правда, отмечу, что не всегда это удается. Но некоторые наблюдения весьма примечательны.

В Таджикистане, например, в политической лексике представителей властных структур постепенно тема ислама перестает быть связанной только с проблемой интеграции представителей ОТО в общественную жизнь. Ислам постепенно становится частью именно мировоззрения элиты. Идет процесс исламизации посредством своеобразной диффузии. В Узбекистане, где власти весьма жестко пресекают деятельность исламского подполья и одновременно делают определенные реверансы в пользу не исламской исторической традиции, в частности зороастризма, в кругах элиты тем не менее ислам также день ото дня институционализует себя как один из неизбежных сегментов именно общественно-политической жизни республики. В закрытом Туркменистане власти, на мой взгляд, порой излишне надеются на то, что политика по строительству новых мечетей явится надежной гарантией стабильности существующего политического режима. На прошлой неделе СМИ республики сообщили, что Туркменбаши вырастил на своем участке богатый урожай пшеницы и весь доход отправил в фонд строительства мечети на своей «малой родине». Между тем в кругах туркменской оппозиции уже сейчас можно наблюдать отдельные попытки обосновать свои политические программные лозунги, не только апеллируя к западным демократическим ценностям, но и к исламским положениям о «неправедном правлении». Недавно я с удивлением обнаружил те же мотивы и в выступлениях кыргызской оппозиции, причем именно респектабельной ее части, активно действующей в европейских странах. Ситуация в Казахстане присутствующим, вероятно, известна лучше, чем мне. Но и здесь не исключен вариант обращения к исламской проблематике тех групп политической и бизнес-элиты, которые могут постараться воспользоваться несомненными преимуществами исламского

вероучения, хотя бы в плане риторики и политической мобилизации больших масс населения. Рассматривая будущее развитие многовариантно, мы не можем исключать того, что часть политической элиты и по субъективным соображениям, и под воздействием процесса глобализации сочтет для себя выгодным опереться на исламский мир и его идеологические ценности, если внешние и внутренние условия будут для этого благоприятными.

И все же пока большинство экспертов видит основную угрозу национальной безопасности в исламском радикализме. Радикальные панисламистские взгляды имеют распространение повсюду в исламском мире. Радикализм в исламе – это последовательно ригористический подход к политической стороне учения пророка Мухаммеда. Отсутствие в исламе четких границ между светским и духовным, неприятие принципа «Богу – Богово, кесарю – кесарево», традиция халифата, то есть власти, одновременно вобравшей в себя и жреца, и вождя (именно вождя, но не царя), – все это возведено в абсолют. При этом все проблемы общества в такой системе ценностей, по мнению исламистов, надлежит решать, исключительно опираясь на нормы ислама, выводимые из Корана.

Именно антисветский характер исламизма составляет самую важную характеристику этого явления. Под исламизмом в данном контексте я понимаю использование политических группировками исламских лозунгов и элементов учения ислама как идеологической платформы, отличающее их от других общественных формирований, в ходе борьбы за власть со своими политическими противниками. Причем эта борьба может проходить как в пределах законных для той или иной страны методов, так и выходить за их рамки. Последнее обстоятельство, кстати, с легкостью может быть обосновано ссылками на исламскую доктрину. Поэтому-то угрозы со стороны воинствующего исламизма даже странам, исторически относящимся к исламскому миру, вполне реальны. Более того, исламизм как раз возникает в мусульманских странах и обрушивает свои удары в первую очередь против тех мусульманских режимов, которые, с их точки зрения, предали шариат забвению. Бояться прежде всего надо не столкновения цивилизаций, а стремления монополизировать

интерпретацию ислама со стороны исламистов.

Отсюда следует один очень важный вывод – не надо бояться ислама как такового. Более того, в мире ислама есть союзники, также заинтересованные в искоренении ереси радикального исламизма. Умение наладить контакт с ними – задача не из легких, но вполне выполнимая. Второй вывод состоит в том, что страны Запада и Россия – также в этом отношении даже теоретически могут служить союзниками государств Центральной Азии, так как радикальный ислам прежде всего рассматривает своим врагом именно западную цивилизацию, откуда в мусульманские страны были привнесены все те новации, которые, по мнению исламистов, вызвали забвение истинного учения пророка. Правда, действие второго фактора – глобализации в этом отношении, скорее, направлено в противоположную сторону, так как глобализация, в частности, представляет из себя процесс навязывания так называемым «Западным миром» определенной модели распределения хозяйственных ролевых функций населению всей остальной планеты.

Регион Центральной Азии представляет из себя лишь одно из полей, где сегодня не только существующие здесь государственные образования проходят проверку на свою дееспособность. Но при этом и сам феномен ислама в свою очередь проверяется на прочность, в том числе на возможность сосуществования с усиливающимися процессами глобализации. Ислам пытается не только выстоять, но и подключиться в новом качестве к мировым процессам, с учетом реалий нового тысячелетия. Гигантская территория и недра региона Центральной Азии, скрывающие несметные богатства, в этом смысле являются привлекательным объектом не только для западных транснациональных компаний.

Правда, методы исламистов иногда существенно разнятся с подходами западных бизнесменов. Достаточно сравнить, например, требования норм ВТО и тексты сочинений исламских духовных авторитетов. Так, в частности, исламисты пытаются разыграть карту социальной справедливости. Ислам вообще имеет в своей религиозной доктрине мощный потенциал социальной демагогии. Однако следует отметить, что критиковать нынешние политические режимы Центральной Азии за коррупцию, ото-

рванность от народа и прочее, конечно, можно, аргументов для этого жизнь пока дает предостаточно. Но насколько эффективна эта критика именно в устах исламистов? Ведь нигде в мире после их победы что-то не видно было даже намека на рост благосостояния народа.

Но и успокаиваться на этом не стоит. Стремлению перестроить общественные отношения на рыночные рельсы в государствах Центральной Азии обязательно должна сопутствовать серьезная и продуманная, именно государственная, социальная политика. На первый взгляд в некоторых странах региона власти принимают эту сторону проблемы. Государственное вспомоществование нуждающимся семьям идет, например, в Туркменистане, причем в натуральной продуктовой форме, и в Узбекистане, в денежном выражении. Вообще, по моим наблюдениям, в Узбекистане наиболее явно заметно стремление властей противопоставить негативному действию исламистов сильную (по возможностям государства) социальную политику. Правда, при этом при знакомстве с механизмом такой социальной помощи почему-то неизменно возникают определенные и не совсем хорошие исторические ассоциации. Известно, что в Узбекистане такая социальная политика опирается на местный феномен – махалю. Поэтому представляется, что одновременно с благородными задачами в рамках такой политики власти пытаются достичь и других целей, весьма далеких от ценностей современной цивилизации. В этой своей ипостаси узбекская махалю напоминает систему управления, описанную одним из самых видных представителей древнекитайской школы легистов IV в. до н.э. – Шан Яном (Гунсунь Яном) в своем труде «Книга правителя области Шан» (Шан цзунь шу). Шан Ян предлагал именно через систему общинного самоуправления укрепить государственную власть. Характерно, что одна из глав его труда носит примечательное название: «Ослабление народа». Шан Ян предлагал богатым сделать бедными, а бедных – богатыми, конструировать в общине систему всеобщего доноительства, поощрять преданность системой назначений, максимально сдерживать излишнее образование общинников, способствовать круговой поруке, использовать социальную политику как эффективный метод воздействия на массы.

Не случайно, вероятно, что в Узбекистане не все поборники ислама разделяют политику властей этой республики. Однако я вовсе не стремлюсь свести проблему только к социальному аспекту или к проблеме демократичности центральноазиатских режимов. Последний подход часто можно встретить и в выступлениях оппозиционных сил региона, и в работах западных авторов, особенно из неправительственных организаций.

В огромном феномене ислама есть стороны, которые не приемлют демократии в ее современном понимании. И забывать об этом нельзя. В мире ислама существуют силы, деятельность которых направлена на дестабилизацию ситуации в Центральной Азии. Вся история ислама показывает, в рамках этого вероучения регулярно на протяжении веков появляются ответвления, которые вырабатывают догматическое оправдание задачи бороться со своими врагами любыми средствами. Восточная поговорка гласит: «Маленький ножик длиннее в два мизинца способен сделать больше, чем армия в десять тысяч бойцов». События 11 сентября 2001 г. показали истинность этой поговорки. Такие фанатики обычно делают политический и религиозный террор смыслом своей жизни. Известны случаи, когда эти группировки добивались существенных успехов, в том числе они создавали собственные террористические государства. Например, в средние века одна из группировок исмаилитов, изгнанных из Египта, сумела создать в горных районах западного Ирана государство с центром в Аламуте.

Предания утверждают, что во главе этого государства-секты стоял некий «горный старец», влияние которого на политические процессы тогдашнего мира было ничуть не меньше, чем иных мусульманских халифов. Своих фанатичных приверженцев в этом государстве элита целенаправленно при помощи тщательно разработанных ритуалов опьяняла наркотиком гашишем, добиваясь иллюзии нахождения в райских кущах. Когда же действие наркотиков проходило и человек возвращался в обычный мир, он был готов идти на смерть, выполнить любое задание руководителя, но лишь бы вновь обрести испытанное блаженство. Повинуясь воле старца из Аламута, во все концы исламского мира рассылались воины-террористы, получая задание уничтожать неугодных

правителей, предавших, по мнению исмаилитов, святое учение пророка. Мир прозвал их «ассасинами» – убийцами. Султаны Египта настолько боялись их, что были вынуждены даже во время военных походов и охоты ночевать в специально укрепленных передвижных деревянных башнях.

Террор мусульманских фанатиков может причинить много вреда. Но даже в случае успеха террористических актов власть может достаться исламским радикалам только в том случае, если общество в своем большинстве посчитает их более привлекательными, чем своих прежних правителей, либо останется безразличным к происходящим переменам. Так что проблема лежит не только в угрозе исламского радикализма, но и в том, насколько адекватна политика, проводимая властями центральноазиатских государств, внутренним потребностям тех или иных модернизирующихся обществ. События в том же Кыргызстане в марте этого года показывают, что действия властей далеко не всегда бывают адекватными. При этом речь идет не просто о единичных фактах ошибочных действий отдельных чиновников, а о более масштабных процессах. Например, ухудшению позиций стран Центральной Азии и с точки зрения глобализации, и с точки зрения исламизации, несомненно, способствует аграризация экономики, деиндустриализация и маргинализация части городского населения подавляющего большинства республик региона. Сельское население, особенно в условиях расширения применения примитивных форм и методов хозяйствования, и маргинальные слои городского населения более склонны к восприятию исламских ценностей в разных их модификациях.

Представляется, что медлить с выработкой системы мер обеспечения национальной безопасности нельзя. Современная жизнь слишком динамична. В этой связи хочу обратить внимание еще на одну связь исламского фактора и глобализации. Прошедший в 2001 г. саммит в Генуе привлек к себе внимание средств массовой информации со всего мира. Однако в кадры телерепортажей и на газетные полосы попали, прежде всего, не сами переговоры глав ведущих государств мира, а шумные акции противников глобализации. Многотысячные толпы, забрасывающие камнями и палками стражей порядка, облака слезоточивого газа, разбитые витрины магазинов и покореженные машины

– все это в самых ярких красках было представлено в отчетах журналистов с места событий.

Однако за всей этой внешней мишурой так и остался без должного ответа вопрос о том, почему подобные акции с нарастающей силой и периодичностью происходят в вполне благополучных странах Запада. Ряд политиков поспешили объяснить это явление весьма тривиальным образом, мол, на Западе входит в моду новая разновидность туризма – политический экстремальный туризм, а молодые люди, отчаянно конфликтующие с полицией, – это не более чем искатели острых ощущений. Представляется, что такое объяснение феномена движения антиглобалистов слишком утрировано.

Если задаться вопросом, насколько уникально движение антиглобалистов, есть ли другие аналоги этого явления в мире, то невольно приходишь к внешне парадоксальному выводу: антиглобалисты являются второй редакцией другого феномена, также в последнее время беспокоящего жителей нашей планеты – радикального ислама. На первый взгляд между ними нет ничего общего. Разные географические ареалы, разные доктринальные истоки, разный, по крайней мере по внешнему облику, состав последователей. Все правильно. Это действительно так. Но это еще не все, надо смотреть глубже.

И там, и там налицо недовольство характером развития западной цивилизационной модели, навязываемой группой высокоразвитых стран всему остальному миру. Навязываемой принудительно, цинично, не считаясь с интересами сотен и сотен миллионов людей. По сути дела, движение антиглобалистов, равно как и движение исламских радикалов, – это крайняя форма защитной реакции на сильный внешний раздражитель. Исламские радикалы и антиглобалисты претендуют на то, чтобы стать острем тарана, который призван разрушить политику официальных властных структур.

Поэтому, чтобы понять антиглобалистов, неплохо бы понять, чего хотят исламские радикалы.

В обобщенном виде идеологию радикальных исламистов можно свести к следующим положениям:

- с их точки зрения, исламская цивилизация в настоящее время оказалась перед лицом смертельной опасности. Причем эта опасность исходит от глобального распрое-

транения на исламские страны и общины современных светских идей и соответствующего вестернизированного образа жизни, подрывающих духовные основы веры. Проводниками таких злонамеренных идей и моделей поведения выступают прежде всего государственные структуры, обладающие или стремящиеся к обладанию монополией на правовое регулирование жизни верующих, образование, средства массовой информации, экономике;

- лекарством от такого принудительного навязывания мусульманам «чуждых идей и прав» является праведная борьба против «неверного государства». Истинным мусульманам следует объединяться в общины, которые должны находиться в независимом от государства положении. При чем этим общинам необходимо стремиться максимально расширять сферы своего влияния, оказывать давление на политиков и государственные институты, дестабилизировать их нормальную работу и, в конце концов, принудить власти к выполнению своих требований. Нужно компрометировать власть постоянными пропагандистскими акциями, изображая ее представителей послушными лакеями западных монополий.

Так как процесс становления исламских радикалов имеет за своими плечами большой исторический отрезок времени, то и их доктрина и практика уже получили относительно четкое оформление. По сути дела, значительная часть исламских радикалов совершенно искренне верит в то, что они творят добрые и богоугодные дела, борясь против угрозы вере, исходящей от государства, нарушившего божественные предписания. Репрессии же со стороны государства, такие, как преследования мусульманских братьев в странах Ближнего Востока, подчас только стимулируют обращение к насилию тех, кто ранее был склонен нести слово Аллаха преимущественно убеждением, словом, а не оружием.

Во многих мусульманских странах исламские радикалы загоняются в подполье, как, например, в Алжире, Египте, Сирии, Ираке, Тунисе и Турции. Однако, даже находясь в подполье, исламские радикалы все равно действуют с нарастающей энергией. Подчас именно статус преследуемых за веру делает их привлекательными для определенных слоев населения лидерами оппозиции. Государство же зачастую не в состоя-

нии противопоставить культурной экспансии радикалов ничего, кроме тривиальных репрессий.

Исламский радикализм в современных условиях обществ промышленных и информационных технологий, несомненно, для многих выступает как более притягательная духовная сила. В то же время исламские радикалы совсем не похожи на средневековых фанатиков, сжигающих печатные книги. Отнюдь они прекрасно понимают те преимущества, которые дают современные достижения цивилизации. Так, они весьма продуктивно используют коммуникационные технологии, Интернет, спутниковое телевидение. С их помощью им удастся прорвать или обойти государственную монополию на средства массовой информации, цензуру и разного рода запреты. Их голос сегодня доходит до тех слоев общества, к которым они хотят обратиться. Развивающееся общество нельзя запереть в стеклянной колбе, и поэтому все новые и новые новобранцы вливаются в ряды тех, кто сумел привлечь их пламенными обличительными речами.

Антиглобалисты также наращивают силу своих акций при помощи современных средств коммуникаций. И также их призывы обращены к той части общества, которая не довольна навязываемой государством политикой тотального подчинения всех и каждого каким-то определенным правилам. Исламистов и антиглобалистов роднит еще одна особенность: они активно выступают именно против собственных правительств. Экономика без благотворительности вызывает резкий протест и тех, и других. Религиозные суждения о социальной справедливости в исламской общине и лозунги о необходимости защиты бедных регионов планеты от хищнической политики транснациональных монополий имеют много общего. Наиболее воинственные не ограничиваются только речами, а идут приобретать взрывчатку или бить витрины Макдональдсов.

В социальном плане движения также имеют много общего. Просто речь идет об обществах, стоящих на разных ступенях индустриального развития. Базой и тех, и других являются прежде всего те слои, которые больше всего пострадали от отказа современных политических элит учитывать пожелания своих граждан. Среди таковых много безработных выпускников средних и высших

учебных заведений, низших слоев среднего класса, клерков и маргиналов, перебравшихся в города из сельской местности, словом, всех тех, кто разочаровался в модернизации, проповедваемой государством. Чувство сопричастности к борьбе против своих обидчиков дает им ту силу и осознание своей значимости, которых они были лишены в своей прежней жизни. Масштабные же акции, находящиеся в центре общественного внимания, только цементируют солидарность подобных организаций.

Исламские радикалы в своей борьбе против «прогнившего светского государства» апеллируют к социальной справедливости. Они быстро и умело набирают очки в свою пользу, перечисляя язвы сторонников светского пути развития: безработицу, растущую преступность, нехватку жилья, прогрессирующую бедность, забвение моральных идеалов. Социальные изъяны правительственных программ реформирования и моральная испорченность политических элит – наиболее уязвимые точки современных государств, по которым и наносятся удары. При этом исламистов совершенно не волнует, что их доктрина в свою очередь являет собой пример того, как игнорируются права и законные интересы части общества.

В частности, имеется в виду то, что радикалы от ислама ни в малейшей степени не обеспокоены правами женщин, немусульманских слоев населения, иностранцев и т.д. Если шариат предписал женщинам скрывать свое лицо за чадрой, то отступницы вполне могут подвергнуться нападению и оскорблению. Еще большие беды грозят тем, кто посмеет попытаться провести в жизнь государственные программы по планированию семьи. Свобода же вероисповедания является таковой в подлинном смысле только для самих приверженцев радикального толка в исламе, представители других конфессий зачастую становятся жертвами религиозного насилия. «Враги ислама» – это тот ярлык, который радикалы с легкостью навешивают на всех тех, кто не разделяет их взгляда и поступки. Любые иные мнения не просто не приветствуются, они ставятся под запрет, а их носителей порой ждет мучительная смерть. Не случайно в организационном плане исламские радикалы явно тяготеют к полувоевнизированному авторитарному по характеру структурам.

Так что антиглобалисты, крушившие витрины магазинов в Генуе, во многом идут по этому же пути, хотя на первый взгляд их лозунги благородны и ничем не напоминают обильно сдобренные цитатами из Корана сентенции исламистов. Но логика развития радикализма почти наверняка возьмет свое. Симптоматично, что среди вождей антиглобалистов уже можно сегодня увидеть и повстанцев из Мексики, и анархистов, и ультрарадикалов. Наконец, кровь «героев» уже пролита на мостовые. И эта кровь вряд ли будет последней...

Из сказанного выше я бы хотел сделать один примечательный вывод: для центральноазиатских государств даже широкомасштабная помощь развитых стран Запада не будет панацеей от конфликтов. Как не сможет стать панацеей и присутствие воинских контингентов любых государств мира в регионе. Не надо строить излишних иллюзий. В этом жестоком мире истинный альтруизм – чрезвычайно редкое явление.

Итак, я считаю, что и глобализацию, и исламизацию в государствах Центральной Азии никому не удастся ни остановить, ни даже направить в сто процентов оптимальное для обеспечения национальной безопасности русло. Это не по силам сделать ни политическим режимам центральноазиатских государств, ни странам Запада и США, ни России. Оптимизация процесса, попытки управления им с целью минимизации негативных последствий, вероятно, могут иметь место только в форме приспособления и компромисса, но не революционных попыток активного противодействия. Такая точка зрения хотя внешне и выглядит фаталистической, но мне она представляется объективной. Не надо делать из этого трагедии. Просто национальная безопасность государств будет выстраиваться в особых условиях, более сложных и неблагоприятных, чем у тех государств, представители которых так часто любят давать советы новым независимым государствам, исходя из собственного опыта, как им следует поступать во всех мыслимых и немыслимых ситуациях. Мир ислама – это та реальность, с которой надо считаться, ни игнорировать, ни, тем более, кардинально преобразовать его никто в современном мире не сможет. По крайней мере, в обозримом будущем. Следовательно, надо искать способы наиболее безболезненного и взаимовыгодного существования.

«ИСЛАМСКИЙ ОТВЕТ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ? (что думают об этом эксперты)

Илеуова Г.Т.

Одной из главных тем, которые поднимаются на подобных конференциях, является выяснение причин радикализации ислама в последнее время. И если раньше данная проблематика рассматривалась в основном в социально-экономической плоскости, то в настоящее время к такому подходу примешиваются цивилизационные, идеологические и другие аспекты. Как пишут авторы книги «Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии»: «Учитывая, что радикализация исламского фундаментализма в прошлом веке в известной мере может рассматриваться как своего рода реакция на идею глобализации, возникновение исламского экстремизма и терроризма в качестве ответа на “вестернизированную” глобализацию лежит прежде всего в области идеологии» [1].

Один из главных вопросов – это принадлежность Центральной Азии к данной зоне. Участники конференции в большинстве своем (56%), хотя и не совсем категорично (скорее нет, чем да), утверждают, что, несмотря на то, что ислам исповедуется на территории Центральноазиатского региона, вместе с тем вопрос сейчас так не стоит. Т.е. необходимо учитывать специфические особенности каждого региона и не следует говорить о некоем едином «исламском ответе».

Надо отметить, что аналогичной точки зрения придерживаются и многие другие известные исследователи исламской проблематики. Так, с точки зрения А.Игнатенко: «В настоящее время, на рубеже XX и XXI веков исламский мир как консолидированный субъект международной политики существует только виртуально, в каче-

Диаграмма 1

Существует ли связь между глобализацией и всплеском исламского экстремизма?

С точки зрения экспертов, проблема исламского экстремизма существует: только 6% не разделяют данной озабоченности (см. диаграмму 1). 40% экспертов посчитали, что в настоящее время мы являемся свидетелями «исламского ответа» вызовам глобализации, что проявляется в значительном всплеске исламского экстремизма по всему миру. Вместе с тем чуть больше половины опрошенных (53%) не столь категоричны: для них исламский экстремизм – это в большей степени эксплуатация исламской риторики в политических целях.

Если согласиться с мнением о наличии зоны «исламского ответа» на вызовы глобализации, то возникает вполне справедли-

стве некоего проекта, точнее, проектов, которые, реализуясь, придают этому становящемуся миру противоречивые характеристики. Различные уровни социально-экономического развития, разные геостратегические интересы, унаследованные и возникающие конфликты, личная конкуренция лидеров, отсутствие единого ислама, существующего только в конкретных, “страновых” или региональных проявлениях и, соответственно, разная форма и степень исламизации общественной жизни (а в некоторых случаях и далеко зашедшая ее секуляризация) – все это и многое другое приводят к альтернативным проектам формирования исламского мира» [2].

По мнению же киргизского эксперта О. Молдалиева: «Имеется ли "исламская перспектива" В Центральной Азии – вопрос довольно сложный. На сегодняшний день объективных условий для этого не имеется: население в своем большинстве не приемлет шариатскую форму правления, оно к этому не готово. Но бесспорно одно: религиозный экстремизм проникает в регион, паразитируя на исламе» [3].

Вместе с тем также не совсем уверенно (скорее да, чем нет) 33% все-таки полагают, что Центральная Азия уже в силу того, что она входит в орбиту влияния ислама, находится по другую сторону баррикад в противостоянии с глобализаторским Западом. Чем они обосновывают свое мнение? Приведем некоторые высказывания респондентов:

- идет возрождение ислама в мире, в том числе на периферии. В Центральной Азии идут наряду с этим процессы национально-государственного строительства, модернизации и вестернизации;

- очевидно, что «исламский ответ» – шанс заполнить вакуум на постсоветском пространстве;

- пока нет, но вскоре будут входить. Но как сегмент (часть) исламского мира страны Центральной Азии в этом отношении самостоятельны;

- стремительное ухудшение социально-экономической ситуации в Центральной Азии (кроме Казахстана) + духовный кризис, выход из которого – лишь «уход» в религию + неспособность властей решать комплекс проблем + геополитическое соперничество;

- ислам Центральной Азии, несмотря на свою специфику, позволяет говорить о том, что страны региона входят в так называемый исламский мир, а это в свою очередь означает, что и ему присущи общие проблемы развития;

- взаимосвязанность событий последних лет в Центральной Азии с процессами глобализации является очевидной;

- страны Центральной Азии представляют собой интерес в связи с их людскими и природными ресурсами и удобным стратегическим географическим расположением;

- Центральная Азия – традиционная исламская территория, зона мусульманского мира, несмотря на то, что степень исламизации несколько иная.

Резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить: в среде экспертов еще не сформировалась определенная точка зрения

по данной проблематике. Вместе с тем, учитывая специфические особенности региона, большинство опрошенных полагает, что Центральная Азия, во всяком случае в настоящее время, не является активным субъектом исламского мира, а потому и не включена в существующее противостояние между глобализаторским Западом и исламским Востоком.

При рассмотрении национальной и региональной безопасности стран Центральноазиатского региона нельзя обойти вниманием вопрос, связанный с выявлением внутренних и внешних угроз безопасности. Уже давно идет дискуссия о том, какие именно угрозы представляют наибольшую опасность, насколько они взаимосвязаны и т.п. Так, например, некоторые исследователи чаще всего делают акцент на внутренних социально-экономических проблемах стран региона, считая их представляющими наибольшую опасность. Другие настаивают на решающем значении внешнего фактора, в частности, геополитического положения региона, соседство его с нестабильными государствами, из которых происходит экспорт как радикальных исламских идей, так и самих экстремистских организаций. Существует и в некотором роде промежуточное мнение, что тяжелые социально-экономические условия не обязательно являются фактором, способствующим выработке какой-то протестной идеологии, в том числе основанной на исламе. В определенных случаях вполне возможно создание на другой (страновой) основе экстремистской исламской идеологии, которая в дальнейшем экспортируется на «благоприятную», уже как бы подготовленную социально-экономическим кризисом, почву. Таким образом, имеет место некий симбиоз внутренних и внешних факторов, которые, накладываясь, только усиливают эффект, но в этой связке трудно выделить наиболее влиятельный компонент.

Подобной точки зрения придерживается российский исследователь К. Поляков. По его мнению, «...сами по себе внутренние условия, способствующие появлению у населения выразить свои интересы с использованием лозунгов «радикального» ислама, не могут быть достаточными для возникновения широких исламских общественно-политических движений фундаменталистской направленности. Даже при наличии субъективного фактора (каковой в России пока практически отсутствует), возможность со-

здания основных предпосылок для распространения идей «радикального» ислама реализуется на первоначальном этапе через влияние внешних условий» [3].

По результатам нашего опроса, представленным в таблице 1, заметно, что эксперты все-таки более высоко оценили угрозы, происходящие по внутренним причинам, нежели по внешним: оценка наличия социально-экономических проблем более чем на 1,5 балла превышает значение такой угрозы, как увеличение транзита наркотиков. Кроме того, экспертами были предложены свои варианты проблем, представляющих угрозу безопасности ислама:

- экологическая опасность;
- наличие внешнего манипулирования;
- региональные и этнокультурные особенности ислама.

В то же время угрозы, возникающие непосредственно вследствие причин религиозно-экстремистского плана, экспертами не были признаны в качестве определяющих (деятельность религиозных экстремистских организаций на территории Центральной Азии и экспорт религиозного, в том числе исламского экстремизма, соответственно 5,33 и 5 баллов).

Таблица 1

№	Внутренние угрозы	Ср. балл
1	Социально-экономические проблемы	8,11
2	Коррупция в органах власти	7,39
3	Снижение образовательного и интеллектуального уровня населения	6,72
4	Внутриэлитная борьба	6,00
5	Обострение межнациональных противоречий	5,78
6	Деятельность религиозных экстремистских организаций на территории ЦА	5,33
7	Нарушение прав и свобод гражданина	5,28
8	Сворачивание процессов демократического реформирования	5,11
№	Внешние угрозы	Ср. балл
1	Увеличение транзита наркотиков	6,50
2	Нестабильность в соседних государствах	6,06
3	Неконтролируемые миграционные процессы	5,72
4	Усиление политического влияния и военного присутствия сильных держав	5,39
5	Идеологическая и информационная экспансия других государств	5,33
6	Экспорт религиозного, в том числе исламского, экстремизма	5,00
7	Расширение экономического присутствия сильных держав	4,61
8	Территориальные притязания соседних государств	4,50

При пострановом рассмотрении угроз безопасности результаты выглядят несколько иначе. В данном случае можно наблю-

дать смешение внешних и внутренних угроз, причем у каждой из стран региона наличествуют идентичные проблемы, такие, как вероятность социальной нестабильности, но есть и свои специфические элементы.

В таких странах, как Казахстан и Туркменистан, по мнению экспертов, проблемы есть, но они все же не столь актуальны, по сравнению с другими государствами региона (см. табл. 2, 3).

Таблица 2

№	Казахстан	Ср. балл
1	Борьба за власть между отдельными группами влияния (региональными кланами, олигархическими группами и т.д.)	3,17
2	Социальная нестабильность (падение жизненного уровня, безработица, поляризация общества и т.д.)	3,06
3	Стратегические интересы третьих стран	2,94

Таблица 3

№	Туркменистан	Ср. балл
1	Социальная нестабильность (падение жизненного уровня, безработица, поляризация общества и т.д.)	3,5
2	Недемократический характер политики государства (зажим оппозиции, нарушение прав и свобод гражданина, нарушение прав нац. меньшинств)	3,28
3	Криминальный фактор (наркобизнес, торговля оружием и т.д.)	2,78

Наиболее взрывоопасным в настоящее время признан Кыргызстан (см. табл. 4): максимально неблагоприятная комбинация проблем внутривластного характера, оценки которых приближаются к критической отметке.

Таблица 4

№	Кыргызстан	Ср. балл
1	Социальная нестабильность (падение жизненного уровня, безработица, поляризация общества и т.д.)	4,61
2	Слабость существующего политического режима	4,39
3	Борьба за власть между отдельными группами влияния (региональными кланами, олигархическими группами и т.д.)	4,22

Несколько лучше, чем у Кыргызстана, оценено состояние национальной безопасности Узбекистана и Таджикистана (см. табл. 5, 6). Нужно заметить, что, по мнению участников конференции, из пяти центральноазиатских государств только в Узбекистане существует такая значительная проблема, как деятельность исламских экстремистских организаций.

Таблица 5

№	Таджикистан	Ср. Балл
1	Криминальный фактор (наркобизнес, торговля оружием и т.д.)	4,11
2-3	Социальная нестабильность (падение жизненного уровня, безработица, поляризация общества и т.д.)	3,89
2-3	Борьба за власть между отдельными группами влияния (региональными кланами, олигархическими группами и т.д.)	3,89

Таблица 6

№	Узбекистан	Ср. Балл
1-2	Недемократический характер политики государства (зажим оппозиции, нарушение прав и свобод гражданина, нарушение прав нац. меньшинств)	4
1-2	Деятельность исламских экстремистских организаций	4
3	Социальная нестабильность (падение жизненного уровня, безработица, поляризация общества и т.д.)	3,89

Именно в связи с тем, что угроза исламского экстремизма для стран региона пока не реализовалась в полной мере (как это показывают приведенные выше данные), наиболее остро стоит вопрос о проводниках экстремистских исламских идей в Центральной Азии. С точки зрения экспертов, – это исламские экстремистские организации и движения (67%), а также современные религиозные деятели, проходившие обучение в исламских странах (44%) (см. диаграмму 2).

Насколько активно в странах региона действуют проводники исламского экстремизма, можно проиллюстрировать примерами по, казалось бы, «благополучному» в этом отношении Казахстану, которые приводились на одной из конференций: «В последние годы на территории Южно-Казахстанской области расплодилось различно рода благотворительные мусульманские фонды, сюда зачастую эмигранты международных организаций «Истлах», «Тайба», «Комитет мусульман Азии». Большая часть

них под видом миссионерской деятельности занималась распространением идей радикального ислама»; «...в институте «Араб тілі», открытом при одной из шымкентских мечетей, иностранцы-преподаватели распространяли среди учащихся брошюры на русском языке «Обращение к молодежи». Автор этого воззвания Хасан аль Банна – основатель экстремистской организации «Братья-мусульмане», проповедующей в своих учениях идеи исламского фундаментализма»; «...с 1998 года в г. Астане действовал Независимый институт арабского языка и восточной культуры. В стенах этого вуза отрицались всякие праздничные и выходные дни, установленные законодательством республики. Девушкам запрещали ходить в европейской одежде, разговаривать с мужчинами», и, хотя в последующем институт был лишен лицензии, «многие студенты стали религиозными фанатиками» [4].

Какие меры необходимо предпринять, чтобы нейтрализовать, как мы видим, достаточно опасные тенденции? Что необходимо сделать для укрепления национальной и региональной безопасности? Наиболее эффективной в этой связи экспертами была признана поддержка на государственном уровне традиционных для региона религиозных течений – 83% (см. табл. 7). Один из экспертов заявил даже о «необходимости государственной политики в области огосударствления религии!» Конечно, такая крайняя точка зрения не может разделяться всем экспертным сообществом. Тем более еще свежи воспоминания из недалекого советского прошлого. В то же время есть примеры стран, где государству удается проводить взвешенную политику в этом сложном вопросе.

Для примера можно привести Турцию, в которой позиции ислама, как известно, до сих пор очень сильны. Светское государство

Диаграмма 2

предпринимало и предпринимает достаточно жесткие шаги по проведению своей политики в религиозной сфере. Наиболее заметно она проявляется в системе образования: практически поставлен на поток подконтрольный государству выпуск священнослужителей всех уровней, в частности, с помощью так называемых школ имамовахитов. «Ежегодный выпуск 77,3 тыс. теологов-педагогов не только с лихвой удовлетворяет потребности общеобразовательной школы в квалифицированных преподавателях религиозных дисциплин, но и поставляет культовым организациям образованных священнослужителей традиционного ислама, что в условиях подпольной деятельности религиозных сект представляется немаловажным» [5].

Таблица 7

№	Перечень мер	%
1	Поддержка на государственном уровне традиционных для региона религиозных течений	83,3
2	Запрещение деятельности любых нетрадиционных для региона религиозных организаций	38,9
3	Разрешить создание и деятельность исламских политических партий и общественных движений	27,8
4	Воссоздание единого органа управления мусульман Центральной Азии	27,8
5	Признание исламской оппозиции как политической силы	5,6

Нужно отметить, что любая из предложенных мер напрямую связана только с компетенцией государства и не предполагает ответственности/заинтересованности какой-либо другой стороны, что, видимо, вполне отражает ту внутривластную реальность, которая имеет место во всех странах региона.

Наиболее интересными при анализе ситуации в Центральной Азии являются прогнозные оценки экспертов. В целом прогнозы не слишком оптимистичные. Так, например, с точки зрения Е.Карина, «...экстремистские и террористические организации зачастую являются инструментом реализации геополитических интересов через использование внутренних факторов». Иначе говоря, «ислам используется как технология. Технология разжигания антисистемных настроений. При этом основная цель данной многоходовой комбинации – путем обострения текущей внутривластной ситуации содействовать приходу к власти других политических сил, которые, видя участь предше-

ственников, будут лояльно относиться к внешним игрокам» [7]. Как можно заметить, в данном прогнозе странам региона предписана роль второстепенных, ведомых участников, которые не могут вести самостоятельную игру.

А каковы основные сценарии развития ситуации в Центральноазиатском регионе с точки зрения участников конференции? В таблице 8 представлено распределение ответов на данный вопрос.

Большинство экспертов достаточно последовательно в том, что связывает национальную безопасность с социально-экономическими проблемами той или иной страны. Таким образом, при решении данных проблем высока вероятность стабилизации ситуации в любом из центральноазиатских государств. Сравнивая данные результаты с результатами построгового анализа, можем прийти к выводу, что быстрее всего ситуация стабилизируется в таких странах, как Казахстан и Туркменистан, где возможно более быстрое решение проблем социального развития, в то время как в других странах этот процесс будет сложным и протяженным во времени.

Таблица 8

№	Прогноз	%
1	В разных странах региона ситуация будет отличаться, т.к. она напрямую зависит от того социально-экономического и внутривластного положения, которое будет складываться в той или иной стране	77,8
2	Ситуация будет стагнировать в течение длительного времени, но принятие мер со стороны властей в конце концов приведет к негативным результатам с точки зрения возможности существования в странах Центральной Азии светской власти	11,1
3	В целом ситуация в центральноазиатских государствах будет стабильной, поскольку реальной угрозы со стороны исламского экстремизма нет, а есть очередной миф	5,6

Лишь 11% экспертов полагает, что ситуация будет стагнировать в течение длительного времени. Ни один из экспертов не посчитал, что ситуация будет радикализироваться быстрыми темпами, поскольку меры, предпринимаемые властями, не будут способствовать ее нормализации, а деятельность экстремистских организаций будет все более расширяться. Таким образом, эксперты все еще не теряют надежды, упоывая на стремление государства к самосохранению и саморегулированию, возможно, и не без вмешательства внешних сил.

Литература

1. Косиченко А.Г., Ашимбаев М.С. и др. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 44.
2. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира. Сб. Ислам и политика. – М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. – С. 9.
3. Молдалиев О. Современные вызовы безопасности Кыргызстана и Центральной Азии. – Бишкек, 2001. – С. 128–129.
4. Поляков К. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX века. Сб. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Под ред. А.Малашенко и М.Б.Олкотт. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. – С. 269.
5. Куандыков Е.С. Религиозный экстремизм – угроза стабильности страны. Сб. Стабильность и безопасность Казахстана на стыке веков. Под ред. Н.С.Бектурганова, Г.Т.Телебаева и др. – Астана: Елорда, 2000. – С. 193–194.
6. Ли Ю.А. Государственная политика Турции в сфере религиозного образования. Сб. Ислам и политика. – М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. – С. 342.
7. Карин Е. Тенденции религиозного экстремизма в Центральной Азии: геополитический аспект. Сб. Проблемы религиозного экстремизма в Центральной Азии. Материалы международной конференции. – Алматы, КИСИ, 2001. – С. 46.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ,
ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см. со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (Word, Excel).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку. Автор (ФИО), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [...] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН –
НА ПУТИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ РЕФОРМИРОВАНИЮ

Тукумов Е.В.

Прежние стереотипы об Иране как о государстве с «застывшей» экономической и политической системой, где правят исламские фундаменталисты, с определенного периода времени уже не совсем соответствуют действительности. Начавшиеся в этом государстве в 1989 г. осторожные и незначительные перемены в политико-экономической сфере, после 1997 г., когда к власти в Иране пришли прореформаторские силы во главе с Моххамедом Хатами, значительно интенсифицировались. Сегодня Исламская Республика Иран – это динамично развивающаяся в политическом и экономическом плане страна, где в последнее время происходят значительные изменения, с весьма интересными и неоднозначными по своему характеру потенциальными последствиями.

Вместе с тем совершенно очевидно, что Иран находится в самом начале процесса реформирования. В этой стране еще предстоит решить серьезные внутривнутриполитические, экономические проблемы, по-новому осмыслить свое место в мировом сообществе, с некоторыми странами, возможно, заново выстраивать свои отношения, с учетом меняющихся обстоятельств. При этом, несомненно, что главными проблемами для Ирана являются проблемы внутривнутриполитического характера, анализу которых и будет посвящена данная статья.

* * *

Главной внутривнутриполитической составляющей в Иране за последние несколько лет, начиная с 1997 г., является противостояние между двумя основными политическими лагерями – т.н. «либералами» и «консерваторами». Исходя из этих определений, «консерваторы» – это исламские фундаменталисты – сторонники закрытости иранского общества, недопущения никаких отклонений от заветов Хомейни как в вопросах религии и ее влияния на повсед-

невную жизнь каждого иранца, так и в вопросах внутренней и внешней политики. «Реформаторы» же, лидером которых является переизбранный в июне 2001 г. президент М.Хатами, полагают, что для прогресса Ирана, сохранения его безопасности необходимы определенные либеральные реформы в экономике, политике, социальной жизни – как внутри страны, так и во внешней политике.

В целом для составления более точного, объективного анализа состояния внутривнутриполитической ситуации, изучения реального расклада сил на политической арене, определения перспектив развития общественно-политической жизни Ирана необходима, на наш взгляд, краткая информация сложившейся политической системы данного государства.

Сложившаяся после 1979 г. структура власти в Иране выглядит следующим образом.

Структура власти (см. диаграмму №1) представлена в виде упрощенной модели, состоящей из четырех «кругов силы», которые увеличиваются в размере от внутреннего к внешнему [1].

Центральный круг системы включает группу влиятельных духовных лиц – «патриархов», которых относят к консерваторам. Это основная сила правящего режима, принимающая решения и служащая своеобразной «нервной системой». Совместно патриархи контролируют не только свой круг, но прямо и номинально контролируют остальную часть политической сферы. Основой мощи патриархов являются формальные силовые центры, *shura-ye negahban* (Попечительный совет), *majles-e khodregan* (Собрание депутатов) и не формальные, такие, как *jamet-modarresin-e house-ye-elmiye-ye Qom* (Ассоциация учителей духовных семинарий). Патриархи не обязательно должны были занимать высокий духовный пост в шиитском исламе.

Второй силовой круг состоит из высокопоставленных государственных лиц, правительственных чиновников, губернаторов.

Третий круг включает лиц, контролирующих различные экономические объекты и организации, революционные фонды, охрану, ведущие каналы средств массовой информации. Вместе эти группы – силовая база режима и основа идеологии.

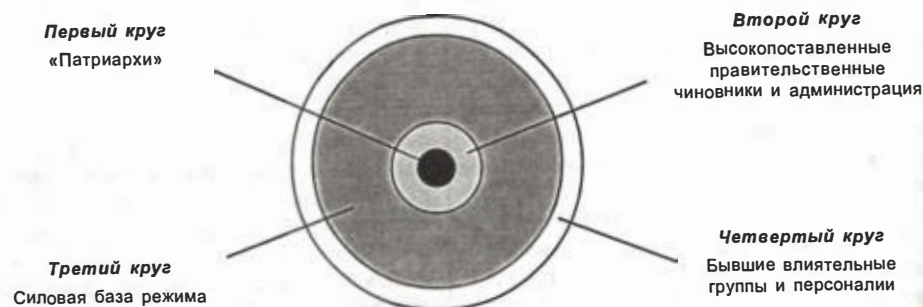
Последний **четвертый круг** – это лица, игравшие ранее важные роли в системе, элита, сохранившая относительное влияние, управляющая неформальными группировками, являющаяся посредником между государством и обществом.

высших должностных лиц, подписание указа о назначении президента после его избрания, равно как отстранение от власти в случае недееспособности, решение спорных вопросов между законодательными, исполнительными и судебными властями (вплоть до их роспуска) и многое другое [3].

Президент (М.Хатами) в свою очередь является вторым по значению официальным лицом в стране. В его руках сосредоточена вся полнота, но только исполнительной власти. Поскольку исламские властные структуры обладают верховенством над светскими, любое сколько-нибудь серьезное решение исполнительной власти про-

Диаграмма 1

Неформальные структуры власти (Четыре «Круга Власти»)

Согласно Конституции 1979 г., принятой после Исламской революции, в основу всех сторон жизни Ирана были положены принципы ислама. Поэтому управлять страной могли исключительно сведущие в исламе лица – улемы. Верховный религиозный руководитель (факих) осуществляет опеку (веляят) над всей системой власти и страной в целом. Таким образом, реализуется концепция веляят-е-факих, являющаяся краеугольным камнем исламского государственного устройства [2].

Духовный руководитель Ирана (ныне аятолла Али Хаменеи) является высшим, абсолютным авторитетом в стране. В его компетенцию входит широкий круг вопросов, которые практически охватывают все стороны жизнедеятельности общества и государства: определение генеральной линии в политике ИРИ и контроль за ее проведением, назначение референдумов, командование всеми вооруженными силами, объявление войны и мира, а также всеобщей мобилизации, назначение и принятие отставки

ходит через «сито» теократических институтов власти.

Законодательная власть в Иране принадлежит Национальному одномандатному консультативному собранию (меджлис-е-шуро-е-мелли). В него сроком на четыре года избирается 290 депутатов. В функции меджлиса входит разработка, обсуждение и принятие законодательных актов, предложенных правительством.

Меджлис утверждает Совет министров по представлению президента и располагает правом делать запросы членам кабинета. В случае выражения недоверия правительство или отдельные министры обязаны уходить в отставку.

В Иране действует также т.н. **Высший совет национальной безопасности (ВСНБ).** На этот Совет возлагается определение государственной политики под контролем Руководителя. Председательствует в ВСНБ президент. В заседаниях Совета в качестве его членов участвуют руководители всех трех ветвей власти, глава Совета верховного ко-

мандования вооруженных сил, ответственный за государственный бюджет и планирование, два представителя Руководителя, министры внутренних дел и информации, министр правительства в зависимости от повестки дня и командующий Корпусом стражей исламской революции.

Региональные и местные органы власти. Страна разделена на 28 останов (провинций), во главе которых стоят генерал-губернаторы, назначаемые министром внутренних дел. Останы делятся на шахрестаны – административные единицы, включающие города с примыкающей сельской местностью. Управляют шахрестанами чиновники, которые частично назначаются, а частично избираются. Наиболее влиятельным политическим лицом в шахрестане является имам-жоме, или главный пятничный священник, выполняющий роль местного представителя Руководителя.

Политические объединения. В Иране, несмотря на устоявшуюся теократию, в настоящее время существует множество различных движений, политических объединений, отражающих практически весь спектр мнений иранского общества: от крайне консервативных исламских объединений до радикальных реформаторских партий и либеральных движений. В 1990-е годы, с подъемом политического сознания масс, их разочарованием в результате правления исламистов и усилением противоречий внутри правящих кругов, в частности между т.н. умеренными и сторонниками жесткой линии, начал дискутироваться вопрос о создании партий, которые отражали бы новую социальную и политическую структуру общества. Появилось несколько новых политических организаций, например, объединение технократов Служители реконструкции и Исламский фронт участия Ирана, поддержавший президента М.Хатами на президентских выборах.

После известного раскола 1988 г., когда распалась ведущая правящая партия – Исламская республиканская партия (Хизб-е Джомхурийе-Ислами), идеологические фракции правящей элиты Ирана распались на три течения: **левых исламистов, правых традиционалистов и правых модернистов.**

Правые традиционалисты

Наиболее значимыми фигурами у традиционалистов считается верховный лидер Али Хомейни и спикер парламента Али Ак-

бар Натек-Нури. Некоторые из влиятельнейших членов Ассоциации активистов духовенства принадлежали к одному из двух главных силовых центров: *shura-ye negahban* (Попечительский совет), который занимался проверкой законов, принимаемых парламентом на соответствие с исламскими канонами, и *majles-e khodregan* (Собрание депутатов), орган, ответственный за выбор верховного лидера. К тому же большинство теологов принадлежало к влиятельным членам *jamet-modarresin-e house-ye-elmiye-ye Qom* (Ассоциация учителей духовных семинарий).

Ассоциация активистов духовенства защищала право на личную собственность и частное предпринимательство, опираясь на Попечительный совет, который обладал правом наложения вето на законодательный процесс; препятствовала распространению земельной реформы и узакониванию экспроприации собственности, проводимой парламентом и левыми исламистами. Ассоциация активистов духовенства проводила политику поддержки бедного населения Ирана на правительственные субсидии в целях увеличения экономической и культурной зависимости низшего класса от государства.

Правые модернисты

Основной целью правых модернистов, также называемых часто технократами, является политика социально-экономической модернизации Ирана и ускорение темпов развития. Среди шести наиболее значимых лидеров движения эксперты отмечают Али Акбара Хашеми Рафсанджани (президента Ирана 1989–1997 гг.), а также Голаму Карбаши (редактора влиятельной газеты «Хамшахи»). Главной социальной базой модернистов являются профсоюзы, бизнесмены из сферы малого и среднего бизнеса, интеллигенция, то есть в целом средние по уровню жизни слои населения Ирана, которые, вероятнее всего, наиболее заинтересованы в реформировании страны. В целом правые модернисты как одна из влиятельнейших политических организаций Ирана не примыкает явно ни к либералам, ни к консерваторам. Вместе с тем, учитывая их политические цели, они склоняются к поддержке курса президента Хатами.

Левые исламисты

Левые исламисты, в особенности в годы войны с Ираком, придерживались строгой

политики в отношении государственного контроля экономики и формирования более жесткого курса в социальных и культурных делах. Двумя самыми сильными группами левых исламистов являются Общество воинственного духовенства и Исламская революционная организация Моджахедедов, которые в последние годы поменяли свои политикорелигиозные взгляды относительно учения Хомейни и сделали больший акцент на либеральных идеях нынешнего президента М.Хатами.

Таким образом, после краткого рассмотрения политической системы Ирана, существующих политических объединений, фракций идеологического режима, можно с уверенностью говорить о том, что часто используемые экспертами определения «либералы» и «консерваторы», для анализа внутривнутриполитической ситуации в Иране, могут восприниматься весьма условно, по следующим важным причинам:

Во-первых, ни один из двух основных политических лагерей не представляет собой цельную монолитную «команду». Каждый из лагерей распадается в свою очередь на различные фракции, течения умеренного, радикального характера, со своими политическими установками, центрами сил и пр.

Во-вторых, тот факт, что ни т.н. «либералы», ни тем более «консерваторы», не оспаривают всерьез в настоящее время сохранение в стране теократии, говорит о высокой степени условности данных определений.

В-третьих, в иранской политической системе существует политические группировки, не примыкающие явно к конкретному лагерю. Это касается, к примеру, левых исламистов или правых модернистов.

Вышеприведенный анализ сложившейся сложной, неоднородной системы власти в Иране необходим для общего понимания современной внутривнутриполитической ситуации [4].

СОВРЕМЕННАЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Политический расклад сил

Анализ ряда текущих тенденций современной внутривнутриполитической ситуации позволяет говорить о том, что Иран в настоящее время переживает один из самых сложных, решающих этапов своего развития. По-

тенциал проблем внутривнутриполитического, социально-экономического характера, сложившийся за период существования Исламской Республики Иран с 1979 г., так и за период доисламский (шаха Резы Пехлеви), достиг в настоящее время высокого уровня. Деструктивный потенциал проблем породил множество противоречий и внес разлад в иранское общество, прежде всего между сторонниками т.н. реформаторов и мусульманских традиционалистов.

На сегодняшний день либералы во главе с президентом Ирана М.Хатами обладают значительной поддержкой (по результатам президентских выборов июня 2001 г. более 70%) среди различных слоев населения, особенно среди средних слоев общества, представителей деловых кругов (заинтересованных в расширении сотрудничества Ирана с внешним миром), молодежи, студентов. Более того, наблюдается устойчивая тенденция роста сторонников либеральных реформаторов. Сегодня либералы обладают подавляющим большинством в меджлисе (парламенте) и в правительстве, которое по традиции возглавляет президент страны Хатами, в местных органах власти. Учитывая демографическую и социальную структуру иранского общества (Иран является молодой страной, по данным переписи 1996 г. молодежь в возрасте от 15 до 24 лет составляет 21% населения, студенты – около 35% всего населения), данный расклад сил весьма благоприятен для ныне действующего президента.

По мнению экспертов, большинство иранцев желает решительных реформ, но не имеет финансовых ресурсов и эффективных государственных рычагов, инструментов, способных ускорить движение реформ. Меньшинство – подобной либерализации опасается и, реально (через силовые структуры и денежные потоки) контролируя государственную машину, не дает набрать ход этим реформам. В то же время это консервативное меньшинство не в состоянии предложить населению какую-либо привлекательную альтернативу экономического и общественно-политического развития либо путь вывода страны из политико-экономической изоляции.

Одним из решающих положительных моментов деятельности реформаторов в последнее время стали прошедшие последние выборы в парламент страны. Голосование принесло убедительную победу ре-

форматорским силам. По итогам выборов голоса распределились следующим образом: либералы получили 67,1 процента голосов; консерваторы – 25,6; независимые – 7,3 процента [5]. При таком раскладе понятно, что реформаторы смогут в решающей степени контролировать иранский парламент. Исход выборов стал триумфом для президента Хатами, чья программа реформ была до сих пор заблокирована консервативным парламентом. Первыми приветствовали исход выборов в Иране Соединенные Штаты, а представитель американского госдепартамента Джеймс Рубин назвал их результаты историческими и выразил надежду, что они повлияют на улучшение отношений Ирана с западными странами. Победа реформаторов на парламентских выборах дает дополнительные ресурсные возможности президенту Хатами в его политическом диалоге с противостоящими консерваторами.

После убедительной победы в парламент, реформаторы во главе с президентом М.Хатами уже предпринимают активные попытки ограничить через законопроекты политическую власть иранского духовенства. Так, 24 сентября с.г. М.Хатами внес на рассмотрение законопроекты, согласно которым расширяются полномочия президента за счет лишения духовенства (Совета Стражей) права вето, а также упрощения процедуры выборов. Многие эксперты по вопросам права и конституции считают, что одним из главных иранской Конституции принцип дуальной структуры власти, наделяющий политической властью как избираемого президента, так и назначаемый духовенством Совет Стражей. В случае прохождения и принятия данных законопроектов (Совет Стражей, к примеру, не сможет накладывать вето на законопроекты, выдвигаемые реформаторами), М.Хатами значительно укрепляет свои властные позиции через ослабление политической власти духовенства. Однако, по мнению наблюдателей, М.Хатами в условиях обострения внешнеполитической ситуации, в результате событий вокруг Ирака, вряд ли сейчас готов пойти до конца в продвижении принятия данных законопроектов.

Последние президентские и парламентские выборы в Иране углубили раскол между двумя основными политическими силами и способствовали росту напряженности в иранском обществе. Так, участились

случаи массовых потасовок между сторонниками и противниками президента Хатами. «Неизвестные» лица время от времени громят выборные штабы своих политических противников, устраивают демонстрации «за» или «против» того или иного кандидата. Как отмечают наблюдатели, идет целенаправленная работа по дискредитации представителей либерального крыла – реформаторски настроенных политиков, журналистов, общественных деятелей. Консерваторы, контролируя судебную власть и полицию, осуществили аресты десятков союзников президента Хатами, сторонников реформ, оппозиционеров идеологии и политики консервативной части иранского истеблишмента, запретили более 40 изданий, по мнению консерваторов, не соответствующих исламским нормам. Недавно были закрыты около 400 интернет-кафе. Резко активизировала свою работу полиция нравов, привлекающая к ответственности лиц, нарушающих правила ношения одежды, «преклоняющихся перед западной музыкой, культурой и в целом подвергнувшихся влиянию западного образа жизни» [6].

Подобная агрессивная деятельность консерваторов, по мнению экспертов, свидетельствует, прежде всего, о том, что перспектива снижения влияния консерваторов на внутривнутриполитическую ситуацию в стране оценивается ими весьма высоко. Наиболее значительным свидетельством стало августовское событие с.г., которое может иметь далеко идущие последствия. Впервые после революции 1979 г. в поддержку либеральных реформ выступил один из высших мусульманских иерархов страны – 76-летний аятолла Джаледедин Тахери. В открытом письме, вызвавшем в стране настоящий шок, аятолла заявил, что уходит в отставку с поста верховного имама города Исфахан – «в знак протеста против охватившей Иран волны коррупции на всех уровнях, хаоса, взяточничества, чудовищной пропасти между бедными и богатыми, растущего вмешательства духовенства и консерваторов во все сферы государственной жизни». Виновными во всех бедах общества Тахери называет духовного лидера страны аятоллу Али Хаменеи и его окружение. Уже на следующий день об открытом письме аятоллы знала вся страна. В парламенте на эту тему прошли даже стихийные дебаты. При этом 125 депутатов из 290 открыто встали на сторону «вольномум-

ца». Подобного скандала в исламском Иране еще не было. Согласно законам страны, любая публичная критика духовного лидера считается государственным преступлением и карается самым беспощадным образом – вплоть до смертной казни. Но в данном случае речь идет об одном из наиболее влиятельнейших религиозно-политических деятелей Ирана, ученике имама Хомейни. Открытое письмо аятоллы Джалеледдина Тахери, его демарш отчетливо продемонстрировали, что в среде консерваторов, его верхушки наметился серьезный раскол. По словам экспертов, «если уже верховный имам одного из ключевых городов страны решается на мятеж, значит, в Иране действительно происходят серьезные перемены» [7].

В целом в консервативной части политического и духовного руководства Ирана наметилась ярко выраженная тенденция раскола на несколько крупных группировок. Помимо группировки т.н. умеренных консерваторов (находящихся в большинстве) с самим Руководителем Али Хамейни, существуют также группировки ортодоксальных духовных деятелей, ратующих за прекращение любых изменений в исламском обществе Ирана. На противоположном от последних фланге находятся духовные лидеры, в целом поддерживающие либеральные начинания президента М.Хатами. Так, аятолла Джалеледдин Тахери – ярчайший их представитель. Данная ситуация свидетельствует, с одной стороны, о справедливости суждений об условности определений «консерваторы» и «либералы», с другой стороны, одновременно говорит о том, что политическая борьба в Иране происходит не только по линии правящее консервативное духовенство контра либеральное правительство, но и внутри самого консервативного духовенства. В итоге наметившийся процесс противоборства внутри консерваторов играет на их ослабление и в перспективе может иметь серьезные политические последствия.

Вместе с тем говорить о серьезном ослаблении консервативной части политического истеблишмента не стоит. Консерваторы тем не менее, имея значительно меньшую относительно либералов поддержку в иранском обществе, располагают существенными финансовыми ресурсами через так называемые исламские фонды, сохраняют серьезные, реальные позиции в поли-

ции, корпусе стражей исламской революции, спецслужбах, суде, прокуратуре, на государственном радио и телевидении и так далее. Духовенство во главе с А.Хаменеи имеет многочисленных сторонников среди учащихся влиятельных и авторитетных религиозных центров в городах Мешхед и Кум. Их поддерживает значительная часть командования Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР), представители крупной торговой буржуазии, подавляющее большинство пятничных имамов. В число ближайших соратников Руководителя ИРИ входят начальник Генерального штаба ВС армейский генерал Х.Фирузабади, бывший министр иностранных дел А.Велаяти, бывший министр информации А.Фаллахиян, бывший министр культуры и исламской ориентации М.Мирсалим, председатель государственной телерадиокомпании А.Лариджани, аятоллы М.А.Ташкири и М.Гольпаегани [8]. Все это свидетельствует о значительных финансовых, военных ресурсах правящего духовенства.

Кроме того, при анализе расклада политических сил в Иране, нельзя не учитывать такое важное обстоятельство, что должность Руководителя дается пожизненно, что дает практически неограниченную свободу действий, в отличие от иранского президента.

В то же время правящее духовенство, в условиях обострения проблем социально-экономического, политического характера, не может не реагировать на растущие ожидания и требования иранского общества. Безоговорочная победа М.Хатами, за которого отдали голоса более двадцати миллионов избирателей, вынудила А.Хаменеи частично пересмотреть свою позицию. Он как и большинство сторонников умеренного консервативного курса пришел к выводу, что основные положения программы нового президента объективно отвечают потребностям общества и должны учитываться при разработке стратегических направлений внутренней и внешней политики. В изменившихся условиях опора только на традиционные исламские ценности не могла являться надежным гарантом обеспечения легитимности правящего режима в глазах населения. Кроме того, позиция М.Хатами, выступающего за проведение скоординированного курса на постепенные реформы, способствовала усилению его влияния на Руководителя страны. Способность

президента сдерживать проявления радикализма со стороны различных реформаторских движений была наглядно продемонстрирована летом 1999 г. Массовые студенческие выступления, проводимые в знак протеста против закрытия газеты «Салам», на несколько дней парализовали столицу и ряд других крупных городов. М.Хатами, несмотря на оказываемое на него давление, воздержался от открытой поддержки участников демонстраций, что во многом способствовало их завершению. Подобные действия президента были с одобрением встречены А.Хаменеи, особенно с учетом того, что некоторые лозунги демонстрантов были направлены против принципа «веляят-е факих» и него лично.

В целом в настоящее время можно говорить о заключении своеобразного «пакта сотрудничества» между двумя главными политическими силами в Иране. В сложившихся условиях фактического раскола иранского общества на сторонников и противников реформ, угрозы дестабилизации ситуации, как известно, А.Хаменеи провел ряд закрытых консультаций с М.Хатами и лидерами основных поддерживающих его группировок. В ходе них было принято решение о недопустимости проявлений радикализма как со стороны реформаторских, так и со стороны традиционалистских движений. Кроме того, Руководитель ИРИ выразил согласие с курсом правительства, направленным на обеспечение господства закона, а также закрепленных в Конституции страны личных и общественных прав и свобод. В сложившихся условиях Руководитель ИРИ считает, что победа М.Хатами на прошедших в июне прошлого года президентских выборах в наибольшей степени отвечало стратегическим государственным интересам того времени. После студенческих волнений 1999 г., оба лидера заключили негласное соглашение в отношении «разделения труда» между собой с целью сохранения в Иране мира и стабильности. Хатами взял на себя внешнюю политику страны и решение задачи привлечения в иранскую экономику иностранных инвестиций, а Хаменеи занимался внутренними проблемами Ирана, стараясь создать основу для стабильности внутри государства.

Судя по всему, президент М.Хатами, используя сложившуюся благоприятную ситуацию в своих целях, заручился со стороны Руководителя гарантиями того, что, в случае переизбрания на второй срок, ему будет

предоставлена большая свобода действий по осуществлению заявленной программы реформ.

Как отмечают наблюдатели, сегодняшний Хатами не похож на Хатами 1997 г. Он полностью отдает себе отчет в том, что, даже несмотря на желание большинства населения, сотворить либеральную революцию в Иране вряд ли удастся. Политическая власть в стране принадлежит духовенству, контролирующему судебные органы, финансовый сектор, спецслужбы и армию [9]. Поэтому М.Хатами должен постоянно сотрудничать с Хаменеи с тем, чтобы найти баланс между своими реформами и строгой исламской идеологией.

Кроме того, не стоит забывать, что сам М.Хатами – бывший представитель духовенства. Поэтому условность в отношении консерваторов действует и по отношению к либералам. Сам президент М.Хатами является наиболее ярким олицетворением данной условности. С одной стороны, М.Хатами действительно стоит во главе реформаторского крыла политической элиты Ирана. Одновременно действующий президент Ирана – бывший духовный лидер, ученик аятоллы Хомейни (супруга М.Хатами – внучка основателя ИРИ аятоллы Р.Хомейни). Поэтому М.Хатами вряд ли можно отождествлять с реформатором-либералом классического, западного образца. По своим личностным, политическим характеристикам президент Ирана, скорее, является выразителем умеренной части реформаторов. Политическая сдержанность, умеренная позиция президента, безусловно, являются положительным моментом в стабилизации ситуации в Иране, налаживании конструктивного диалога с консервативным правящим духовенством, без поддержки которого невозможно проводить эффективную политику реформирования иранского общества.

Таким образом, подытоживая проведенный анализ современного развития политической жизни, можно утверждать, что Иран находится на ключевом, решающем этапе своего развития.

Результаты прошедших парламентских и президентских выборов в Иране – как кульминационные моменты политической жизни страны – не ставят еще окончательной точки во внутривнутриполитических процессах, происходящих в Иране. Вместе с тем уже сегодня можно с определенной степенью вероятности спрогнозировать дальнейшее развитие со-

бытий в этой стране. Правительство Хатами будет продолжать осуществлять медленную экономическую либерализацию, постепенно отходя от сохраняющейся политики изоляционизма и развивая социальные и политические свободы. Растущее влияние глобальных тенденций экономического и политического развития будет оказывать серьезное воздействие на настроения иранского общества, что в свою очередь будет отрицательно сказываться на позиции консерваторов и усиливать ресурсные возможности реформаторских сил и их сторонников.

Вместе с тем существует еще ряд принципиальных, серьезных по своему значению преград для реформирования Ирана.

Во-первых, несмотря на существенное ослабление консерваторов, раскол в его верхнем эшелоне, снижение поддержки населением их политики, сторонники сохранения существующего статус-кво в иранском обществе продолжают сохранять за собой доминирующие позиции в политике и общественной жизни Ирана. То есть, проще говоря, ключевое, решающее слово в любых важных для Ирана событиях, делах остается за ними – консерваторами. Оказываемая определенная поддержка со стороны консервативного духовенства в либеральных экономических реформах президента Хатами совсем не означает готовность клерикалов к политическому реформированию. Они будут до последнего отстаивать свои позиции, используя для этого весь имеющийся у них огромный финансовый, идеологический и политический потенциал. Поэтому в ближайшей перспективе в Иране нельзя ожидать существенных внутривластных изменений. Скорее всего, принцип дуальной власти – реформаторы и духовенство – с небольшой амплитудой сохранится.

Во-вторых, вероятно, самое важное. Реформаторы во главе с Хатами не имеют пока что серьезных успехов в экономике и социальной сфере. Более того, отсутствуют четкие и понятные всем экономические и социальные программы. Избиратели, особенно молодежь, выдвигают законные требования к президенту: свободный доступ к высшему образованию, занятость, доступное жилье и здравоохранение. Сегодня более двух миллионов молодых людей – полностью безработные, более миллиона перебиваются случайными заработками. Огромных размеров достигла коррупция, прежде всего среди чиновничества.

Кроме того, существенным тормозом для дальнейшего реформирования экономической сферы является сильное перманентное сопротивление со стороны консервативной верхушки Ирана. С одной стороны, жесткая необходимость реформирования иранской экономики вынуждает консерваторов идти на уступки реформаторам. Одновременно опасения у консерваторов вызывает тот факт (потенциального и закономерного характера), что вслед за экономическими изменениями непременно последуют политические. Поэтому неудивительно, что консервативная верхушка Ирана, оказывая определенную поддержку реформаторам, тем не менее всячески старается их сдерживать, взяв весь процесс экономического реформирования под свой контроль и зачастую не давая многому пройти, что расходится с их интересами. В итоге процесс реформирования экономики страны в настоящее время носит половинчатый характер, что может привести к серьезному затягиванию начавшегося процесса политического реформирования современного Ирана.

Литература

1. Buchta W. Who rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. – Washington, D.C.: The Washington Institute for Near East Policy and the Konrad Adenauer Stiftung, 2000. – С. 5–20.
2. Современный Иран: Справочник. – М., 1993.
3. Сажин В. Либералы против фундаменталистов // Независимая Газета. – 2001. – 8 июня.
4. Buchta W. Who rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. – С. 5–20.
5. Черда М. Иран: «Бархатная» контрреволюция продолжается // Зеркало недели. – 2001. – 26 февраля.
6. Сажин В. Либералы против фундаменталистов // Независимая Газета. – 2001. – 8 июня.
7. Юсин М. Мятеж Аятоллы // Известия. – 2002. – 14 июля.
8. Задонский С. Политическая личность в Исламской Республике Иран. <http://www.iimes.ru/rus/stat/27-09-02.htm>.
9. Пастухов Е., Аманкельдылы Н. Грядут ли перемены? // Континент. – 2001. – №12(50). – С. 40.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ЦИРКУЛЯЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ КАВКАЗА

Игалиев М.Н.

Процессы смены и трансформации политических элит республик Кавказа, которые в 1922–1936 гг. входили в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, имеют много общего с аналогичными процессами на всем постсоветском пространстве. Вместе с тем в процессах элитобразования этих стран присутствует своя специфика. В данной статье предпринята попытка рассмотреть циркуляцию и трансформацию политической элиты в новейшей истории Азербайджана, Армении и Грузии отдельно на примере каждого государства.

* * *

Первым президентом независимого Азербайджана в сентябре 1991 г. был избран последний руководитель ЦК КП республики А.Муталибов, поддержанный прокоммунистическим Верховным Советом. Однако уже 6 марта 1992 г. на чрезвычайной сессии Верховного Совета он объявляет о своей отставке, которую эксперты объясняют давлением вооруженной оппозиции и неудачами на Карабахском фронте.

На президентских выборах в июне 1992 г. победу одержал лидер националистически настроенной группы оппозиционных партий, бывший диссидент и политзаключенный А.Эльчибей, получивший более 60% голосов. Действия нового руководства, выступившего против членства Азербайджана в СНГ, поражение армии в Нагорном Карабахе, неудачные решения власти в области внутренней и внешней политики, поставившие страну на грань гражданской войны и экономического хаоса, вызвали недовольство населения. Летом 1993 г. в Гяндже под руководством бывшего полковника С.Гусейнова был поднят мятеж, в результате чего президент был вынужден покинуть столицу. В июне 1993 г. парламент лишил А.Эльчибея президентских полномочий и передал их председателю Верховного Совета Г.Алиеву, который в октябре 1993 г., набрав 98,8%, на всеобщих выборах был избран новым президентом Азербайджана. На следующих президентских выборах в октябре 1998 г. Г.Али-

ев вновь победил и был переизбран на второй срок.

Выделяя основные тенденции, которые характерны для процессов трансформации политических элит Азербайджана, нужно отметить, что важную роль в властной системе играет региональная дифференциация политических элит. Региональные элиты представлены несколькими территориальными группами, соотношение сил между которыми и определяет политические векторы развития страны. По мнению экспертов, среди них наибольшим влиянием обладают выходцы из Нахичеванского и Гойча-Зангезурского регионов. Относительную консолидированность и сплоченность также демонстрируют Карабахский, Баку (Апшеронский)-Ширванский, Талыш-Ленкоранский, Гянджинский и Казах-Борчалинские группы. Основное противостояние за власть идет между нахичеванцами и апшеронцами. Несмотря на многолетнее пребывание во главе страны нахичеванца Г.Алиева, апшеронцы исторически всегда претендовали на первое место в иерархии власти. В частности, серьезную оппозицию действующему режиму пытается составить находящийся за границей лидер демократической партии и бывший спикер парламента Р.Кулиев [1]. Таким образом, региональная принадлежность во многих случаях остается одним из главных признаков дифференциации элит в республике.

Официальный Баку в основном контролирует действия региональной элиты, которая в момент ослабления центральной власти в начале 1990-х годов пыталась заявить о собственных притязаниях. В частности, этот период отмечен попыткой провозглашения «Талыш-Муганской Республики» на юге, а также самостоятельных образований в Гусарском и Белокаанском районах на севере страны. Наиболее решительно претензия региональной элиты на власть обозначилась в ходе вооруженного мятежа С.Гусейнова и попыток государственного переворота под руководством братьев Джавадовых в 1994–1995 гг. Однако дальнейшие события показали, что притязания провинциальной элиты

не подкреплены ни в кадровом, ни в экономическом, ни в политическом и даже идеологическом отношении.

Сегодня во властной структуре страны преобладающей является роль государственно-бюрократической элиты. Это произошло несмотря на то, что в начале 1990-х годов ведущие позиции во власти занимала хозяйственная номенклатура. В частности, парламент страны возглавил Р.Кулиев (директор нефтеперерабатывающего завода), правительство возглавляли С.Гусейнов (директор шерстечистительного комбината) и Ф.Кулиев (директор завода «Баккондиционер») и т.д. Однако вследствие того, что хозяйственная элита оказалась не готовой к самостоятельной политической роли, она была постепенно вытеснена из коридоров власти. Новая бизнес-элита оказалась недостаточно сильной и консолидированной, что не могло не сказаться на преобладании бюрократической элиты в структурах власти в центре и на местах.

В Азербайджане с обретением независимости начавшийся процесс формирования новой элиты из числа национально ориентированной интеллигенции, попытавшейся вытеснить старую номенклатуру, завершился неудачей. После того, как основная задача по демонтажу советской системы была достигнута, номенклатура отстранила от власти демократов, а затем и представителей хозяйственной элиты. Значительное усиление позиций, а также действия номенклатурной элиты во главе с патриархом азербайджанской политики Г.Алиевым дают право экспертам прогнозировать, что следующим президентом станет сын действующего президента страны И.Алиев. В этой связи очевидно, что процессы элитообразования и трансформации политической элиты Азербайджана во многом будут зависеть от итогов предстоящих президентских выборов в конце 2003 г. Несмотря на исход этих выборов, уже сегодня ясно, что одним из ее результатов станет усиление присутствия во власти молодого поколения азербайджанских политиков.

Таким образом, по мнению экспертов, Азербайджан представляет классический пример клановой структуры властной вертикали. Система ротации элит строится по территориальному или родственному признаку. Власть при этой системе достаточно устойчива и стабильна, однако не содержит в себе внутренне легитимных механизмов

ротации, что создает угрозу политических катаклизмов в момент смены персоналий. В стране создана жесткая система, не позволяющая пополнять управленческие структуры, исходя из соображений квалификации, образования, способностей и т.д. Вместе с тем, в силу имеющихся исторических особенностей развития, Азербайджан уже неоднократно в постсоветской истории показывал возможности резких перемен [2].

* * *

Начальный этап процессов элитообразования в Армении связан с приходом к власти нового поколения политиков. Первым президентом страны 16 октября 1991 г. был избран 46-летний доктор филологических наук Л.Тер-Петросян. Необходимо отметить, что новая команда сразу же столкнулась с серьезными проблемами. Кризис власти разворачивался на фоне глубокого и общего социально-экономического кризиса. Идеология радикального либерализма, приватизация, скоропалительная земельная реформа не оправдали надежд на создание прочной социальной опоры экономических реформ, а напротив, привели к расслоению и ухудшению жизненного уровня населения. Рост цен, новые налоги, повышение тарифов на коммунальные услуги, нерегулярные выплаты зарплаты в конечном итоге подорвали у населения доверие к властям и политике реформ, а также привели к активизации политической оппозиции режиму.

Несмотря на победу Л.Тер-Петросяна с минимальным перевесом над своим основным конкурентом В.Манукяном на президентских выборах в сентябре 1996 г., кризис власти так и не был преодолен. Поводом для нового обострения ситуации стала позиция президента по вопросу урегулирования карабахской проблемы, предусматривавшая возможное согласие официального Еревана на возвращение Карабаха Азербайджану, ввод миротворцев, возвращение беженцев, а уже затем решение вопроса о статусе КР. По мнению лидера страны, такой компромисс обеспечил бы Армении мирное урегулирование проблемы, снятие транспортной блокады, привлечение иностранных инвестиций, что в конечном итоге способствовало бы перспективам экономического роста страны.

Вместе с тем эти инициативы не нашли поддержки ни у населения, ни в политическом

руководстве страны. Единным блоком против президентской команды выступили премьер-министр, руководители силовых ведомств и официальный Степанакерт. Президенту все труднее было договариваться с военной партией, прочно занявшей посты в руководстве армии и силовых ведомств. В этих условиях уход Л.Тер-Петросяна был предопределен. Этому событию предшествовал глубокий правительственный кризис, отразивший раскол в руководстве страны (в отставку ушли основные члены президентской команды, а в парламенте распался пропрезидентский блок «Республика»). В итоге расстановка сил в законодательном органе Армении резко поменялась в пользу министра обороны В.Саркисяна, возглавляющего депутатскую группу «Ополченец». Президент оказался в политической изоляции и вынужден был подать 5 февраля 1998 г. в отставку.

На внеочередных президентских выборах 16 марта 1998 г. победу одержал действующий премьер Р.Кочарян. Новый президент сразу же столкнулся с необходимостью консолидации политической элиты страны. В решении этой задачи особую роль должны были сыграть выборы в июле 1999 г. в Национальное собрание. Победу на выборах одержал блок «Единство» под руководством К.Демирчяна и В.Саркисяна, который получил не менее 50%. Второе место заняли коммунисты (15%), третья – партия «Дашнакцутюн» (7%). Спикером нового парламента страны был избран лидер коммунистов К.Демирчян, руководивший Арменией еще в период с 1974 по 1987 гг.

Однако уже осенью 1999 г. в стране разгорелся очередной серьезный политический кризис. Группа террористов 27 октября 1999 г. в здании парламента расстреляла спикера Национального собрания К.Демирчяна, премьер-министра В.Саркисяна, двух вице-спикеров, ряд министров и депутатов. После теракта блок «Единство», обладающий большинством в парламенте, потребовал проведения досрочных президентских и парламентских выборов. Вследствие беспрецедентного давления на главу государства со стороны военных кругов место погибшего премьера занял его брат – 38-летний А.Саркисян. Оппоненты президента также заставили его избавиться от ряда сторонников во властных структурах [3].

Вместе с тем оппонентам президента не удалось заставить подать его в отставку. Ухуд-

шение социально-экономической ситуации в стране и непопулярные меры правительства, а также возникновение и усиление внутренних разногласий отрицательно сказались на позициях оппозиции. В условиях фактического отсутствия единого центра власти и серьезной альтернативной кандидатуры в противовес фигуре действующего президента, Р.Кочарян сумел использовать сложившуюся ситуацию и несколькими принципиальными кадровыми назначениями окончательно расколол ряды оппозиции и усилил свои позиции. Президенту удалось договориться с отдельными авторитетными лидерами оппозиции, а также ужесточить контроль за силовыми структурами. В конечном итоге правительство А.Саркисяна было отправлено в отставку.

В июне 2000 г. союзником президента и очередным премьер-министром страны стал 49-летний А.Маргарян, один из руководителей парламентской оппозиции. В новом составе правительства фактически отсутствовали антипрезидентски настроенные фигуры. Этим шагом глава государства сценарировал достигнутую им внутривластную победу над оппонентами и внес окончательный раскол в парламентское большинство – блок «Единство». Назначив «технического» премьера, Р.Кочарян получил управляемое правительство, лишив оппозицию опоры в исполнительных структурах власти и окончательно положив конец периоду двоевластия в Армении [4].

Таким образом, в ходе последнего десятилетия в Армении процессы трансформации политических элит характеризуются значительным усилением присутствия военного компонента во властных структурах страны. Это в первую очередь связано с действиями армянских военных и ополченцев в Нагорном Карабахе, способствовавших росту популярности военной партии в обществе. Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция укрепления позиций номенклатурной бюрократии. Можно констатировать, что уже сегодня номенклатура значительно укрепила свои позиции во власти, оттеснив на периферию армянской политики демократов первой волны, Л.Тер-Петросяна и коммунистов.

По мнению экспертов, на данном этапе Р.Кочарян обладает большей властью, чем когда-либо с тех пор, как он стал президентом. Несмотря на то, что оппозиция осенью 2001 г. образовала единый блок, который

возглавили А.Саркисян, С.Демирчян и лидеры коммунистов, власти пока удается держать ситуацию в стране под контролем. Очевидно, что в условиях очередного нарастания противостояния между основными политическими силами развитие процессов трансформации политических элит будет во многом зависеть от итогов предстоящих в феврале 2003 г. президентских выборов, а также выборов в Национальное собрание в мае 2003 г. Если победу на выборах одержит действующий президент, то укрепление позиции государственной номенклатурной бюрократии получит свое дальнейшее развитие. Если же преемственность власти будет нарушена, то это может достаточно серьезно изменить современный ландшафт властной структуры правящей армянской элиты.

Таким образом, сегодня армянская политическая элита формируется из достаточно узкого круга людей, пришедших к власти в период событий 1988–1990 гг. Средние управленческие слои в стране практически сформированы и оформляются в некую политическую касту, впрочем, пока еще достаточно гибкую в части рекрутирования в свою среду новых членов. Другой особенностью внутриполитических процессов в стране стало то, что с окончанием карабахской войны прекратилась консолидация общества вокруг власти. В результате в Армении наблюдается усиление противостояния власти и оппозиции, принимающее порой радикальный характер. Вместе с тем реальное влияние на процесс государственного управления политическая оппозиция сегодня практически не оказывает. В целом имеющееся на настоящий момент противостояние между правительством и оппозицией пока не мешает «партии власти» контролировать ситуацию в стране накануне президентских выборов [5].

* * *

Современные процессы смены и трансформации политических элит Грузии начинают свой отсчет с октября 1990 г., когда в стране прошли первые многопартийные выборы в ВС ГССР. На выборах убедительную победу одержал блок «Круглый стол – свободная Грузия», возглавляемый Звиадом Гамсахурдиа, набравший 55% голосов. Компартия набрала 28% голосов, а партии демократической ориентации, находившиеся в оппозиции как к звиадистам, так и комму-

нистам, не преодолели четырехпроцентный избирательный барьер. Новый законодательный орган избрал своим председателем, а затем и руководителем государства З.Гамсахурдиа, сменившего на этом посту первого секретаря ЦК КПГ Г.Гумбаридзе. На мартовских выборах местного самоуправления в 1991 г. победу также одержал блок звиадистов. Логическим следствием роста популярности националистов стали президентские выборы 26 мая 1991 г., на которых З.Гамсахурдиа набрал 87% голосов и опередил своих пятерых оппонентов.

Период правления первого президента республики отмечен усилением ультранационалистских настроений среди правящей этнономенклатуры. Проведение новыми властями политики грузинского этнонационализма способствовало тому, что на территории страны образовались четыре самостоятельных политико-властных центра в Тбилиси, Сухуми, Цхинвали и Батуми. Абхазия и Южная Осетия продекларировали независимость от Грузии, что не в последнюю очередь было связано с появлением в региональных элитах этих республик руководителей военизированных формирований. Однако стремление к автономии и независимости национальных элит грузинская номенклатура расценила как угрозу административно-территориальной целостности страны, что в конечном итоге вылилось в грузино-осетинский и грузино-абхазский вооруженные конфликты.

Наращение внутриполитического и экономического кризиса, а также рост сепаратистских настроений привели к тому, что путем военного переворота режим З.Гамсахурдиа был свергнут. Военный совет во главе с Китовани, Сигуа, Йоселиани пригласил в республику бывшего первого секретаря ЦК КП Грузии Э.Шеварднадзе, который позднее возглавил созданный Государственный совет. Легитимное оформление властного лидера страны произошло на парламентских выборах в октябре 1992 г., где победителем оказался прошеварднадзевский блок «Мшвидоба» (Мир), набравший менее 20% голосов; незначительно отстал от него оппозиционный блок «11 октября». Необходимо отметить, что сторонники звиадистов бойкотировали выборы. Всего в парламенте были представлены 26 партий и блоков. В ноябре 1992 г. состоялись всеобщие выборы председателя парламента, где безальтернативный кандидат Э.Шеварднадзе получил

97% голосов избирателей, принявших участие в выборах.

Вторые президентские выборы прошли в ноябре 1995 г. и в них победил получивший 70% голосов Э.Шеварднадзе, бывший первый секретарь ЦК КПГ Д.Патиашвили набрал 17%. Также параллельно в ноябре этого года прошли выборы в парламент, которые были проигнорированы в Абхазии и Южной Осетии. Среди 54-х партий победу на них одержал созданный накануне выборов пропрезидентский «Союз граждан Грузии», получивший 23%. Пятипроцентный барьер смогли преодолеть партия национальных демократов и «Всегрузинский Союз Возрождения» (по 7%) [6]. По мнению экспертов, победа партии авторитарного лидера Аджарии А.Абашидзе «Союза Возрождения» была обеспечена за счет голосов мобилизованных «силовым путем» в этой автономной республике. В ответ Э.Шеварднадзе получил «полную поддержку» аджарского населения на президентских выборах. Фактически тем самым была оформлена договоренность, по которой Тбилиси и Батуми признают неприкосновенность друг друга.

На состоявшихся в октябре 1999 г. парламентских выборах, которые опять были проигнорированы в Абхазии и Южной Осетии, победу одержал «Союз граждан Грузии» (41,75%), второе и третье места занял блок «Возрождение Грузии» (25,18%) и блок «Промышленность спасет Грузию» (7,08%). В апреле 2000 г. на президентских выборах победу вновь одержал действующий президент страны, его основной конкурент коммунист Д.Патиашвили получил лишь 17%.

Несмотря на то, что политической элите страны во главе с Э.Шеварднадзе удается в течение продолжительного времени удерживать власть в стране, ее позиции представляются не прочными. Во многом это связано с тем, что правительство страны сталкивается с серьезными проблемами в социально-экономической сфере, которые ведут к снижению уровня жизни населения. Сохраняются противоречия между парламентом, правительством и оппозицией. Основным фактором внутренней политики остается непримиримость различных политических движений и группировок, в первую очередь звиадистов в Западной Грузии. По-прежнему сохраняется опасность возникновения вооруженного мятежа в ряде районов страны. Острой остается ситуация на грузино-

чеченской границе. Серьезной проблемой является криминализация и коррупция государственных органов власти [7]. В этих условиях противники режима прибегают к различным видам сопротивления, в том числе и вооруженного. Среди наиболее известных акций подобного рода стоит выделить вооруженные выступления звиадистов в Западной Грузии и ряд покушений на Э.Шеварднадзе.

Свидетельством падения авторитета власти стали выборы в органы местного самоуправления летом 2002 г., на которых «партия власти» потерпела сокрушительное поражение. В Тбилиси пропрезидентский «Союз граждан Грузии» сумел получить лишь один процент голосов, заняв последнее 21-е место. В свою очередь выборы ознаменовались победой блока оппозиционных сил, которые в лице бывшего спикера грузинского парламента З.Жвании (ранее неофициально считавшегося преемником главы государства) и бывшего министра юстиции М.Саакашвили после выборов официально оформили союз в целях борьбы за смену власти [8].

Таким образом, нужно отметить, что все основные действующие политические силы и партии страны являются в своей сущности региональными, вследствие чего их политическое влияние распространяется только на «свою» территорию. Несмотря на то, что на юге страны, который в основном населен армянами и азербайджанцами, этнономенклатуры не сформировались в организационные движения, там также сохраняется непростая ситуация.

Основная часть грузинской политической элиты, в том числе и пропрезидентские структуры, представляет собой номенклатурную элиту, которая в своем большинстве начинала карьеру еще в советский период. Наряду с этим, отметим, что в грузинской политике так же, как и в соседних странах, не последнюю роль принадлежит военной элите страны, что обусловлено внутриполитической напряженностью и угрозой возникновения вооруженных выступлений оппозиции.

Перспективы прихода нового поколения некоммунистических лидеров в стране будут зависеть от способности действующей элиты мирным путем осуществить передачу власти поколению молодых руководителей. Это актуально в связи с тем, что президент Грузии уже ясно дал понять, что после окончания срока президентства весной

2005 г. он намерен окончательно сложить с себя президентские полномочия [9]. В этой связи очевидно, что процессы элитообразования в этой кавказской республике во многом будут зависеть от фигуры нового лидера страны и проведения его кадровой политики.

* * *

Рассмотрение основных этапов и тенденций политической жизни закавказских стран позволяет нам выделить особенность и специфику развития процессов циркуляции и трансформации политических элит этих государств.

Во-первых, номенклатурная коммунистическая элита республик Кавказа оказалась неспособной в момент обретения независимости адекватно отреагировать на происходящие события. Как следствие сформировались режимы А.Эльчибея в Азербайджане, Л.Тер-Петросяна в Армении и З.Гамсахурдиа в Грузии и власть в результате временного отступления коммунистической элиты оказалась в руках выходцев из гуманитарной интеллигенции. В частности, А.Эльчибей и Л.Тер-Петросян являются по образованию филологами, а З.Гамсахурдиа – сыном классика грузинской литературы. Вследствие всего вышеперечисленного качественный состав политической элиты этих стран в первый период независимости характеризуется уменьшением представителей старой номенклатурной элиты, увеличением представительства во власти гуманитарной интеллигенции и началом процесса прихода во власть более молодого поколения руководителей.

Во-вторых, процессы элитообразования в новых независимых странах Закавказья происходят на фоне нестабильной ситуации во внутренней и внешней политике, зачастую сопровождаются вооруженными столкновениями противоборствующих сторон. Это, в частности, касается вооруженного противостояния между Азербайджаном и Арменией, боевых действий в Абхазии, а также рядом вооруженных выступлений и партизанских действий оппозиции внутри самих стран. Все это наложило отпечаток на процессы формирования и рекрутирования политической элиты в постсоветский период и выдвинуло на передний план представителей военной элиты, которые играют одну из ключевых ролей во властной системе координат. В целом политические преобразо-

вания в закавказских государствах сопровождаются противостоянием и внутренней конкуренцией между различными политическими группировками, что в конечном итоге тормозит и затягивает темпы политических реформ в этих странах.

В-третьих, условия военного времени, отсутствие кадрового, экономического, политического и идеологического опыта первой волны лидеров постсоветских стран способствовали тому, что процесс прихода во власть новой демократической элиты оказался прерванным. В этих условиях начался приход к власти в данных государствах бывшей советской номенклатурной элиты. В частности, в Азербайджане «новая старая» элита была представлена в лице бывшего первого секретаря ЦК Компартии республики Г.Алиева, в Грузии – руководителем бывший первый секретарь ЦК партии Э.Шеварднадзе. В Армении Л.Тер-Петросян также был вынужден отказаться от власти в пользу армянских военных, содействовавших избранию президентом бывшего лидера Карабаха Р.Кочаряна. Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на потерю власти в первый период независимости, номенклатура закавказских стран окончательно вернулась к власти.

В-четвертых, схема властной вертикали политических систем стран Закавказья представлена так называемой партией власти, представляющей собой неформальное объединение людей и структур, реально допущенных к властной вертикали. При этом официальные политические партии выполняют лишь функцию подготовки кадров управленцев среднего звена. Территориальные сообщества внутри госаппарата («кланы»), финансово-производственные группы или региональные элиты являются влиятельными «политическими партиями», чем собственно политические партии. Реальная власть сосредоточена в рамках государственных аппаратов, военной элиты и бизнес-элит, а также руководителей регионов. Они аккумулируют в себе интересы различных бизнес-групп, тесно связанных с фракциями в государственном аппарате.

В-пятых, сегодня для закавказских республик характерна относительная военно-политическая и отчасти экономическая стабилизация. Постепенно формируются политические институты, создаются властные вертикали, консолидируются политические режимы, возникшие после распада СССР.

Структурируется механизм взаимодействия основных правящих групп и лоббистских структур. Оформились рамки правящих групп и обслуживающих их интеллектуальных центров. Определился механизм принятия решений. Выработан механизм влияния на общественное мнение путем подчинения правящим группам СМИ. Выработывается механизм ротации элит. Происходит сращивание экономических и политических элит, что приводит к тому, что политические группы начинают выражать реальные экономические и финансовые интересы элитных групп бизнеса. Это в свою очередь служит основой для необходимости компромисса между властью и оппозицией. Необходимость эта усугубляется сращиванием «отраслевых» и соответствующих региональных лобби. Складывается система некоторого «коллективного руководства», характерного для позднебрежневского Советского Союза и устраивающая почти все системные элитные группы. Судя по всему, закавказские модели, если процесс не будет прерван, будут достаточно централизованными (в этом ряду исключение может составить Грузия). Медленные социальные изменения, связанные с дальнейшим развитием гражданского общества, при этом могут продолжаться, давая шанс странам Закавказья, эволюционировать в сторону развития сложных институтов, характерных для развитых демократий. Правда, очень велик вес внешних обстоятельств, этнополитических конфликтов и отношений с соседями, но демократизация и развитие гражданского общества могут способствовать решению и этих проблем новых государств [10].

* * *

Выделяя характерные особенности процессов элитообразования в новых независимых странах Кавказа, в целом необходимо отметить специфические отличия модели политического транзита в странах СНГ, которые выделяются казахстанским исследователем М.Ашимбаевым [11].

1. Во временном отношении период посттоталитарного транзита в постсоветских странах изначально принял затяжной характер. В частности, для политических элит Азербайджана, Армении и Грузии на данном этапе все еще актуальным остается проведение политических и экономических реформ. Окончательное завершение периода постто-

талитарного транзита в новых независимых государствах СНГ возможно лишь в среднесрочной перспективе, и оно будет зависеть от специфики каждой страны.

2. В большинстве стран СНГ политический транзит сопровождается политизацией этничности и обострением межнациональных отношений, что является следствием нерешенности проблем межэтнических взаимоотношений в бывшем СССР. Это в полной мере относится как к Азербайджану и Армении (проблема Нагорного Карабаха), так и к Грузии (внутриполитические проблемы по линии центр – регионы: Тбилиси – Сухуми, Тбилиси – Цхинвали, Тбилиси – Батуми).

3. Страны Содружества испытывают серьезное внешнее давление со стороны крупных мировых центров влияния, что нередко вызывает неприятие национальных элит. Данный тезис в отношении стран рассматриваемого региона находит подтверждение политике, которую проводят такие ключевые геополитические и геостратегические державы региона, как США, Россия, Иран, Турция. При этом стержневой линией и целью политики этих стран является установление геополитического экономического и военного контроля и влияния над этими регионами. Как проявление такой борьбы, можно рассматривать поддержку западных держав блоку ГУУАМ, куда входят Азербайджан и Грузия, а также стратегическое партнерство между Россией и Арменией.

4. Население в постсоветских странах, с оптимизмом и воодушевлением встретившее начало политических и экономических реформ после обретения республиками независимости, под давлением издержек социально-экономических преобразований постепенно стало дистанцироваться от идей либерализма. В отношении закавказских государств данный тезис нашел отражение в росте внутриполитической напряженности, массовых митингов протеста, усилении конфронтации власти и оппозиции, в том числе в форме вооруженного противостояния. Вследствие этого свои должности вынуждены были покинуть А.Муталибов, А.Эльчибей, Л.Тер-Петросян, З.Гамсахурдиа.

5. В большинстве стран СНГ, в том числе в кавказском регионе, сформировалась президентская форма правления с расширенными полномочиями президента. При этом политическая форма правления в каждой из стран носит сугубо специфический харак-

тер, что обусловлено степенью продвинутой политической реформ в той или иной стране, а также особенностью социокультурного характера. Политический режим в Азербайджане представлен сильной президентской формой правления в лице Г.Алиева. В Армении в последнее время наметилась тенденция укрепления президентской власти. Вместе с тем президент должен учитывать роль основных политических сил страны, в первую очередь военных. В Грузии, в силу самостоятельной роли регионов, президентская власть полностью не распространяется на всю территорию страны.

6. Политические элиты новых независимых государств оказались перед необходимостью решения проблем обеспечения безопасности, роста экстремизма и терроризма, наркобизнеса, контрабанды оружия. Все эти проблемы сегодня являются актуальными для Азербайджана, Армении и Грузии.

Таким образом, как мы уже отмечали, процессы трансформации политических элит стран закавказского региона имеют много общего с аналогичными процессами, которые наблюдаются на всем постсоветском пространстве. Вместе с тем специфика этих процессов в странах региона обусловлена тем, что практически все они пережили стадию военных действий, тем самым отложив отпечаток на процессы элитообразования. Военные и политики с коммунистическим опытом правления продолжают играть первые роли в политике. Вместе с тем стоит отметить, что на ближайших президентских выборах в Азербайджане и Грузии ожидается уход с политической сцены политиков-патриархов Г.Алиева и Э.Шеварднадзе. Очевидно, что приход новой генерации политиков должен существенным образом повлиять на процессы элитообразования в закавказских республиках.

Литература

1. Сергеев И. Я делаю все, чтобы вернуться в Азербайджан (Р.Кулиев) // Независимая Газета. – 19 января 2002. – №6.
2. Искандарян А. Десять лет независимости на южном Кавказе: успехи и кризисы трансформации // Материалы II Международного Сахаровского конгресса. – М., 2001.
3. Ханбабян А. Осень расстрелянных надежд // Независимая Газета. – 27 октября 2000. – №204.
4. Айвазовский И. Премьером Армении стал политик // Независимая Газета. – 17 мая 2000. – №88.
5. Искандарян А. Там же.
6. Браладзе Н. Грузия получила новый парламент // Независимая Газета. – 9 декабря 1999. – №208.
7. Айвазовский И. Шеварднадзе теряет опору // Независимая Газета. – 22 сентября 2001. – №177.
8. Гордиенко А. Тбилисцы отвернулись от власти // Независимая газета. – 4 июня 2002. – №108.
9. Браладзе Н. Эдуард Шеварднадзе твердо намерен уйти вовремя // Независимая Газета. – 14 августа 2001. – №148.
10. Искандарян А. Там же.
11. Ашимбаев М. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. – Астана: Елорда, 2002. – С. 130–132.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан

www.kisi.kz
e-mail: office@kisi.kz

МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МАРКЕТИНГА, ИСПОЛЪЗУЕМЫЕ ИНОСТРАННЫМИ КОМПАНИЯМИ

Курганбаева Г.А.

Преуспевающие компании и высокоэффективные иностранные предприятия, работающие на казахстанском рынке, умеют адаптироваться к постоянно меняющимся условиям маркетинговой среды, владея искусством стратегического планирования, ориентированного на рынок.

По мнению Ф.Котлера, ориентированное на рынок стратегическое планирование – это управленческий процесс достижения и поддержания стабильного равновесия целей, возможностей и ресурсов организации и новых рыночных возможностей. Цель стратегического планирования – создание и реформирование бизнеса и продукта компании, направленные на успешное ее развитие и достижение поставленных целей [1, с. 162].

В 70-е гг. на Западе под влиянием энергетического кризиса, гиперинфляции, экономической стагнации, обострившейся конкуренции, дисбаланса ключевых отраслей промышленности были разработаны теоретические основы стратегического планирования. Планируя производство, продажи и прибыли, иностранные компании уже не полагаются на простое экстраполирование достигнутых темпов роста. На смену традиционному долгосрочному планированию пришло стратегическое планирование. Сегодня основная задача стратегического планирования – выбор направлений и организация деятельности компании, которые позволяют ей добиваться поставленных целей даже в случаях возникновения непредвиденных обстоятельств, негативно влияющих на ее бизнес.

На наш взгляд, осуществление стратегического планирования требует соблюдения трех основных условий.

Первое условие – управление деятельностью компании строится на принципах управления инвестиционным портфелем. Подразумевается, что каждое направление деятельности компании обладает определен-

ным потенциалом получения прибыли, соответственно которому и распределяются ресурсы компании.

Второе условие – тщательная оценка перспектив каждого вида деятельности, изучение показателей личного роста и позиций компании на конкретном рынке. Компании, которые ориентировались исключительно на объем текущих продаж или прибыли, убедились в ограниченности этой концепции. Например, если бы в 70-х гг. компания «Форд» осуществляла инвестиции в соответствии с объемами текущих продаж, она бы до сих пор была вынуждена выпускать большие автомобили, которые когда-то были самыми рентабельными и пользовались повышенным спросом. Однако проведенные компанией исследования рынка показали, что потребности американских потребителей изменились. В результате компания «Форд» своевременно перераспределила ресурсы и активизировала конструкторские работы по малолитражным автомобилям, производство которых в то время было убыточным.

Третье условие – разработка стратегии. Для каждого бизнеса компанией разрабатывается план достижения долгосрочных целей. Единой оптимальной стратегии для всех компаний отрасли не существует. Каждая из них, учитывая профиль деятельности, цели, возможности, навыки и ресурсы, разрабатывает составную стратегию.

Как справедливо отмечает автор известной книги «Стратегический маркетинг» Ж.-Ж.Ламбен: «Стратегии международного развития касаются всех фирм, независимо от того, присутствуют они на иностранных рынках или нет» [2, с. 346].

Необходимость выбора и разработки международной маркетинговой стратегии возникает у руководства компании по разным причинам. Причем необходимость эта никоим образом не определяется только размерами компании и не связывается исклю-

чительно, как это ошибочно полагают, с такими гигантами, как транснациональные компании типа «Дженерал Электрик», «Дюпон». Международную маркетинговую стратегию может разрабатывать и реализовывать даже маленькая компания, представляющая небольшой семейный бизнес и состоящая, например, из нескольких человек.

Необходимо отметить, что в современной экономической литературе термин «стратегия» не всегда употребляется однозначно. Как нам удалось установить, с момента появления первых работ, посвященных стратегическому планированию, эта, вызывавшая, по меткому замечанию американских экономистов Стейнера и Минера, «семантические затруднения» проблема была актуальной и для западных экономистов, поскольку в контексте становления и развития экономической теории и практики всегда возникают периоды неустоявшейся терминологии.

Толкования терминов «стратегия», «политика», «задачи» разными авторами были настолько различными, что Кеннет Эндрьюс, американский автор работ по корпоративной стратегии, называл их «терминами по договоренности». Сами же Стейнер и Минер дали следующее определение стратегии в контексте менеджмента: «Стратегия представляет собой компоновку задач компании, упорядочение этих задач с учетом действия внутренних и внешних сил, формализацию конкретных вариантов осуществления планов компании по выполнению указанных задач и, наконец, обеспечение соответствующего внедрения этих планов, которое обеспечило бы достижение базисных целей и задач компании» [3, с. 47].

На наш взгляд, данное определение действительно характеризует деятельность компании, которая подпадает под наше понимание процесса выработки и реализации стратегии и, в сущности, соответствует лапидарному определению толкового оксфордского словаря: «Стратегия – искусство управления каким-либо делом».

Изучение различных маркетинговых стратегий позволило автору сформулировать следующее определение: международная маркетинговая стратегия – общая для всей компании долгосрочная, адаптированная, интеллектуальная программа выработки соответствия товаров и услуг зарубежным целевым рынкам. Она направлена на

удовлетворение задач как компании, так и покупателей на этих рынках и основана на тщательной разработке комплекса международного маркетинга, который формализуется в виде ее подпрограммы.

Анализ литературы, посвященной этому вопросу, показал, что определение, классификация и анализ стратегий международного маркетинга представляют собой весьма непростой и трудоемкий процесс. С одной стороны, трудно привести к стройной системе все то многообразие проявлений стратегической маркетинговой деятельности, которое показала практика нескольких десятков лет, с другой – каждый автор старается дать свою точку зрения на стратегии международного маркетинга и, естественно, вводит свою классификацию и свои классифицирующие критерии.

Так, Жане и Хеннеси вводят две родовые международные маркетинговые стратегии, где один род предполагает географическую детерминированность экспансии, а второй род – товарно-рыночную детерминированность [4, с. 568].

В зависимости от географической детерминированности предприятие может разработать внутринациональную стратегию, стратегию региональной экспансии, многонациональную стратегию или глобальную стратегию. В зависимости от товарно-рыночной детерминированности предприятие осуществляет либо широко-ассортиментную стратегию, либо стратегию специализации на отдельных ассортиментных группах.

Российский ученый В. Черенков исследовал стратегии, которые применяют компании при выходе на международный рынок: базовые, конфронтационные, инновационные, кооперационные [5, с. 189–190].

На основе анализа международных маркетинговых стратегий, которые приводит В. Черенков, нами дана классификация основных из них (рисунок 1).

Проанализируем международные маркетинговые стратегии иностранных предприятий, работающих на казахстанском рынке.

Базовые стратегии присущи крупным международным компаниям, таким, как IBM, Phillips, Siemens или Hyundai. Данные компании, уже доминирующие на рынке и располагающие достаточными ресурсами, обычно следуют глобальной стратегии главной доли рынка. Международная организационная структура этих компаний позво-

ляет получать экономии за счет масштабов производства и накапливаемого опыта. Условием реализации такой стратегии является уже существующая и занятая достаточно большая доля рынка, а также высокая степень стандартизации товара. Даже если такие компании сами по себе не являются пионерными в области разработки новых технологий, их товары должны быть на них основаны. Для уменьшения издержек и рисков такие компании часто практикуют стратегическое партнерство и организацию совместных венчурных предприятий. Так, например, компания Siemens, традиционно производящая и распространяющая бытовую технику, заняла значительную долю рынка по сборке компьютеров различной конфигурации, используя местную рабочую силу. За счет аналогичной кооперации ей удалось занять большинство рынков, распределить издержки и получить доступ к новым технологиям и опыту менеджмента. Заметим, что попутно – от включенности в стратегию гиганта выигрывают

Другие крупные, но не доминирующие компании разрабатывают локальные стратегии главной доли рынка, чтобы избежать прямой конкуренции с доминирующими глобальными компаниями. Механизм выработки и развития такой стратегии учитывает возможные конкурентные преимущества компании на базе конкретного национального внутреннего рынка. Обычно такие компании полагаются на национальные барьеры, существующие для их конкурентов. Кроме того, основу их локального конкурентного преимущества могут составлять, например, национальные таможенные преференции и вообще лучшее знание местной окружающей среды бизнеса (включая неформальные связи).

Очень интересным вариантом конкурентной стратегии является обусловленная современным развитием коммуникаций международного маркетинга стратегия глобальной ниши, практикуемая не доминирующими на рынке как малыми, так и крупными компаниями. Это – пример концент-

Классификация международных маркетинговых стратегий, применяемых иностранными компаниями на рынке Казахстана

и казахстанские компании по сборке компьютеров.

Например, казахстанская компания, владеющая какими-либо уникальными результатами научно-исследовательской деятельности, в которой, следовательно, работают высококвалифицированные и талантливые ученые, безусловно, имеет отличительную компетентность. Поэтому, внося подобную отличительную компетентность в качестве своего вклада в такой альянс, казахстанская компания получает свой выигрыш – за счет подключения к финансовым, производственным и маркетинговым возможностям гипотетически сильного зарубежного партнера.

рированной, или сфокусированной, маркетинговой стратегии, в рамках которой компания старается угодить особым потребностям рынка, концентрируя свои усилия на той узкой сфере, в которой она располагает преимуществом отличительной компетентности. Сама рыночная ниша компании состоит из географически удаленных, но «маркетинговоблизиких» рыночных сегментов, сочетание гомогенных характеристик которых вместе с возможностями компании образует собственно «нишу». Именно этот факт позволяет использовать здесь термин «глобальная».

Конфронтационные стратегии можно классифицировать следующим образом:

- 1) фланговая атака;
- 2) фронтальная атака;
- 3) окружение;
- 4) обход.

Конфронтационные стратегии маркетинга характерны в основе своей для международных компаний, в силу того, что данные компании обладают мощными финансовыми ресурсами и опытным персоналом в сфере маркетинга [5, с. 192].

Фланговая атака представляет собой концентрированную маркетинговую стратегию, часто применяемую такими компаниями, которые либо объективно слабее конкурентов и не имеют ресурсов для лобовой атаки, либо просто не хотят излишних затрат или приобретения на новом рынке отрицательного имиджа, или гудвилла. Фланговой атаке предшествует разведка географических регионов, где основные конкуренты компании представлены слабо или вовсе не представлены. После чего на эти рынки предлагаются товары – по аналогии с предложениями указанных конкурентов, которые они делают на схожих рынках. Здесь компания экономит и на маркетинге, используя в неявной форме опыт конкурентов. Этот подвид носит название географическая фланговая атака.

Другим подвидом является сегментированная фланговая атака, в ходе которой компания входит на тот сегмент рынка, который еще не обслуживается ее конкурентами. Главное для проводящей фланговую атаку компании – спрогнозировать сдвиги спроса на рынке или найти не обслуженный спрос раньше своего сильного конкурента. Важную роль играет также размер выбранного сегмента: достаточно большой, чтобы окупить издержки компании по его разработке, но не слишком большой, чтобы не привлечь в спешном порядке более сильных конкурентов. Оба подвида фланговых атак могут быть успешны для малых фирм в условиях растущего рынка, когда крупнейшие конкуренты временно не принимают в расчет эти не охваченные сегменты товарно-географического измерения рыночного континуума.

На казахстанском рынке, например, можно заметить, что растущая казахстанская компания «Асем-ай», производитель минеральной воды «Сары-Агаш», провела фланговую атаку по своим основным брендам в силу того, что около 8% населения не принимает товары крупных международных

компаний из-за специфики предпочтений потребителей.

Фронтальная атака присуща именно большим международным компаниям, располагающим существенными ресурсами и значительными конкурентными преимуществами. Существует четыре подвида фронтальных атак:

- истинная фронтальная атака;
- ограниченная фронтальная атака;
- ценовая фронтальная атака;
- ценностная фронтальная атака.

В случае истинной фронтальной атаки международная компания нацеливается на потребителей тех же географических рынков, что и ее основные конкуренты, ставя целью показать лучший вариант маркетинг-микса. С этой целью «выжимается» все возможное из всех компонент маркетинг-микса, включая не самую популярную сегодня ценовую конкуренцию [5, с. 193].

Иногда, если такие явно агрессивные действия могут предстать слишком разорительными, выбирается несколько отличающийся вариант ограниченной фронтальной атаки, суть которой становится видна из следующей ситуации. Немецкие производители пива могли бы, например, конкурировать с резидентными производителями пива в Казахстане, заключая эксклюзивные контракты на поставку немецкого пива в дорогие рестораны, расположенные в крупных городах Казахстана. Эта стратегия требует внимательного изучения вкусов и предпочтений казахстанцев (вплоть до формы бутылки и торговой марки). Результатом в перспективе станет «индуцирование спроса» на эти бренды и в сети розничной продажи (создание привычки к бренду за большие деньги и возможность удовлетворения потребности в этом бренде за меньшие деньги через супермаркеты).

Ценовая фронтальная атака основана на наличии у компании товара с характеристиками, аналогичными товарам конкурентов, а также на возможностях временного установления относительно низких цен. Источником ресурсов для такой стратегии служат, как обычно, конкурентные преимущества компании в областях НИОКР, производства, маркетинга, менеджмента.

Наконец, ценностная фронтальная атака основана на потребительских отличиях товара атакующей компании от товаров конкурентов. Для достижения успеха эти отличия должны быть восприняты как решительные

аргументы при совершении покупки при равной или даже более высокой цене как конечными потребителями, так и посредниками в сетях дистрибуции. Причем доказательство последним особой «полезности» или позитивного качественного отличия данного товара, по сравнению с товарами конкурентов, является более важным и первоочередным, чем для конечных потребителей. Это особенно характерно для рынка потребительских товаров.

Окружение, или окружение рынка, представляет собой такую конфронтационную стратегию, в рамках которой компания пытается атаковать своего важнейшего конкурента по всем возможным направлениям. В этом случае компания предлагает все доступные ей товарные ряды на всех сегментах разрабатываемого целевого рынка. Так поступает, например, Seiko на рынке часов, обеспечивая одновременное расширение товарного ряда и количественный рост выпуска. Посредники с удовольствием имеют дело с такой компанией, которая одна может покрыть потребности потенциальных покупателей данной категории товара. Главная проблема этой весьма агрессивной стратегии – необходимость отвлечения значительных ресурсов компании на длительный период времени. Следовательно, здесь требуется особо тщательный предварительный анализ даже для очень крупных и мощных международных компаний.

Нельзя не согласиться с В. Черенковым, который считает, что стратегия обхода предстает привлекательной для относительно небольших компаний, которые не способны выдержать конфронтацию с важнейшими конкурентами глобального рыночного места. Располагая необходимым маркетинговым опытом и НОУ-ХАУ, такая компания может выискать «выпавшие из поля зрения» доминирующих компаний или не представляющие для них жизненного интереса сегменты рынка. Известны два подвида этой стратегии [5, с. 194].

Первый – товарный обход, заключающийся в разработке полностью новой версии традиционного товара или услуги, был применен, например, на казахстанском рынке компанией Crown Cork and Seal, разработавшей новое упаковочное оборудование и начавшей его продавать в комплекте вместе ранее продававшимися ею же упаковочными материалами. Тем самым эта компания сразу же обошла на хорошо известном ей

рынке всех конкурентов, которые продолжали выпускать и продавать только одни упаковочные материалы.

Второй – географический обход, заключающийся в том, что недостаточно сильная компания концентрирует свои усилия на второстепенных рынках, был применен, например, турецкой компанией, организующей сети гипермаркетов во всем мире, которой удалось подписать и выполнить выгодный большой контракт с компанией «Бутия» – по созданию гипермаркета «Рамстор» в Алматы.

Кооперационные стратегии. Малые и средние компании, которые имеют намерения и потенциальные возможности стать глобальными, часто располагают уникальными и перспективными ноу-хау, но их слабость заключается в отсутствии необходимых финансовых, а иногда – производственных и кадровых ресурсов. В таких случаях кооперационная стратегия предстает единственно возможной конкурентной стратегией. Создавая стратегический альянс, такая компания, по сути дела, подключает к своему бизнесу и возможности крупной компании.

Такие стратегические альянсы могут создаваться компаниями-производителями и их поставщиками и дистрибьюторами и даже, при определенных маркетинговых интересах, с их конкурентами. Известен пример стратегического альянса компаний «Тойота» и «Дженерал Моторс» в виде совместного предприятия во Фримонте, Калифорния. На этом заводе был налажен выпуск автомобилей «Тойота Королла» и «Шевроле Новас». Обе стороны извлекли выигрыш из этого альянса: «Дженерал Моторс» – технологии производства и менеджмента, «Тойота» – доступ к новому перспективному рынку и маркетинговый опыт.

Инновационные стратегии имеют в своей основе эксплуатацию конкурентного преимущества международной или интернационализирующейся компании, базирующейся на принципиально новой технологии, товаре или их комбинации. Иногда в основу может быть положена даже четко и внятно сформулированная идея товара, технологии [5, с. 196].

Следует отметить, что мы рассматриваем этот класс стратегий как весьма перспективный для многих казахстанских предприятий, отпочковавшихся от крупных отраслевых и академических НИИ, а также появившихся в результате конверсии предприятий ВПК.

Классификация международных маркетинговых стратегий может служить основой при разработке конкретной международной маркетинговой стратегии.

Таким образом, на основе анализа маркетинговой деятельности иностранных компаний, работающих в условиях переходной экономики Казахстана, можно сделать следующий вывод: применение и адаптация международных стратегических моделей способствуют росту показателей сбыта и прибыли, позволяют предвидеть последующие действия

фирмы – соответственно изменяющимся требованиям рынка, разрабатывать комплекс взаимосвязанных мер в области товарной, ценовой, сбытовой и стимулирующей политики с учетом возможной реакции конкурентов.

Казахстанским предприятиям необходимо анализировать опыт применения маркетинговых стратегий иностранными компаниями на рынке Казахстана с целью разработки собственных конкурентоспособных маркетинговых стратегий для выхода на зарубежные рынки.

Литература

1. Котлер Ф. Маркетинг–Менеджмент. – Санкт-Петербург: Наука, 1996.
2. Ламбен Ж.-Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива. Перевод с франц. – Санкт-Петербург: Наука, 1996.
3. Steiner G.A. and Miner J.B. Management Policy and Strategy. Macmillan Publishing Co. Inc. – New York – London, 1977.
4. Jennet J.P., Hennesey H.D., International Marketing Management: Strategies and Cases. Houghton Mifflin Company. – Boston, 1988.
5. Черенков В. Международный маркетинг. – Санкт-Петербург: Знание, 1998.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ

Искаков Н.А.

Сложившийся в Республике Казахстан в целом благоприятный инвестиционный климат – огромный потенциал экономики страны, обеспеченность природными и трудовыми ресурсами, экономический рост и макроэкономическая стабилизация, законодательная база для инвестиционной деятельности, сильная исполнительная власть, достаточно развитая рыночная инфраструктура, относительно стабильный валютный рынок, сложившаяся банковская система и политическая стабильность – снижает инвестиционные риски и создает благоприятные условия для привлечения иностранного капитала в Казахстан.

Иностранный капитал может играть заметную роль в модернизации социальной сферы с целью повышения ее конкурентоспособности, создания современной инфраструктуры услуг и развития предпринимательства. Поэтому основными целями привлечения иностранного капитала могут быть определены:

- обеспечение экономики инвестиционными ресурсами, необходимыми для ее ди-

намичного развития ввиду недостаточности внутренних ресурсов;

- привлечение передовой технологии, внедрение прогрессивных форм организации и управления производством, «ноу-хау»;

- усиление участия Казахстана в международном разделении труда, активизация процесса интеграции его экономики в мировую хозяйственную систему;

- обеспечение доверия иностранных инвесторов и партнеров по экономическому сотрудничеству к казахстанской экономике.

В процессе реализации основных целей привлечения иностранных инвестиций решаются следующие важные для социальной сферы задачи:

- содействие структурным преобразованиям и развитию рыночных отношений;

- развитие конкурентной среды в производстве социальных услуг;

- повышение научно-технического уровня производства и повышение конкурентоспособности отрасли на основе новой техники и технологии, методов управления и сбыта;

- содействие развитию депрессивных, отдаленных, трудоизбыточных и экологически неблагоприятных районов;

- создание новых рабочих мест.

Для привлечения инвестиций необходимо создать в социальной сфере привлекательный инвестиционный климат для инвесторов вообще и для иностранных – в особенности. Нужно предусмотреть:

- обоснование прогнозных потребностей привлечения иностранных инвестиций в социальную сферу Казахстана в ближайшие десять лет и возможностей их реального притока;

- формирование и законодательное закрепление стабильной правовой базы, направленной на минимизацию инвестиционных рисков для иностранных инвесторов, гарантии их собственности и защиты прав;

- создание эффективных стимулов для притока прямых и портфельных инвестиций;

- создание организационного механизма реализации, отслеживания и совершенствования программных мероприятий; отбора и реализации проектов.

Решение этих задач позволит оживить инвестиционную деятельность пространственных инвесторов.

* * *

При формировании политики привлечения иностранного капитала, как правило, придерживаются следующих основных принципов:

Принцип экономической целесообразности инвестиционных проектов с участием иностранных инвесторов, получаемых займов и кредитов. Экономическая целесообразность определяется только на качественном уровне, исходя из:

- острой необходимости решения тех или иных социально-экономических проблем при ограниченности внутренних инвестиционных резервов и возможностей;

- возможности своевременного погашения процентов за кредиты, оплаты инвестиций;

- привлекательности условий инвестиционных проектов с участием зарубежных инвесторов и кредитных предложений;

- влияния предложений на изменение ситуации в экономике, их прогрессивности, соответствия результатов международным стандартам, мировому уровню.

Принцип социально-экономической эффективности – обязательное условие при-

влечения иностранных инвестиций в любой форме. Он предполагает высокую прибыльность и рентабельность инвестиционных проектов с участием зарубежных компаний, выгодность условий предоставления займов и кредитов, инвестиций в других формах.

Принцип экономической и экологической безопасности исключает возможность реализации проектов и предложений, допускающих:

- ускоренное и нерациональное использование природных ресурсов страны;

- загрязнение окружающей среды;

- незаконный вывоз капитала за пределы страны;

- применение отсталых технологий и техники, устаревших конструкций с параметрами, уступающими мировому уровню;

- снижение конкурентоспособности на мировом рынке;

- вытеснение отечественных товаропроизводителей с рынка;

- нарушение сложившегося взаимовыгодного сотрудничества с дружественными странами, нанесение ущерба существующим договорам, направленность против третьей страны;

- усиление коррупции, подкупа местных служащих, должностных лиц с целью содействия проектам и соглашениям с проигрывающими условиями.

Данный принцип предполагает также ограничение доступа иностранного капитала в отдельные виды национальных ресурсов (например, земля).

Принцип приоритетного выбора стран-доноров состоит в том, чтобы Казахстан отдавал предпочтение инвестициям из определенных стран, исходя из состояния их экономики, места в мировой экономической системе, надежности их репутации, лидирующего положения в конкретных сферах и областях экономики.

Не менее важным, чем предыдущие принципы, является *принцип минимального коммерческого риска* для нашей страны. Он реализуется путем обеспечения информацией предприятий, органов власти республики, ведущих переговоры, о возможных партнерах, прежде всего об их финансовом положении и месте, которое они занимают в экономике своих стран и на мировых рынках, их надежности как партнеров [1].

В целом вышеназванные принципы привлечения иностранного капитала в социальную сферу экономики можно оценивать

как вполне конструктивные, содействующие проведению экономических реформ. Вместе с тем они нуждаются в постоянной корректировке с учетом мирового опыта, в том числе опыта транснациональных корпораций. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно усилить работу госорганов по формированию организационно-правового и экономического механизмов международного экономического сотрудничества по привлечению инвестиций, его стимулированию в духе соблюдения баланса взаимных интересов как казахстанских предпринимателей, так и корпораций инвестирующих стран.

* * *

Необходимо учитывать, что достаточно сильная зависимость экономики Казахстана от иностранного капитала может стать и крайне опасным фактором возникновения негативных явлений. Во-первых, в управлении иностранных компаний могут оказаться ключевые сферы и отрасли или их объем превысит критическую массу, выйдет за пределы допустимого, что может нанести ущерб национальным государственным интересам. Во-вторых, из-за чрезмерно большого размера кредитов страна может оказаться неплатежеспособной, а неуплата долгов способна привести к изоляции Казахстана на международном финансово-кредитном рынке, поставить его в экономическую и политическую зависимость.

Для Казахстана важна разработка долгосрочной и краткосрочной стратегии привлечения иностранных кредитов, основанная на взвешенности, экономической выгоды и целесообразности, точных расчетах и обоснованиях.

* * *

Казахстан в условиях роста экономики и продолжения политики ее структурной перестройки мог бы сконцентрироваться на привлечении иностранных инвестиций в такие секторы экономики социальной сферы, как перерабатывающий сектор агропромышленного комплекса, жилье, наука и образование. Основными целями привлечения инвестиций в этих отраслях могли бы стать:

- внедрение новых технологий, передовой техники и ноу-хау;
- насыщение внутреннего рынка высококачественными товарами и услугами;
- государственная поддержка и стимулирование отечественных товаропроизводителей;

- развитие экспортоориентированных и импортозамещающих производств;
- внедрение современных методов менеджмента и маркетинга;
- создание новых рабочих мест;
- внедрение системы непрерывного обучения местных кадров, повышение уровня их квалификации;
- обеспечение интенсификации производства;
- улучшение окружающей среды.

Учитывая важность данных отраслей экономики для общества, необходимы особые требования к эффективности привлекаемых в них инвестиций и обеспечение их должной отдачи.

Основным элементом оценки эффективности инвестиций должен стать анализ риска, позволяющий выявить наиболее привлекательные вложения средств не только с точки зрения их доходности, но и с позиции наибольшей надежности. То есть в методических подходах к оценке эффективности иностранных инвестиций на первый план должна выдвинуться проблема сбалансированности риска и доходности или, в вложениях средств в ценные бумаги, проблема формирования оптимального портфеля ценных бумаг. Адаптация зарубежных методик расчета инвестиционных рисков к реальным условиям нашей страны позволяет отметить важность дисконтирования расчетов аналитической процентной ставки, учитывающей не только уровень инфляции, но и все возможные риски, связанные с осуществлением данного инвестиционного проекта.

Важной частью всего экономического механизма привлечения иностранных инвестиций должна стать система государственного регулирования и стимулирования инвестиционной активности частнопредпринимательского капитала.

Изучение республиканских нормативно-правовых документов показало, что в Казахстане в целом действует достаточно прогрессивное законодательство, обеспечивающее государственную поддержку прямых иностранных и отечественных инвестиций. Доработка действующего механизма должна идти в направлении повышения его гибкости и «самонастройки» в зависимости от изменяющейся хозяйственной обстановки. Важным аспектом работы в этой области должно стать создание стимулирующих

механизмов для долгосрочных инвестиций в производство.

С этой точки зрения концептуальной основой налоговой политики и практики стимулирования частных инвестиций по опыту юго-восточных стран может стать положение о том, что налог уменьшает доходы, направляемые на инвестиции, и поэтому частный сектор не следует облагать высоким налогом.

Развитие системы налоговых льгот для стимулирования инвестиционной активности хозяйствующих субъектов всех форм собственности, и особенно частного национального капитала, может предусматривать (1) льготы по налогообложению части доходов юридических лиц, направленных на производственное инвестирование, в жесткой увязке предоставленных льгот с эффективностью использования инвестиций; (2) интенсификацию некоторых льгот, фактически означающую улучшение предоставляемых условий; (3) расширение сферы распространения, одновременно способствующее увеличению числа налогооблагаемых объектов.

В рамках этих направлений можно было бы рассмотреть возможность применения таких механизмов стимулирования инвестиций, как введение «налоговых каникул», освобождение от подоходного налога, применение различных налоговых скидок на инвестиции или лизинговые операции, введение инвестиционного налогового кредита, применение методик ускоренной амортизации, компенсации убытков за счет прибылей последующих лет для пионерных производств, освобождение от ряда косвенных налогов.

* * *

Привлечение иностранного капитала и повышение эффективности его использования требуют сохранения общих благоприятных условий инвестиционной деятельности и преференциального режима для преимущественного развития экономики социальной сферы.

Важно содействовать закреплению финансовой базы инвестиционной деятельности. Здесь можно учесть опыт США и Германии, применяющих долгосрочные стабиль-

ные нормативы распределения доходов между центральным и местными бюджетами. При этом в регионах оставляются не менее 50% всех отчислений, в том числе весь НДС.

Усиление инвестиционной направленности местного бюджета может быть также достигнуто за счет четкого разграничения в бюджете текущих и инвестиционных расходов и утвержденного законодательным актом «золотого правила», согласно которому финансирование бюджетного дефицита территории не должно превышать сумму расходов на инвестиции.

Для активизации инвестиционной деятельности на уровне регионов может быть использован такой механизм, как дифференциация ставок местных налогов и расширение компетенции местных властей в ее осуществлении для стимулирования инвестиций. Для стимулирования этой работы и придания ей системного характера целесообразно в масштабах страны создать инвестиционные карты регионов; сформировать областные информационные центры, отслеживающие инвестиционные процессы; организовать мониторинговый контроль за реализацией инвестиционных программ, эмиссией ценных бумаг и т.д.

Немаловажное значение приобретают повышение гарантий по защите прав иностранных инвесторов и упорядочение бюрократических процедур, тормозящих процесс привлечения и использования иностранных инвестиций.

В целях обеспечения режима наибольшего благоприятствования для иностранных инвестиций в сочетании с механизмами сдерживания и противовесов, важно развивать институциональную структуру, позволяющую осуществлять страхование иностранного капитала, а также поиск эффективных и приоритетных инвестиционных проектов и инвесторов, заинтересованных в их реализации. Для более рационального использования возможностей страхования иностранных инвестиций целесообразно создание международной страховой компании или совместного фонда по страхованию политических и коммерческих рисков по типу корпораций зарубежных «частных инвестиций ОПИК» [2].

Литература

1. Сейткаева А.М. Инвестиционная деятельность предприятий. Алматы: Экономика, 1998.
2. Об этом подробнее см. Формирование и использование инвестиций в экономике Казахстана (стратегия, эффективность, механизм). Автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Алматы, 1999.

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Рамазанов А.А.

Государственная собственность является материальной базой осуществления политической власти и экономического строя. Она предназначена в первую очередь для производства общественных благ, так называемых коллективных товаров. Рынок не может их распределять. Для них «...невозможно использовать рынок для установления желательного уровня их производства. Здесь рыночный механизм должен уступить место политическим процедурам принятия решений» [1]. Поэтому «рынки и иерархии [государственные организации (предприятия – А.Р.)] играют взаимодополняющие роли в осуществлении экономической координации... Ни одна экономика не пользуется исключительно одним способом координации» [2].

жения в будущем, замещение частного капитала, осуществление побочных эффектов (рис. 1).

Критерием государственной собственности является не столько рыночная рентабельность, сколько удовлетворение общественных потребностей. Производство общественных благ является неконкурентоспособным (по норме прибыли) по сравнению с частными благами. Поэтому производство общественных благ на объектах государственной собственности дает в большей степени социальный эффект и побочный экономический эффект (эффект, достигающийся субъектам частной собственности).

Функции собственника осуществляются государством развитием государственной формы хозяйствования; управлением госу-

Рисунок 1

Основным назначением государственной собственности является решение фундаментальных социально-экономических задач, определяемых потребностями общества и государства. К функциям ее относятся предоставление социальных услуг, вло-

дарственными предприятиями и организациями (учреждениями); участием в органах управления хозяйственных товариществ (акционерных обществ), в которых имеется государственная доля (госпакет); осуществлением государственных расходов.

В 2002 г. (май) удельный вес государственных юридических лиц в общем их количестве составил 15,6% (табл. 1).

Таблица 1

Региональная структура собственности в Казахстане на 2002 г. (май), в %*

Области	Всего	в том числе	
		государственная	частная
Республика Казахстан	100	15,60	84,40
в том числе:			
Акмолинская	100	25,80	74,20
Актюбинская	100	23,00	77,00
Алматинская	100	22,98	77,02
Атырауская	100	25,17	74,83
Восточно-Казахстанская	100	18,33	81,67
Жамбылская	100	22,39	77,61
Западно-Казахстанская	100	22,51	77,49
Карагандинская	100	14,72	85,28
Кызылординская	100	27,34	72,66
Костанайская	100	24,21	75,79
Мангистауская	100	13,70	86,30
Павлодарская	100	18,48	81,52
Северо-Казахстанская	100	28,49	71,51
Южно-Казахстанская	100	19,20	80,80
г. Астана	100	6,94	93,06
г. Алматы	100	3,31	96,69

* Составлено автором по данным Агентства РК по статистике.

Уровень государственной собственности в национальной экономике Казахстана равен примерно среднеевропейскому. В региональном аспекте наименее низок уровень государственной собственности в Мангистауской области, г. Астане, г. Алматы. В видах экономической деятельности относительно выше государственная собственность лишь в образовании, здравоохранении и социальных услугах, производстве и распределении электроэнергии, газа, воды (табл. 2).

Государственным хозяйствующим субъектам отводится значительная роль в мировой экономике. В европейском сообществе на них занято почти 11% работающих по найму, 12,5% приходится вновь созданной стоимости, почти 20% – валовых капиталовложений в основные фонды. Государственные предприятия в ЕС преобладают в энергетике (примерно 70% занятых), на транспорте и в связи (около 60% занятых), в финансовом секторе (30%) [4]. Кроме того, в капитале ряда крупных компаний имеются государственные пакеты акций. Например, крупным акционером автомобильного концерна «Фольксваген» является правительство Германии.

По мнению Комитета госимущества и приватизации Министерства финансов Республики Казахстан, «одним из проблемных вопросов остается неэффективное испол-

зование госимущества. Большинство государственных предприятий имеют неудовлетворительные результаты финансово-хозяйственной деятельности, более трети убыточны. Уровень доходов несопоставим со стоимостью переданного предприятиям в хозяйственное ведение или оперативное управление госимуществом» [5]. Низкий уровень эффективности использования государственного имущества характеризуют поступления в республиканский бюджет [6]. Так, в 2001 г. поступило дивидендов от использования его на Т 6 006,5 млн, отчислений части чистого дохода республиканских государственных предприятий – Т 331 млн, поступления от аренды – Т 232,4 млн. Итого поступлений в республиканский бюджет от использования государственно-го имущества – Т 6 559,9 млн, или около \$44 млн. Это действительно несопоставимо с активами государственного предпринимательства.

Е.Гайдар к определяющим условиям нормальной работы государственного сектора относит «обеспечение надежного контроля за деятельностью занятого в нем аппа-

Таблица 2

Структура собственности в Казахстане по видам деятельности на 2002 г. (май), в %*

Виды деятельности	Всего	в том числе	
		государственная	частная
Республика Казахстан	100	15,60	84,40
в том числе:			
Сельское хозяйство, охота, лесоводство	100	2,15	97,85
Рыболовство, рыбоводство	100	5,50	94,50
Горнодобывающая промышленность	100	0,48	99,52
Обработывающая промышленность	100	2,77	97,23
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100	21,68	78,32
Строительство	100	1,05	98,95
Торговля, ремонт автомобилей и изделий домашнего пользования	100	0,27	99,73
Гостиницы и рестораны	100	1,85	98,15
Транспорт и связь	100	3,24	96,76
Финансовая деятельность	100	1,64	98,36
Операции с недвижимым имуществом	100	9,32	90,68
Управление	100	99,90	0,10
Образование	100	80,95	19,05
Здравоохранение и социальные услуги	100	62,74	37,26
Прочие коммунальные и персональные услуги	100	12,80	87,20

* Составлено автором по данным Агентства РК по статистике.

рата. То, в какой мере удавалось решить эту задачу, определяло реальное влияние государственного предпринимательства на функционирование экономики. Есть и немало примеров ускорения развития за счет его активного использования и образцы хищнического перераспределения ресурсов в частные руки через те же капиталы» [7].

На казахстанское экономическое поле вполне можно наложить приводимую Е.Гайдаром угрозу эффективному функционированию государственных предприятий – «политизация процесса формирования их управленческого аппарата, выдвижение кадров не по принципу компетентности, адекватного выполнения функции, а в зависимости от политической лояльности и влияния. Это оказывает, по крайней мере, столь же серьезное дезорганизующее влияние на работу, как и продвижение в зависимости от унаследованного состояния или родственных связей в аппарате частной корпорации. В частном секторе подобная практика ограничивается угрозой снижения эффективности, утраты позиций на рынке. В государственном секторе эти факторы действуют слабее: бремя убытков можно переложить на общество» [8].

В республике требуется построение новых отношений с государственной собственностью. Они заключаются в необходимости перехода от приватизации к экономически обоснованной политике формирования государственного сектора, включая установление четких критериев его объектов. Так, в России в федеральной собственности закреплены и не подлежат досрочной приватизации 3 тысячи предприятий.

Для повышения эффективности использования государственной собственности необходима Концепция ее управления. Она должна включать цели, задачи, организацию и механизмы управления. В качестве мер повышения действенности и адресности управления государственной собственностью предлагается реструктуризация ее объектов: бюджетные предприятия (организации) (state enterprise), предприятия публичного права (public corporation), предприятия частного права. Взаимоотношения между государственными органами и государственными предприятиями целесообразно строить на контрактной основе. Она позволяет закрепить права и обязанности сторон, задействовать производственные резервы при предоставлении самостоятельности в хо-

зяйственной деятельности. Изложение данных положений по управлению государственной собственностью дано автором в книге «Смешанное общество: мировой опыт и Казахстан» [9].

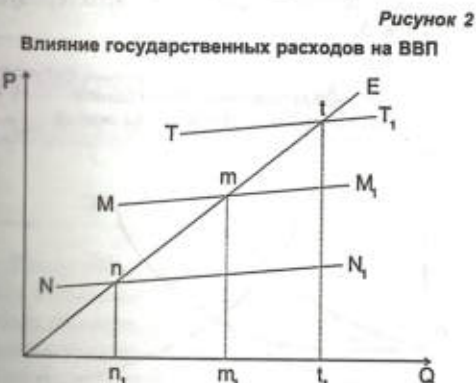
Западная практика свидетельствует, что государственное предприятие вправе рассчитывать на помощь государства в трудной ситуации. Так, в 2002 г. французское правительство пыталось спасти телекоммуникационную компанию France Telecom [10], акции которой с начала года потеряли 70% своей стоимости. Правительство Франции владеет 55% акций. Оно намерено оказать помощь France Telecom, но действуя как разумный инвестор. Долги его огромны, превышают капитализацию его не менее в пять раз. Для сокращения долгового бремени France Telecom правительство намерено произвести дополнительную эмиссию акций в объеме 10 млрд евро. Для сохранения его в преобладающей государственной форме собственности (статус главного акционера) министерству финансов Франции придется выкупить около половины объема дополнительной эмиссии акций. Таким образом, по мнению экспертов, France Telecom будет завуалировано профинансировано на льготных условиях.

Существующие национальные компании Казахстана, по мировым меркам, являются относительно небольшими. Например, самой крупной в республике национальной компанией является «КазМунайГаз». По приведенным данным в периодической печати, активы ее составляют около \$2 млрд [11]. Однако это намного меньше, чем в ведущих западных нефтяных компаниях. Например, рыночная стоимость Chevron составляет \$53,1 млрд, Amasco – \$41,4 млрд, Техасо – \$29,5 млрд. При таких «весовых» категориях «разговор» на равных национальной компании «КазМунайГаз» с ними затруднителен.

Для того чтобы национальные компании Казахстана соответствовали понятию «национальная», необходимо: установление критериев их статуса, в том числе по объему капитала; системное формирование их по общепринятым корпоративным принципам (вертикальности, диверсифицированности, горизонтальности). Геополитическое положение республики обуславливает необходимость формирования мощных и крупных национальных компаний по мировым критериям, которые могли бы решать не только

общереспубликанские задачи, но и достойно представлять страну в международном разделении труда в условиях глобализации. Имеется в виду, что они в будущем могут стать ТНК. Примеры есть в СНГ. Так, «лицом» российской экономики являются «Газпром», «Лукойл» и др.

Участие государства в производстве экономических благ характеризуют государственные расходы. Если в развитых странах удельный вес их в ВВП составляет 30–60%, то в Казахстане – немногим более одной пятой части. Государственные расходы являются составной частью совокупного спроса страны и оказывают влияние на национальное производство. Роль их в экономической системе определяется мультипликационным эффектом, который является своего рода «пусковым толчком» к расширению совокупного спроса (рис. 2).

где:
OQ – объем ВВП;
OE – совокупные расходы;
OE – состояние равенства совокупных расходов и ВВП;
NN₁ – расходы населения;
MM₁ – расходы населения и инвестиции хозяйствующих субъектов;
TT₁ – расходы населения, инвестиции хозяйствующих субъектов, государственные расходы;
n, m, t – точки макроэкономического равновесия;
n-p – инвестиции хозяйствующих субъектов;
t-m – государственные расходы.

Мультипликатор инвестиций прямо зависит от предельной склонности к потреблению и обратно – от предельной склонности к сбережению. Мультипликационный эффект имеет тенденцию к «затуханию» и приходит к логическому концу, когда прирост сбережения равен приросту дохода.

В качестве научной приоритетности отметим, что впервые понятие «мультипликатор» (multiplier – умножающий) применил Р.Кан (английский экономист) в 1931 г. Рассматривая влияние общественных работ

на кризис и безработицу, Р.Кан заметил «мультипликационный» эффект занятости. На базе общественных работ возникла первичная, вторичная, третичная и т.д. занятость.

По экспертным расчетам, мультипликатор государственных расходов в Казахстане составляет 3,35, то есть их увеличение на Т 1 млрд приводит к росту объема ВВП на Т 3,35 млрд.

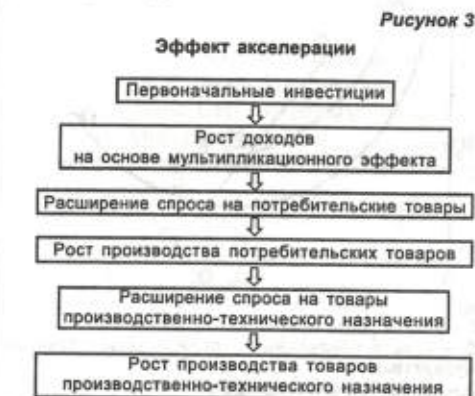
Следует выделить различие мультипликационного эффекта государственных расходов в следующих режимах рыночной экономики:

- кризиса перепроизводства товаров и услуг;
- незагруженных производственных мощностей.

В условиях перепроизводства товаров и услуг государственные расходы следует в первую очередь направлять на общественные работы, позволяющие создать дополнительный платежеспособный спрос, а не увеличивать затоваривание. Данная схема государственных расходов была рецептом государственного регулирования экономики Дж.М.Кейнса в условиях «Великой депрессии» в США и во многих странах. Она стала основой «Нового курса» Рузвельта.

В условиях незагруженных производственных мощностей государственные расходы следует в первую очередь направлять на инвестиционные проекты по созданию новых рабочих мест, обеспечение занятости.

Производной от мультипликации является эффект акселерации [acceleratio – ускорение (рис. 3)].

Государственным расходам как инструменту бюджетной политики принадлежит особая роль в условиях страны с развивающимся рынком. В них инвестиции оказыва-

ют слабую реакцию на понижение нормы процента рынка ссудного капитала (монетарное воздействие). Вследствие этого активной формой воздействия на рост нормы прибыли и инвестиций в Казахстане являются расходы государства (государственные закупки товаров и капиталовложения).

Для повышения эффективности использования ресурсов государственного сектора автором предлагается перейти от практики разовых государственных закупок товаров и оказания услуг на тендерах к комплексному формированию государственно-частного рынка, построенного по принципу: затраты – государства, выполнение работ – предпринимателями. «Инструментами» его являются контракты, соглашения о закупке товара. Субъекты государственно-частной предпринимательской деятельности – покупатель (государство), продавцы (подрядчики). В основном на государственно-частном рынке складываются две формы взаимосвязи между спросом и предложением: один покупатель (государство) противостоит многим производителям (подрядчикам); один покупатель (государство) противостоит одному производителю (подрядчику).

Механизм ценообразования на государственно-частном рынке иной, чем на совершенной конкуренции. В случае, когда государство противостоит многим подрядчикам, цена предложения на государственно-частном рынке может устанавливаться в двух ре-

жимах: понижающем и возрастающем. Первый случай отражает закуп товаров у хозяйствующих субъектов с высоким технологическим потенциалом, у которых снижаются издержки. Второй – у хозяйствующих субъектов с возрастающими издержками. Государственно-частный рынок с понижающей ценой предложения характеризует рисунок 4.

Кривая DD рисунка 4, характеризующая спрос государства, выражает и предельный доход (предельную полезность). Предельные издержки государства по закупке товаров ниже цены (кривая MC ниже кривой AC), так как оно имеет возможность понижать цену предложения для закупа каждой дополнительной единицы товара. Между объемом закупа товаров и ценой связь обратная: чем больше объем закупа товаров, тем ниже цена.

Государственно-частный рынок с повышающей ценой предложения характеризует рисунок 5.

где:
AC – кривая средних издержек подрядчиков;
MC – кривая предельных издержек закупа товаров государством;
DD – кривая спроса государства;
P₁ – цена товара, обеспечивающая государству максимальную прибыль;
P₀ – цена товара в условиях совершенной конкуренции;
Q₁ – объем закупочного товара государства;
Q₀ – объем закупочного товара в условиях совершенной конкуренции.

Рисунок 5
Государственно-частный рынок с повышающей ценой предложения

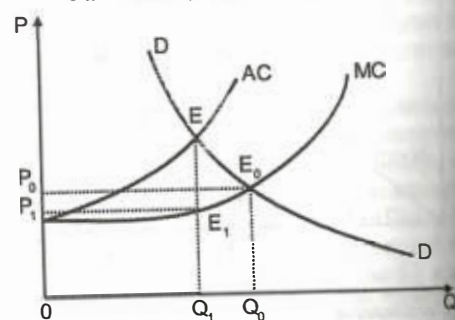

Рисунок 5 показывает рост предельных издержек государства по закупке товаров из-за роста цены предложения. Поэтому предельные издержки государства по закупке товаров выше цены (кривая MC выше кривой AC). Экономической мотивацией государства по закупке товаров является меньший объем спроса по мере роста цены предложения.

Таким образом, в обоих ценовых режимах государственно-частного рынка государство в той или иной мере имеет власть над ценой. В обоих ценовых режимах цена закупа государством товаров ниже, чем на совершенном рынке.

В случае двусторонней монополии между государством и подрядчиком заключается контракт, позволяющий им получить прибыль по усредненным ценам.

Литература

1. Хейлброннер Р., Туроу Л. Экономика для всех. – Новосибирск: «ЭКОР», 1994. – С. 219.
2. Долан Э., Линдсей Д. Рынок. Микроэкономическая модель. – СПб., 1992. – С. 20.
3. Управление государственной собственностью / Под ред. В.И.Кошкина, В.М.Шупыро. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 59.
4. Там же. С. 49.
5. Раханов М. Государство может и обязано оценивать эффективность управления собственностью не только там, где само является собственником, но и на приватизированных предприятиях / Panorama – 30 августа 2002. – №33. – С. 4.
6. Как использовалось государственное имущество в прошлом году / Panorama – 1 февраля 2002. – №4. – С. 9.
7. Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры. – М.: Наука, 1989. – С. 24.
8. Там же. С. 3 0–3 1.
9. Смешанное общество: мировой опыт и Казахстан / Кошанов А.К., Рамазанов А.А., Шевченко В.В. и др. – Алматы: Институт экономики АН – МН РК, 1998. – С. 18–19.
10. France Telecom спасает государство / «Экономика. Финансы. Рынки» / Деловое обозрение Республики, 13 сентября 2002. – №13. – С. 9.
11. Консолидированный баланс «КазМунайГаза» оценивается Правительством в \$2 млрд / Panorama – 1 марта 2002. – №8. – С. 9.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНЗИТНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭКОНОМИКЕ КАЗАХСТАНА И ПОЛЬШИ

Тайжан М.

После обретения независимости Республика Казахстан стала самостоятельным субъектом международных политических и экономических отношений, что обусловило необходимость определения приоритетов внешнеполитического курса страны. В этом отношении важным стало развитие двусторонних экономических связей с другими государствами.

Построение открытой экономики и свободной торговли, открытая и либеральная инвестиционная политика, разработка энергетических и других природных ресурсов – все это способствует не только экономическому росту, но и политической стабильности страны, а также обеспечению национальной безопасности. За годы независимости в Казахстане созданы благоприятные условия, способствующие преобразованиям, как в социально-экономической, так и общественно-политической сфере. Проводимые экономические реформы в первую очередь направлены на формирование основ рыночного хозяйства, демократизацию общественной жизни, создание соответствующей правовой базы, повышение эффективности ис-

пользования имеющегося экономического и производственного потенциала.

После распада СССР многие социалистические страны взяли курс на развитие рыночной экономики. Казахстан оказался среди этих стран. Несмотря на схожесть в политической и экономической ситуациях в этой группе стран, существовали региональные различия: страны Центральной и Восточной Европы, которые строили свои рыночные отношения на примере Западноевропейских стран, и страны СНГ, которым пришлось строить все сначала. Казахстан, как и другие государства, начал налаживать свою внешнеэкономическую деятельность.

Для стран, переживающих сложные процессы трансформации экономической системы, опыт, накопленный другими, имеет значение как в отношении осуществления упреждающих действий для компенсации неизбежных негативных процессов, возможного обострения внутренних противоречий, так и в плане выбора альтернативных сценариев развития, более последовательного проведения реформирования. Несомненный интерес вызывает практика

рыночного преобразования польской экономики, одной из первых начавшей подобные процессы. Либерализация хозяйственной деятельности в производстве, торговле, сфере услуг, в ценообразовании, приватизация государственной собственности при высоком динамизме этих процессов дали представление о феномене «шоковой терапии», ее позитивных и негативных результатах. Практику первых рыночных реформ экономики постсоветского пространства изучали на примере Польши. Особенности национальных экономических систем закономерно обусловили специфику преобразований, неизбежное расхождение в их результатах в разных странах. Осуществление стандартного комплекса реформ сопровождается формированием весьма несхожих между собой экономических систем [1, с. 53].

С перспективы сегодняшнего дня последнее десятилетие представляется как цепь более или менее принципиальных изменений, затрагивающих экономику и сферу общественной жизни Польши. Одни из них явились результатом планомерных действий, направленных на преобразование данной сферы жизни, другие – следствием адаптационных процессов. Данные преобразования стали возможны благодаря освобождению от оков централизованного государственного контроля, развитию инициативы различных общественных групп, а также благодаря существенному изменению правил и принципов функционирования той или иной области.

По мнению польского эксперта Л.Колярска-Бобиньска, процесс реформирования государства сопровождался дискуссиями, посвященными как оценке содержания нововведений, так и их политической обусловленности. Эти дискуссии представляли собой фрагмент развернувшегося по всей стране обсуждения, подводящего итоги существования коммунистической системы и оценивающего ее наследие в независимой Польше [2].

В процессе реформирования, то есть целенаправленного осуществления преобразований, после 1989 г. можно выделить два периода: реформы начала 90-х годов, которые, главным образом, затрагивали принципы и институты экономической системы; и реформы конца 90-х годов, когда были приняты решения о переустройстве многих областей общественной жизни. Одновремен-

но с этими преобразованиями продолжался процесс создания и консолидации демографических институтов.

Для Казахстана как молодого евроазиатского государства очень важен опыт стран Центральной Европы, достигших серьезных качественных результатов в процессе перехода от плановой к рыночной экономике и демократизации общественно-политических систем. При этом признанным лидером реформ в данном регионе Европы справедливо считается Польша. По оценкам экспертов, среди стран Центрально-Восточной Европы Польша самыми быстрыми темпами проходит процесс трансформации экономики. Впечатляют и результаты процесса демократизации в этой стране. В связи с этим Казахстан может перенять опыт Польши в осуществлении экономических и политических реформ.

Обе страны на протяжении нескольких десятков лет были социалистическими государствами; пережили коммунистический режим и в данный момент являются посттоталитарными; начали переход от социалистической экономики и ставили своей целью трансформацию ее в рыночную экономику. При этом в обеих странах на момент рыночных преобразований господствовала общегосударственная собственность на основные средства производства. Объем странам пришлось решать одинаковые задачи: реформирование социалистической экономики, создание рыночного законодательства, рыночных институтов, обеспечение стабильности экономического развития, предотвращение социальных последствий рыночных преобразований [3, с. 22].

В обеих странах проведена трансформация командно-административных экономик в рыночные. Созданы все необходимые элементы рыночной инфраструктуры, включая соответствующие рыночные институты, инструменты и законодательную базу, обеспечивающую регулирование рыночных отношений в экономике и эффективную защиту прав собственников. Все это значительно повысило эффективность размещения и использования ограниченных ресурсов общества.

С 1992 г. польская экономика первой среди экономик Центральной и Восточной Европы вступила на путь экономического роста – сначала медленно, а начиная с 1995 г. – уже самого высокого в Европе, и, может быть, даже в мире, т.к. он составил 6–7%

год. Именно с 1992 г. начинается сотрудничество двух республик – Казахстана и Польши. 6 апреля 1992 г. были установлены экономические отношения между этими странами.

В 1996 г. торговый оборот между двумя странами увеличился почти в четыре раза, с 63 млн до 230 млн долл. США.

В ноябре 2000 г. на встрече с Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым новый посол Польши в Казахстане Здислав Новицкий отметил, что в Казахстане «наблюдается бурный экономический рост», а Польша демонстрирует высокий уровень по всем экономическим показателям. Это обстоятельство, по его мнению, должно способствовать объединению имеющегося потенциала двух стран.

Обе страны избрали в качестве метода реформ «шоковую терапию», которая включала в себя ряд основных элементов, таких, как дерегулирование внутренних цен, открытие внутреннего рынка, либерализация экономики, массовая приватизация, проведение жесткой денежно-кредитной политики, отход государства от участия в управлении экономикой. Результатом ее стали значительный первоначальный спад производства и высокие социальные издержки перехода к рыночной экономике для большей части населения.

Таблица 1

Спад производства в странах с переходной экономикой за 1989–1998 гг.

	Казахстан	Польша
Спад (-) / рост (+) за 1989–1998 гг.	-40,0	23,2
Спад в нижней точке	-40,0	-13,6
Год прохождения нижней точки	1998	1991
Рост по сравнению с нижней точкой	0,0	42,6

Источник: Fisher, Sahay, 2000 г.

При этом в отличие от Польши Казахстан более серьезно пострадал от «шоковой терапии». В 2000 г. объем ВВП составлял всего 69,3% в ценах 1990 г. Предполагается, что он сможет достичь уровня 1990 г. только в 2010 г. После этого в полной мере можно говорить о выходе страны на траекторию устойчивого экономического роста.

В настоящее время экономики обеих стран развиваются высокими темпами. Это заметно улучшило состояние государственных финансов, позволяет без особых проблем осуществлять структурную перестройку экономики, а также приводит к уменьше-

нию внутренней задолженности государства.

В то же время если в Польше экономический рост связан с развитием перерабатывающих отраслей производства, повышением качества выпускаемой продукции, то в Казахстане – с опережающим развитием сырьевого сектора экономики (рисунок 1, 2).

Рисунок 1
Структура отраслей экономики в ВВП Польши в 2000 г.

Рисунок 2

Структура отраслей экономики в ВВП Казахстана в 2000 г.

В то же время состояние экономик на момент перехода к рыночной экономике, а также политическое устройство стран было различным, что обусловило различную скорость, характер и последствия рыночных преобразований.

В настоящее время польская экономика как составная часть глобального мирового хозяйства, его европейского региона развивается в полной мере в соответствии с его закономерностями, тенденциями, испытывая их противоречивое воздействие. Опыт ее функционирования в непростых условиях мировой нестабильности, несомненно, интересен и полезен для Казахстана, преодолевшего долговременный и масштабный спад, формирующего условия для экономического роста, полноценной интеграции в мирохозяйственные процессы [4, с. 53].

Казахстан повторил некоторые польские ошибки, связанные с быстрым осуществлением рыночных реформ без учета специфических условий страны и без проведения соответствующих подготовительных мероприятий. Например:

- прежде чем либерализовать цены, надо было принять меры по устранению инфляционного риска;

- открывать внутренний рынок нужно было постепенно, по мере приобретения предприятиями достаточного опыта деятельности в рыночной среде;

- приватизацию следовало проводить за финансовые ресурсы (деньги), что стимулировало бы ответственное распоряжение собственностью, а также позволило бы улучшить состояние государственного бюджета и увеличить социальные трансферты социально незащищенным слоям населения и т.д.

Цели посткоммунистической трансформации в Польше и Казахстане различаются. В первом случае – это интеграция в Европу, во втором – наполнение государственного суверенитета реальным содержанием. Данный фактор накладывает значительный отпечаток на ход политической модернизации в наших странах.

Один из авторов польских экономических реформ Л.Бальцеревич считает, что посткоммунистические преобразования в Центральной и Восточной Европе характеризуются рядом особенностей:

«Во-первых, чрезвычайно широким диапазоном перемен. Они охватывают как политическую систему, так и экономическую; изменения в обеих системах взаимосвязаны с изменениями в общественной структуре.

Во-вторых, несмотря на почти одновременное начало процесса перемен в политических и экономических системах, было бы ошибкой говорить об одновременности преобразований в посткоммунистической Европе. При более или менее одновременном старте в политических и экономических преобразованиях эта асимметрия темпа влечет за собой появление новой исторической реальности: массовая демократия опережает наступление капитализма.

В-третьих, эта реальность предполагает, что прорыночные реформы, которые должны иметь широкий масштаб, принимая во внимание наследие социализма, будут осуществляться в демократической или, по крайней мере, в плюралистической политической системе.

Четвертой, чрезвычайно характерной чертой экономических и политических преобразований в центральной и Восточной Европе был их мирный ход».

Относительно Казахстана выводы Л.Бальцеревича имеют ограниченное применение. Можно без оговорок принять первую и последнюю черты. Однако вторая и третья особенности были характерны для начального этапа модернизации. Сейчас же в Казахстане экономические реформы осуществляются более быстрыми темпами по сравнению с политическими.

За десять лет независимости внешняя политика Казахстана прочно утвердилась в качестве неотъемлемого элемента государственной политики. Усилия казахстанской дипломатии увенчались успехом на российском, китайском, центральноазиатском, американском, европейском и других направлениях по обеспечению безопасности, добрососедства и дружбы. Казахской дипломатией были созданы необходимые внешние условия для укрепления суверенитета страны, продвижения экономических интересов страны. Безусловно, одним из успехов казахстанской дипломатии является и перспективное развитие казахстано-польских отношений.

Польская экономика очень быстро приближается к стандартам экономик стран Европейского Союза. Более чем 2/3 оборота польской внешней торговли приходится на долю стран ЕС.

Период с 1992 по 2000 г. в Польше характеризовался высокими темпами экономического роста, ростом реализованной продукции и капиталовложений, понижающейся инфляцией, стабилизацией уровня безработицы и большим притоком иностранных инвестиций – их суммарная стоимость достигла 50 млрд долл. США (рисунок 3, 4).

Согласно отчету Европейской Комиссии, польская экономика является реальной рыночной экономикой, способной противостоять конкурентному нажиму стран ЕС и сохраняющей надлежащую стабильность и значительные показатели экономического роста.

Польша самыми быстрыми темпами среди стран Центрально-Восточной Европы проходит процесс трансформации экономики. В 2000 г. рост ВВП, достигнутый в условиях снижающейся инфляции (показатель за период с декабря по декабрь составил 8,5%), большого притока иностранных инвестиций

(10,6 млрд долл. США), быстрого роста экспорта (его объем увеличился более чем на 25%) и роста производительности труда в промышленности (14%) составил 4,1%. Этот результат дал Польше одно из первых мест среди стран данного региона.

Рисунок 3

Рисунок 4

— Зарегистрированные безработные в тыс. человек
— Норма безработицы

Эти данные говорят о том, что польская экономика находится в хорошем состоянии. Коренные изменения способа функционирования экономики должны укрепить уже имеющиеся достижения, обеспечивающие Польше место среди стран, которые добились значительных экономических успехов [5, с. 3].

Положительные результаты процесса трансформации повлияли на рост активности Польши как партнера экономического сотрудничества. С начала 90-х годов растет интерес иностранных субъектов к возможностям и условиям ведения экономической деятельности в Польше, в том числе в области инвестирования и торговли [6, с. 5].

Сотрудничество между двумя республиками, Казахстаном и Польшей, с каждым годом укрепляется. Установление 6 апреля 1992 г. дипломатических отношений между Казахстаном и Польшей открыло в сотрудничестве двух стран новую страницу. К настоящему времени Казахстан стал для Польши важнейшим политическим и экономическим партнером в Центральной Азии, а Польша для Казахстана – аналогичным партнером в Центральной Европе.

Основных благотворных факторов для сотрудничества два – исторические связи, обусловившие присутствие в Казахстане большой польской диаспоры, плюс взаимодополняемость экономик обеих стран. Польская сторона с каждым годом все больше покупает казахстанской нефти, а Казахстан – польских машин, оборудования, мебели, косметики, парфюмерии, лекарств, одежды и других потребительских товаров.

Таблица 2

Внешняя торговля (млн USD) в Польше и Казахстане

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Польша						
Экспорт	22,9	24,4	25,7	28,2	27,4	31,7
Импорт	29,1	37,1	42,3	47,1	45,9	48,9
Сальдо	-6,2	-12,7	-16,6	-18,9	-18,5	-17,2
Внешнеторговый оборот	52,8	61,5	68	75,3	73,3	80,6
Казахстан						
Экспорт	5,3	5,9	6,5	5,4	5,6	9,1
Импорт	3,8	4,2	4,3	4,3	3,7	5,0
Сальдо	1,5	1,7	2,2	1,1	1,9	4,1
Внешнеторговый оборот	9,1	10,1	10,8	9,7	9,3	14,1

Источник: Статистический ежегодный сборник Казахстана, Агентство РК по статистике 2001 г.

В Казахстане наблюдалось ежегодное увеличение объемов экспорта до 1997 г., в последующие годы в связи с мировым кризисом произошло снижение этого показателя. Так, например, в 1998 г. по сравнению с 1997 г. экспорт снизился на 1,1 млрд долл., а в 1999 г. по сравнению с 1997 г. – на 0,9 млрд долл. Снижение экспорта было обусловлено, прежде всего, недостаточным объемом производства продукции во многих секторах экономики. Лишь начиная с 2000 г. объем экспорта значительно повысился и составил 9,1 млрд долл., что в 1,6 раз больше показателя 1999 г.

Объемы импорта в Казахстане имеют постоянную тенденцию к увеличению: в 2000 г. по сравнению с 1995 г. импорт Казахстана повысился на 1,7%. Лишь в 1999 г. объем импорта по сравнению с 1998 г. снизился на 14%, что объяснялось введением протекционистских мер по отношению к отечественным товарам. Положительное сальдо на протяжении рассматриваемых лет удалось сохранить благодаря росту мировых цен и экспорту сырьевой продукции, в частности топливно-минерального сырья.

Становление внешнеторговой политики Республики Казахстан характеризовалось постепенным переходом от жесткого кон-

троля со стороны государства внешнеэкономической деятельности к построению торговых отношений с партнерами на основе адаптации к международным нормам и использованием экономических регуляторов.

С 1995 по 1998 гг. в Польше наблюдалось увеличение экспорта в среднем на 7% в год. В 1999 г. произошло незначительное снижение на 2,8%, что объясняется последствием мирового финансового кризиса. Экспорт в 2000 г. вырос по сравнению с предыдущим годом на 15,7% и составил 31,7 млрд долл. США.

Рубеж 1995 г. зафиксировал снятие большинства барьеров на пути продвижения польских товаров на рынки ЕАСТ и ЕС. С этого момента Польшей взят курс на либерализацию промышленного импорта. Либерализуя взаимную торговлю с ЕАСТ, Польша тем самым последовательно включается в процесс формирования Зоны свободной торговли.

Импорт Польши характеризуется тенденцией роста. В 2000 г. объемы импорта выросли почти в два раза по сравнению с 1995 г. и составили 48,9 млрд долл. На протяжении четырех лет с 1995 по 1998 гг. Польша имела

отрицательное сальдо внешней торговли, которое ежегодно увеличивалось, составив к 1998 г. 18,9 млрд долл.

Географически Польша и Казахстан не являются ближайшими соседями. Тем не менее обе страны стремятся к развитию и углублению двусторонних отношений. По словам Президента Республики Польша Александра Квасневского, «...несмотря на то, что Польшу и Казахстан разделяют большие расстояния, оба наших народа объединяет некая схожесть исторического опыта, вытекающая из их особого геополитического положения».

В самом деле, и Польше, и Казахстану есть, что перенять друг у друга. Например, одним из плюсов Казахстана является успешное проведение пенсионной и страховой реформ, в то время как в Польше это только стоит на повестке дня. С другой стороны, Казахстану не помешал бы опыт Польши в проведении рыночных реформ. Основной экономики Казахстана продолжает по-прежнему оставаться крупный бизнес, а не средний и мелкий, как в развитых странах. В Польше же основным двигателем рыночных реформ был и продолжает оставаться малый и средний бизнес [3, стр. 30].

Литература

1. Ашимбаева А. Казахстан в мировой экономике: проблемы и перспективы развития. – Алматы, 2002. – С. 53.
2. Вторая волна польских реформ // Новое Поколение. – 21.05.2002.
3. Нурсеит Н. Сравнение некоторых параметров трансформации экономик Казахстана и Польши. – Алматы, 2002. – С. 22.
4. Ашимбаева А. Казахстан в мировой экономике: проблемы и перспективы развития. – Алматы, 2002. – С. 53.
5. Штайнхофф Я. Польша – твой экономический партнер. – Варшава, 2001. – С. 3.
6. Дурка Б. Польша – твой экономический партнер. – Варшава, 2001. – С. 5

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В ТРАНЗИТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Шауенов Е.С.

Исследования, посвященные проблемам поддержания стабильности переходного общества, свидетельствуют о том, что факторы стабильности в трансформирующихся системах существенно отличаются от своих аналогов в развитых индустриальных демократиях.

Сложность сохранения устойчивости переходных стран во многом продиктована самим характером транзитного периода. Централизация правления, доминирование исполнительной власти над остальными ветвями, слабость партийной системы и институтов гражданского общества, особенности легитимации власти, экономические проблемы, отражающие уровень эффективности Правительства, традиции политической культуры и другие причины – оказывают доминирующее влияние на состояние стабильности переходных систем.

Само применение характеристики «стабильный», или «устойчивый», для переходного периода иногда сопряжено с трудностями терминологического характера. Транзитные системы из-за высокой степени динамичности политических процессов и широкомасштабных преобразований зачастую характеризуются нестабильностью, на что, к тому же, накладываются еще издержки вышеприведенных особенностей переходных систем. Поэтому адекватным для такого общества исследователи считают применение словосочетания «стабилизация переходных обществ», имея в виду процесс по обеспечению оптимальных условий для их функционирования.

В качестве условий для обеспечения долговременной стабилизации переходного периода, на наш взгляд, можно рассмотреть группу факторов политической устойчивости: политических институтов, легитимности и эффективности власти и культурно-ценностных характеристик общества. Доминирование положительных показателей обозначенных факторов работает на усиление

стабилизационного потенциала политической системы, а их низкие характеристики, – соответственно, на ее дестабилизацию.

Изучение проблем стабилизации переходных систем можно проводить, опираясь на принятое в политической науке выделение воли демократизации, включающих некоторые регионы мира, охваченные всеобщей модернизацией. Здесь мы рассмотрим опыт стран «третьей волны» демократизации, включающей, по С.Хантингтону, государства Южной Европы и Латинской Америки [1], а также вкратце остановимся на посткоммунистических трансформирующихся системах, охватывающих страны Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. В дальнейшем, опираясь на примеры отдельных стран и регионов, мы попытаемся очертить основные проблемы и характерные черты стабилизации политической системы переходного общества.

Страны

«третьей волны» демократизации

Отличительной особенностью начала «третьей волны» демократизации было то обстоятельство, что многие из охваченных ею стран не столкнулись с большими потрясениями революционного характера. Как отмечает С.Хантингтон, этому способствовали как отсутствие крупных антисистемных партий, так и то, что в подавляющем большинстве случаев инициаторами демократических преобразований выступили сами авторитарные власти. Очевидно, что ими двигали как явные признаки неэффективности проводившейся в их странах политики, так и примеры развитых демократических государств, со своими режимами, благоприятствующими процветанию своих наций. Одним из классических примеров мягкого перехода считается опыт послефранкистской Испании, являющийся, к тому же, одним из первых инцидентов начала «третьей волны» демократизации.

Исторически испанское общество было расколото на два враждебных лагеря, где левые были убежденными республиканцами, а правые – монархистами (отсюда выражение «две Испании») [2]. После смерти Франко главой государства стал король Хуан Карлос I, под эгидой которого начался переход к демократии, что обеспечило лояльное отношение к новой политической системе со стороны консервативных кругов армии, сил безопасности, административного и судебного аппарата, не затронутых чисткой и сохранивших свои позиции. Назначенный на пост премьер-министра А.Суарес за два с половиной года организовал демонтаж одиозных институтов франкистского государства, сохранив при этом горизонтальную легитимность (на уровне элит) – путем скрупулезного следования букве франкистских законов, и обеспечил создание демократических институтов при широком участии оппозиции, чем создал вертикальную легитимность своему правительству (на уровне масс) и обеспечил устойчивую демократическую легитимность вновь созданным государственным институтам [3].

Правительство Суареса предложило Закон о политической реформе, одобренный сначала кортесами, а затем – на референдуме 15 декабря 1976 г., чем открыло дорогу осуществлению демократических преобразований мирным путем. Принятие данного Закона обеспечило легитимность правительства на уровне правящих элит и реальных факторов власти, усилив вертикальную легитимность правительства. Правительство упрочило свои позиции и в отношении оппозиции, которая после проигрыша на референдуме (Закон оставлял значительные полномочия королю во взаимоотношениях с другими ветвями власти) лишилась монополии на легитимность. Это отразилось на результатах парламентских выборов, состоявшихся 15 июня 1977 г., где ни одна партия не получила абсолютного большинства мест, хотя партия Суареса – СДЦ (Союз демократического центра) – получила относительное большинство голосов, что обеспечило преемственность руководства процессом перехода и сделало неизбежным поиск компромиссов.

Благодаря подписанным в октябре 1977 г. между правительством и оппозицией пактам Монклоа, «...было достигнуто согласие о том, что приоритетным является преодоление политического, а не экономического

кризиса, а для выхода из кризиса, в первую очередь, необходимо сосредоточиться на создании институтов демократии». В результате конструктивного взаимодействия политических элит испанского общества и применения техники консенсуса, новая институциональная структура была построена таким образом, что интересов какой-либо одной политической силы или социальной группы полностью не отражала. В то же время она отразила баланс интересов всех политических сил, и именно это и стало залогом стабильности новой политической системы [4].

Опыт испанского перехода к демократии наглядно демонстрирует, насколько важным для стабильности в переходный период является умение политических сил, возглавляющих этот процесс, обеспечить себе непрерывную легитимность путем всенародных выборов, референдумов, соглашений с оппозицией. Инициатива всегда оставалась в руках правительства, что позволило ему проводить реформы постепенно и последовательно.

Однако способность власти легитимизировать себя не является характерной для всех стран, относящихся к «третьей волне» демократизации. В этом отношении значительной неустойчивостью характеризуются отдельные переходные страны латиноамериканского региона, потрясаемые неоднократными и продолжительными государственными переворотами.

Некоторые исследователи нестабильность этого региона связывают с существованием во многих странах своеобразной президентской формы правления. Согласно А.Валенсуэле, «...большая часть латиноамериканских государств остаются в высокой степени централизованными с политической точки зрения, что делает функционирующую по принципу «победитель получает все» систему президентской власти завидным источником неограниченных полномочий в должностных назначениях» [5]. В то же время президенты этих стран, пользуясь поддержкой простого большинства электората, вынуждены работать с парламентами, в которых президентские партии не имеют абсолютного большинства.

По приводимым А.Валенсуэлой данным, из 33 президентов, избранных в Латинской Америке с начала 80-х гг., лишь менее половины – четырнадцать – имели абсолютное большинство голосов, как сре-

ди избирателей, так и в парламенте. За исключением Уругвая, президенты в Латинской Америке не могут прибегать к угрозе роспуска конгресса – как к средству обеспечения парламентского большинства. Только шесть из 33 президентов (или 18%) имели парламентское большинство в обеих палатах конгресса на протяжении всего срока своего правления, хотя начинали его с парламентским большинством 13 из них (39%). Более того, эти шесть президентов «приходятся» только на четыре страны, три из которых (Колумбия, Коста-Рика и Гондурас) имеют двухпартийную систему, а в остающейся четвертой стране (Парагвай) – система однопартийная [6].

Предпосылки неустойчивости отчасти заложены и в ограничении полномочий президента лишь одним сроком. За исключением Доминиканской Республики, ни одна из латиноамериканских стран не позволяет своему президенту баллотироваться на второй срок. Такая ситуация лишает президентов стимула сохранять активные позиции до конца срока, приводя практически к образованию раскола между президентом и его парламентской партией ближе к концу срока его пребывания у власти. Источником расхождений выступает и то, что президенты во многих латиноамериканских странах являются главами исполнительной власти, что, в случае отсутствия президентского большинства в парламенте, рождает постоянные разногласия между двумя ветвями власти.

Подобная ситуация неустойчивости президентской власти нередко приводит к потере эффективности правительства, результатом чего становится ухудшение экономического положения страны. Например, президент Бразилии Ф.Коллор, пришедший к власти на волне популистских обещаний, был инициатором шоковой терапии, подразумевавшей следование курсу «свободной игры рыночных сил» и резкого ухода государства из экономики.

Устранившись от контактов с различными политическими и социальными силами, заинтересованными в поиске общенационального консенсуса, и не наладив конструктивных отношений с парламентом, Коллор всецело занялся политикой «большого скачка». Стремление отставшей страны быстро преодолеть слаборазвитость и, одним ударом «убив тигра инфляции», перепрыгнуть в общество процветания имели разрушительные последствия» [7].

Опыт поставторитарной Бразилии свидетельствует о существовании взаимосвязи между решением экономических проблем и достигнутым политическим стабильности, когда дополнение экономической модернизации выправлением социального положения широких масс и становление автономных институтов демократии образуют двуединую задачу огромной важности.

Еще одним распространенным критерием для изучения проблемы стабилизации стран «третьей волны» является анализ уровня развития их партийных систем. Если по общепризнанным критериям оценки, включающим количество партий и их идеологическую поляризацию, политические партии стран «третьей волны» напоминают западноевропейские аналоги, то по критериям институционализации между ними обнаруживаются разительные отличия. Об этом говорят и данные нижеприведенного исследования.

Ученый из Нотрдамского университета С.Майноринг, определяя институционализацию партийной системы как обретение акторами ясных и устойчивых контуров и правил партийной конкуренции и поведения, выделяет четыре критерия ее измерения, согласно которым:

1. Более институционализированные партийные системы обладают значительной стабильностью; образцы партийной конкуренции проявляют регулярность.

2. В более институционализированных системах партии обладают глубокими корнями в обществе.

3. В более институционализированных системах главные политические акторы признают легитимность партий.

4. В более институционализированных системах сильна партийная организация [8].

Менее институционализированные партийные системы, называемые Майнорингом зачаточными, соответственно, обладают обратными характеристиками.

Регулярность образцов партийной конкуренции исследуется здесь через данные электоральной изменчивости, показывающие индекс совокупного перетока голосов среди партий от одних выборов к другим. По подсчетам Майноринга, средняя электоральная изменчивость по странам составила: 9,7 – для развитых индустриальных демократий, 20,5 – для старых латиноамериканских демократий, 15,7 – для трех южноевропейских стран, 30,0 – для восьми новых латиноа-

риканских и 35,3 – для четырех постсоветских стран [9]. Очевидно, что меньший уровень электоральной изменчивости свидетельствует об устойчивости и предсказуемости результатов выборов. В случае же высокого уровня изменчивости результаты выборов могут оказаться непредсказуемыми, т.е. новые небольшие партии могут неожиданно победить большие и главные, повышая в итоге вероятность смены курса.

Уровень электоральной изменчивости в небольшой степени зависит от того, насколько сильными являются социальные корни партии. Чем чаще избиратели голосуют за одни и те же партии и их кандидатов от одних выборов к другим, тем меньше процент «плавающих» избирателей и тем глубже имеющиеся социальные корни партии. Выявление этих показателей становится возможным благодаря проценту респондентов, идентифицирующих себя с какой-либо определенной партией. Приводимые в статье С.Майноринга показатели партийных предпочтений избирателей по отдельным странам можно свести к среднему знаменателю, что позволяет вывести данные по регионам. Тогда средний процент избирателей, идентифицирующих себя с определенной партией в западноевропейских странах, составит около 70%, в Центральной и восточноевропейских посткоммунистических странах – 30%, в Южной Европе – 45%, в странах латиноамериканского региона – около 40% [10]. Как демонстрируют указанные цифры, «укоренение» партии в обществе существенным образом зависит от того, как долго в данной стране или регионе функционирует партийная система.

Сильные социальные корни партий оказываются эффективной предпосылкой, предотвращающей возможность прихода к власти внепартийных кандидатов. Известно, что приход к власти кандидатов, свободных от партийного контроля, чаще становится возможным благодаря их популистским лозунгам. Нередки случаи, когда в период выборов создаются партии под определенных харизматических кандидатов, как это было, например, в случае прихода к власти Ф.Коллора в Бразилии. Вообще, в Латинской Америке персонализм имеет глубокие корни и практически «...в глазах 90% населения партии ассоциируются как раз с их лидерами. Подбор харизматического руководителя остается поэтому наиважнейшим партийным делом» [11].

Механизмы предупреждения персонализма в наибольшей мере заложены в институционализированных партийных системах парламентского типа, где избиратели в большей степени голосуют за партии, а не за кандидатов, а необходимость предварительного назначения в руководство партии сводит к нулю саму возможность прихода к власти в государстве внепартийных кандидатов.

Таким образом, применение указанных критериев позволяет выявить значительный контраст между уровнями институционализации партийных систем новых и старых демократий. Вместе с тем следует отметить, что такие результаты продиктованы сравнительной строгостью критериев, когда большее значение придается не структурному оформлению партии, а электоральной позиции избирателей. Неоспоримо, что на формирование устойчивых позиций избирателей, кроме состояния партийной системы, большое влияние оказывает и уровень политической культуры граждан. Поэтому в других исследованиях, опирающихся на критерий, где больший акцент придается структурной динамике самих партий, результаты предстают в более обнадеживающем виде.

Страны посткоммунистического транзита

Проблемы стабилизации посткоммунистических переходных систем, составляющие следующую группу рассматриваемых нами случаев, менее изучены по сравнению с опытом стран «третьей волны».

Это во многом продиктовано тем, что посткоммунистический транзит в историческом ракурсе начался относительно недавно, а основные контуры широкомасштабных преобразований еще не обрели твердых очертаний. Поэтому в политологической литературе актуальными стали дискуссии о направленности посткоммунистической трансформации, которые значительно доминируют над изучением отдельных составляющих процесса преобразований в этих странах. Следует отметить и то, что в большинстве стран этого региона еще сохранились элементы недавнего прошлого, своеобразным образом оказывающие воздействие на сохранение устойчивости переходных систем, что также привлекает внимание исследователей. А одним из распространенных рецептов стабилизации посткоммунистических

стран, поддерживаемых многими исследователями, является идея укрепления, или консолидации демократии.

В зависимости от интерпретации характера посткоммунистического перехода, среди транзитологов сложилось несколько направлений, в которых по-разному акцентируются и факторы стабилизации посткоммунистических систем.

Сторонники первого подхода трактуют данный переход как часть «третьей волны» демократизации, целью которой является построение западной модели демократии. Поддерживаемое, большей частью, западными политологами (Д.Нельсон, Л.Марлино и др.) это направление как условие стабилизации посткоммунистических систем рассматривает углубление процесса демократизации, включающее, в частности, реальное признание гражданских и политических прав и свобод, становление гражданского общества, совершенствование институциональных основ демократии.

Поборники следующего направления (В.Васович, А.Панарин и др.) отстаивают прямо противоположную точку зрения, видя в происходящих изменениях не импортизацию западной демократии, а прямое давление Запада в целях разделения и порабощения различных территорий, государств и обществ в незападном мире [12]. С позиций обозначенного подхода стабилизирующие возможности посткоммунистических государств выглядят весьма слабыми, проявляясь во всеобщем разрушении старых и незавершенности процесса становления новых институтов.

Еще одним направлением является выдвигаемая французским ученым В.Бансом идея о неопределенности посткоммунистического транзита. Рассматривая предпосылки устойчивости в терминах определенности или неопределенности результатов (исход выборов, государственные решения, масштабы занятости, уровень цен и прибыли) и процедур (избирательные системы, процедуры принятия государственных решений, правила согласования масштабов занятости, рыночные механизмы регулирования уровня цен и прибыли), Банс приходит к выводу о том, что в посткоммунистических странах устойчивость данных показателей испытывает серьезные затруднения.

Неопределенность результатов детерминирована всеобщими и быстрыми переменами, вступающими на фоне незавершен-

ности процесса становления либеральных институтов в непримиримое противоречие с прошлым. В этой ситуации, отмечает В.Банс, «...результаты по определению являются крайне непредсказуемыми, причем независимо от того, движется ли общество в сторону либерализма или от него». Неопределенность же процедур является следствием как присутствия наследия прошлого, так и незавершенности становления новых либеральных институтов. Поспешность в деле развития процедурной стороны, являющаяся следствием общественного давления, по мнению Банса, приводит ко все большей концентрации полномочий в руках исполнительной власти [13].

З.Бжезинский в целях поддержания стабильности системы допускает, при определенных условиях, установление и функционирование той или иной разновидности авторитарного режима [14]. Ряд российских исследователей, включая А.Галкина и Ю.Красина, предупреждая о существовании предпосылок к развитию авторитаризма в России, говорят, что в чистом виде он все-таки отсутствует. По их мнению, переходный период займет, по крайней мере, несколько десятилетий, в течение которых «...общество будет трансформироваться, скорее всего, по своеобразной модели “пульсирующего” развития, в котором порывы к демократии будут чередоваться с временными остановками, отступлениями и рецидивами авторитаризма» [15].

В сложившихся условиях неопределенными остаются перспективы легитимации власти, затрудняя к тому же возможности однозначной оценки их проявления. По мнению отечественного исследователя Р.Кадрыжанова, состоящие отчуждения и десоциализации личности приводят к тому, что в посткоммунистических системах мы имеем дело как со слабостью требований, так и поддержек, неустойчивый баланс которых позволяет им выживать, несмотря на их огромную неопределенность и нестабильность [16].

Одной из решающих причин, обуславливающих слабый уровень поддержки в этих странах, является продолжающаяся неэффективность власти в осуществлении экономической политики. В данных условиях имеющийся уровень поддержки в гораздо большей степени носит социально-психологическую природу, выражаясь в поддержке новых политических систем исключительно в

обмен за обеспечение ими политических свобод и достижение национального суверенитета. Как отмечает Р.Роуз, данные явления особенно сильно проявляются в странах Центральной и Восточной Европы, где респонденты по этим причинам выразили свою поддержку существующим режимам, даже несмотря на очевидное ухудшение своего экономического положения [17].

Отличительной особенностью посткоммунистических стран является то обстоятельство, что в них сохранение стабильности существенным образом связано с ролью государственной элиты, оказывающей на проведение реформ доминирующее влияние. Характерным стал для большинства стран тот факт, что представители старой номенклатуры сохранили за собой ведущие позиции.

Польский социолог Я.Василевский на примере России, Венгрии и Польши приходит к выводу, что около одной трети представителей элиты 1988 г. были на той же или близкой к прежней позиции в 1993 г. Отношение «победителей» (т.е. номенклатурной элиты и субэлиты 1998 г., кто сохранил или продвинул выше свои позиции в 1993 г.) к «побежденным» (элиты и депутаты 1988 г., не сохранившие своих позиций в 1993 г.) было 86:10 – в России, 23:10 – в Польше и 22:10 – в Венгрии [18]. Как это ни странно, отмечают авторы указанного исследования, но именно «выживание» старой элиты сыграло решающую роль в мирном характере перехода от коммунистических к посткоммунистическим режимам. То, что демократическая конкуренция не подвергала риску их огромное влияние, явилось залогом уверенности элиты, что стало одной из предпосылок для демократической консолидации этих стран.

Однако в некоторых случаях именно представители элиты, в том числе и новоявленной, стали активными инициаторами продолжительных и болезненных конфликтов. Особенно это проявилось в разжигании межнациональной вражды в полиэтнических государствах, что стало причиной нескольких кровопролитных этнотерриториальных войн.

Повод к началу этнических трений дал распад Советского Союза, хотя прецеденты такого рода конфликтов имеют давнюю историю. Грузинский исследователь Г.Нодия отмечает, что «...многие этнотерриториальные конфликты в посткоммунистическом

мире напоминают конфликты, которые появились ближе к началу этого века и ничего общего не имеют с коммунизмом» [19]. Появление этих трений, являющихся следствием разрушения существовавших в недавнем прошлом связей, усугубляемых к тому же активной ролью возникших на националистической почве элит, стало серьезным дестабилизирующим фактором в некоторых полиэтнических посткоммунистических государствах.

Стабилизирующая роль еще одного фактора – политических партий, в посткоммунистических странах детерминирована особенностями их становления. У большей части населения сильными остаются антипатия и недоверие к этим институтам, что связано с негативным опытом прошлых коммунистических партий. Поэтому формирование многопартийности, скорее, происходит без активного участия гражданского населения, а сами партии еще не обрели ведущих позиций в политической жизни этих стран. В данных условиях оппозиционные партии не обладают весомыми возможностями для оказания давления на существующие режимы; на гораздо более выигрышных позициях оказываются созданные «сверху» проправительственные партии. Однако это своеобразным образом благоприятствует мирному характеру протекания политических процессов, что особенно важно на первоначальном этапе партийного строительства.

Примечательным фактом в ряде посткоммунистических стран, в частности в Центральной и Восточной Европе, стало новое возрождение старых партий, заполнивших социально-политическую нишу, которую, как предполагалось, займут социал-демократические партии. Объявляя себя сторонниками «третьего пути» – между твердым ленинизмом и западной социал-демократией, – они больше подходят основанной на социалистических ценностях культуре, так же, как и соответствуют актуальным императивам перехода к рыночной экономике и плюралистической демократии. Как подмечают А.Мар и Д.Нэгл, с таким синтезом «...они завоевали значительную общественную базу поддержки, хотя и не большинство, и выиграли от фрагментации и политических ошибок своих оппонентов. Ни в коем случае возродившиеся удачливые партии не угрожали демократическим процессам или рыночной тенденции в

посткоммунистических странах» [20]. В условиях все более растущего влияния политических партий, особенно в Центральной и Восточной Европе, они имеют большие шансы для вовлечения избирателей в демократическую политическую жизнь, уменьшая потенцию роста экстремистских партий.

Еще одним важным стабилизирующим фактором посткоммунистических систем многие исследователи называют укрепление, или консолидацию демократии. В самой интерпретации понятия консолидации демократии в общих чертах можно выделить два аспекта: во-первых, преимущественное понимание ее как процесса укрепления демократических ценностей и, во-вторых, ее расширенное понимание как процесса укрепления демократии не только на ценностном, но и институциональном уровне.

Так, Д.Линц и А.Стэфан, понимая под консолидированной демократией политический режим, в котором демократия как комплексная система институтов, правил и образцовых стимулов и ограничений стала, так сказать, «...единственным правилом игры», выделяют в ней поведенческий, ценностный и нормативный уровни [21]. Р.Кадрыжанов консолидацию демократии рассматривает с точки зрения теории политических систем, когда «...консолидированной можно считать ту политическую систему, существенные переменные которой изменяются вокруг оптимальных для ее функционирования значений» [22]. Расширенную трактовку мы встречаем у Я.Василевского, для которого консолидация демократии содержит в себе два неотъемлемых компонента: ценностный (достижение консенсуса относительно набора политических процедур) и институциональный (создание властных структур, вбирающих в себя конкурирующие интересы различных политических сил) [23].

Как видно, в предлагаемых исследователями идеях, касающихся консолидации демократии, содержатся существенные компоненты, призванные устранить основные недостатки посткоммунистического транзита, выражаемые, в частности, в слабости институционального оформления демократии и неопределенности позиций граждан по отношению к протекающим политическим процессам. Следовательно, они также должны рассматриваться как составная

часть в концептуализации факторов стабилизации посткоммунистических политических систем.

* * *

В заключение сформулируем некоторые общие выводы относительно особенностей поддержания стабильности в транзитных системах. Прежде всего, в целях адекватного терминологического выражения, представляется разумным говорить о стабилизации переходных систем, подразумевая под этим процесс, направленный на создание оптимальных условий для их функционирования. Последние, в условиях высокой динамичности переходного общества, характеризуются невысоким уровнем развития, а также слабостью механизмов взаимодействия между собой.

Отмеченные черты особенно ярко проявляются при анализе состояния институциональных основ стабильности. Политические партии этих стран, характеризующиеся высокой степенью многопартийности и идеологической поляризации, тем не менее слабо укоренены. Для некоторых случаев, как, например, ряда латиноамериканских государств, характерна своеобразная форма правления, не способствующая эффективному управлению. В целях его повышения исполнительная власть нередко наделяется большими полномочиями по сравнению с другими ветвями, что приводит к искажению принципа разделения властей и выливается в постоянное противоречие между демократическими и авторитарными тенденциями.

Характерной особенностью переходных обществ является преобладание социально-психологических сторон легитимности власти. В частности, это проявляется в поддержке существующего режима в обмен за обеспечение политических свобод и национального суверенитета. На этом фоне в большинстве случаев слабой остается легитимность власти с точки зрения эффективности правительства в сфере экономической политики. Отсюда чрезвычайно возрастает роль политических механизмов легитимации власти и важнейшим фактором стабильности становится умение власти обеспечить свою легитимность не только на горизонтальном, но и вертикальном уровне.

Переходные условия оказывают немалое воздействие и на состояние культурных и ценностных факторов стабильности. В случае этнической неоднородности общества

политико-экономические проблемы могут обрести этническую окраску и практически то, каким образом они будут разрешены, зависит от элиты, т.е. ее умения погашать экстремистские настроения и находить консенсусные решения.

Высокая динамичность и неустойчивость происходящих процессов рождают

неопределенность и на уровне ценностных ориентаций граждан, часто выливаясь во всевозрастающее отчуждение личности. В связи с этим многими исследователями подчеркивается необходимость консолидации демократии в переходном обществе, которое означает укрепление демократических правил игры на ценностном уровне.

Литература

1. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, 1991.
2. Испания: противоречия и пределы стабилизации / Буржуазное общество в поисках стабильности / Отв. ред. А.А. Галкин. — М.: Наука, 1991. — С. 179.
3. Фадеев Д.А. Опыт политики переходного периода. Испания после Франко // Полис. — 1991. — №5.
4. Там же. С. 125.
5. Валенсуэла Л. Латинская Америка: кризис президентства // Век XX и мир. — 1994. — №7-8. — С. 69.
6. Там же. С. 70-71.
7. Окунева Л.С. Закономерности поставторитарного периода: уроки бразильского опыта // Латинская Америка. — 1994. — №11. — С. 30.
8. Mainoring S. Party Systems in the Third Wave // Journal of Democracy. — July. 1998. Vol. 9. — №3. — P. 69-70.
9. Там же. С. 71.
10. Там же. С. 73.
11. Прозоров Ю.Б. Партии в переходных обществах (латиноамериканский опыт) // Полис. — 1994. — №4. — С. 140.
12. Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. — 1998. — №2. — С. 24.
13. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. — 1993. — №1. — С. 48.
14. Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. — 1998. — №2. — С. 31-33.
15. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. — М., 1998. — С. 34.
16. Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. — Алматы, 1999. — С. 33.
17. Rose R. Where are Postcommunist countries going? // Journal of Democracy. — July 1997. Vol. 8. — №3. — P. 92-109.
18. Higley J., Kullberg J. and Paculski J. The Persistence of Post-Communist Elites // Journal of Democracy. — Apr. 1996. Vol. 7. — №2. — P. 135-136.
19. Nodia G. How Different are Postcommunist Transitions? // Journal of Democracy. — Oct. 1996. Vol. 7. — №4. — P. 15-30.
20. Mahr A., Nagle J. Resurrection of the Successor Parties and Democratization in East-Central Europe // Communist and Post-Communist Studies. — Dec. 1995. Vol. 28. — №4. — P. 405.
21. Linz J. and Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. — Apr. 1996. Vol. 7. — №2. — P. 15-16.
22. Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. — Алматы, 1999. — С. 18.
23. Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы в оценке // Полис. — 1998. — №1. — С. 154.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КОРРУПЦИИ

Нурпеисов Д.К.

Возникновение и существование коррупции становится возможным тогда, когда функции управления общественной деятельностью обособляются и закрепляются правом. По времени это относится к периоду формирования первых государственных образований в Египте, Индии, Китае в III-II тысячелетиях до н.э. Именно в тот период у должностного лица впервые появляется возможность распоряжаться не принадлежащими ему общественными ресурсами и принимать решения не в интересах общества или государства, а исходя из своих корыстных побуждений. В число таких ресурсов могут входить бюджетные средства, государственная или коммунальная собственность, государственные закупки или заказы, льготы или преференции и многое другое. Следовательно, когда общественные интересы подменяются личными интересами чиновника, воплощенными в конкретных действиях, тогда начинается коррупция.

Расширяющееся политическое и экономическое сотрудничество между государствами превратило коррупцию в интернациональную проблему. Незаконные коррупционные отношения стали затрагивать интересы и благосостояние не одной, а многих стран мира. Ни одно государство в мире не может считать себя застрахованным от факта коррупции. Коррупция свойственна всем странам, независимо от географического расположения, политического устройства и уровня экономического развития. Исследование, проведенное международной общественной организацией «Трансперенси Интернэшнл», показало, что коррупция принимает одинаковые формы и воздействует на те же сферы экономики независимо от того, происходит ли это в развитой или развивающейся стране.

Коррупция стремительно проникает во все сферы государственного управления в экономике (приватизация государственной собственности; распределение бюджетных средств; предоставление льгот и преферен-

ций (в том числе по экспорту и импорту, налогам, лицензированию и т.д.); получение кредитов и субсидий), тем самым угрожая стабильности общества, нанося непоправимый вред политическому, экономическому и правовому развитию государства, обостряя и без того сложные проблемы переходного периода. Среди ряда негативных следствий коррупции необходимо выделить следующие: коррупция препятствует экономическому росту, способствует теневой экономике, подрывает доверие инвесторов к стране, его государственным органам.

Виды и модели развития коррупции

Полезно различать верхушечную и низовую коррупцию. Первая охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену (формулы законов, госзаказы, изменение форм собственности и т.п.). Вторая распространена на среднем и низшем уровнях и связана с постоянным, рутинным взаимодействием чиновников и граждан (штрафы, регистрации и т.п.). Часто обе заинтересованные в коррупционной сделке стороны принадлежат к одной государственной организации. Например, когда чиновник дает взятку своему начальнику за то, что последний покрывает коррупционные действия взяткодателя, — это также коррупция, которую обычно называют «вертикальной». Она, как правило, выступает в качестве моста между верхушечной и низовой коррупцией. Это особо опасно, поскольку свидетельствует о переходе коррупции из стадии разрозненных актов в стадию укореняющихся организованных форм.

В силу общих тенденций существует коррупция в международных организациях. Их распределяют чиновники, не являющиеся собственниками этих ресурсов. Кроме того, бюрократия в международных организаци-

ях находится под менее пристальным контролем по сравнению с национальными, контролируемые общественными организациями своих стран. Все это влечет за собой коррупцию, которая к тому же, в силу специфики работы международных организаций, находится в зоне значительно меньшего риска для участников коррупционных сделок.

Коррупция в международном экономическом сотрудничестве проявляется при создании предприятий с участием иностранного капитала, при реализации инвестиционных проектов и приватизации государственных собственности, при решении проблем раздела продукции и в других формах. От этого вида коррупции не защищена ни одна страна.

Наконец, упомянем о коррупции в негосударственных организациях, наличие которой признается специалистами. Сотрудник организации (коммерческой или общественной) также может распоряжаться ее принадлежащими ему ресурсами; он также обязан следовать уставным задачам своей организации; у него также есть возможность незаконного обогащения с помощью действий, нарушающих интересы организации, в пользу второй стороны, получающей от этого свои выгоды. Очевидный пример из жизни – кредиты, получаемые за взятки в коммерческих банках под проекты, цель которых – изъять деньги и исчезнуть.

Следует четко разделять два аспекта коррупции: политическую и экономическую. Развитие политической коррупции может привести к неконтролируемой политической ситуации в стране и представляет угрозу демократическим институтам и балансу различных ветвей власти. Экономическая коррупция снижает эффективность рыночных институтов и регулирующей деятельности государства.

Существуют три модели развития коррупции, которым ниже даны условные географические названия. Все три модели описывают превращение коррупции в системное явление, т.е. в неотъемлемую часть политического устройства и всей общественной жизни.

Азиатская модель: коррупция – привычное и общественно-приемлемое культурное и экономическое явление, связанное с функционированием государства. Несмотря на масштабность коррупции в республике, эта

модель нам не грозит по ряду причин, среди которых не последней оказывается та, что гражданские права и свободы стали в Казахстане значимым фактором общественной и политической жизни.

Африканская модель: власть продается «на корню» группе основных экономических кланов, договорившихся между собой, и политическими средствами обеспечивает надежность их существования. Переход к этой модели коррупции возможен при следующих условиях:

- политическая власть в стране остается неконсолидированной;
- финансовые и политические группы под давлением инстинкта самосохранения прекращают противостояние и договариваются.

Латиноамериканская модель: попустительство коррупции дает возможность теневым секторам экономики достигнуть могущества, соизмеримого с государственным. Власть оказывается втянутой в жесткое прямое противостояние с мафией, образующей государство в государстве.

Условия, определяющие развитие коррупции

Природу развития современной коррупции объясняют по-разному. Одни видят причину в плохих законах, усугубляющих деградацию личности. Еще большее число специалистов считает главной причиной разрастающуюся армию чиновничества, бюрократизацию общественной жизни, неоправданное расширение роли государства. На первый план также выдвигаются причины, лежащие в экономике. Указывают и на эволюцию рынка, который на глазах меняется, в результате чего сотни миллиардов циркулируют бесконтрольно, а в предпринимательство пришло большое число людей, не обладающих элементарной рыночной культурой и способных лишь «делать деньги», а не зарабатывать их. Едины только в одном – коррупция, ее масштабы, специфика и динамика – это следствие общих политических, социальных и экономических проблем страны. Таким образом, нынешнее состояние коррупции во многом обусловлено давно наметившимися тенденциями и переходным этапом, который и в других странах, находящихся в подобной ситуации, сопровождается ростом коррупции. Из числа наиболее важных условий, определяющих развитие

коррупции, помимо дисфункций государственной машины и некоторых исторических и культурных традиций, следует отметить:

Неразвитость правового сознания населения. Помимо слабого исполнения законов и иных норм, помимо отсутствия культуры и традиции использования права гражданами, проявляются и другие эффекты: в частности, пониженный правовой иммунитет приводит к тому, что практически отсутствует массовое сопротивление «низовой» коррупции. Так как защита прав и интересов граждан, в том числе предпринимателей, еще не стала центральной задачей государства, они, не находя защиты в сфере права, ищут ее в сфере свободной купли-продажи незаконных услуг чиновников. Общественное сознание, еще не защищенное приверженностью демократическим принципам, весьма склонно поддаться соблазну простых рецептов, из которых один из самых распространенных – «сильная рука».

Власть по сложившейся традиции взаимодействует с представителями основных финансовых групп, выросших на бюджетных деньгах и доступе к административным ресурсам, большей частью игнорируя предпринимателей малого и среднего бизнеса. Предприниматели, вставшие на ноги в условиях реальной конкуренции, обозначаемые часто как «малый и средний бизнес», не заинтересованы в сращивании власти и бизнеса, являющемся питательной средой коррупции, и могли бы стать существенной опорой в антикоррупционных усилиях. Однако эта часть бизнеса плохо консолидирована, повязана сплошной низкой коррупцией и не имеет эффективных механизмов отстаивания своих интересов.

Вмешательство государства в сферу экономики. Сохранению и развитию коррупции также способствует возможность несанкционированного вмешательства государственных органов в сферу экономики. Государственное регулирование экономики расширяет возможности для развития коррупции, так как появляются новые сферы деятельности для государственных служащих. Если раньше, при советском режиме, коррупцию часто порождал контроль над распределением основного ресурса – фондов, то на начальных этапах реформы чиновники резко разнообразили сферы контроля: льготы, кредиты, лицензии, при-

ватизационные конкурсы, право быть уполномоченным банком, право реализовывать крупные социальные проекты и т.п. Экономическая либерализация сочеталась, во-первых, со старыми принципами чиновничьего контроля за ресурсами, а во-вторых, с отсутствием законодательного регулирования новых сфер деятельности. Именно это является одним из признаков переходного периода и служит одновременно благодатной почвой для коррупции. Совершенствование механизмов и разумное определение сфер государственного присутствия в экономике должны сужать почву, на которой процветает коррупция. Тот же эффект дает наведение порядка в сфере государственных финансов.

Неудачи правоохранительных органов в борьбе с коррупцией – типичная проблема. Население сильно разочаровано неудачами правоохранительных органов при осуществлении борьбы с коррупцией. Низкая эффективность правоохранительной системы объясняется тем, что в системе правоохранительных органов практически отсутствуют специалисты, на современном уровне понимающие природу коррупции, а следовательно, и методы борьбы с ней. Подавляющее большинство предлагаемых ими мер связано не с причинами коррупции, а с противодействием проявлениям коррупции. Не изменились у них и представления о причинах, порождающих коррупцию. Существенный вклад в это разочарование вносит устойчивый стереотип коррумпированности самой правоохранительной системы.

Можно без колебаний утверждать: правоохранительная система не справляется с задачей борьбы с коррупцией по нескольким причинам. Во-первых, одни меры уголовного преследования не в состоянии поколебать позиции коррупции; борьба с коррупцией – не криминальная, а системная проблема. Во-вторых, профессиональный уровень работников правоохранительных органов в общей массе не соответствует сложности проблем. В-третьих, правоохранительная система не может в одиночку справиться с этой задачей; ее должны решать сообща государство и общество.

Слабость судебной системы – одна из основных проблем переходного периода. Система тотального партийного надзора приучала людей искать защиты в партийных организациях, а не в судах. После распада этой системы на ее месте образовалась пра-

вовая брешь, незаполненная до сих пор. Это приводит к тому, что попытки правового регулирования вязнут в старой бюрократической системе, продолжающей работать по своим собственным законам. Слабость судебной системы проявляется в том, что:

- бюджет и исполнительная власть плохо обеспечивают деятельность судов;
- слабо исполняются судебные решения;
- низка пропускная способность судов, а значит, резко увеличиваются сроки рассмотрения дел в них;
- не хватает квалифицированных кадров, соответствующих требованиям новых экономических условий.

Отсутствие административных судов не позволяет освободить уголовное и гражданское судопроизводство от дел по рассмотрению административных нарушений, что затрудняет решение множества задач именно в той сфере, которая смыкается с коррупцией.

Средства массовой информации, с одной стороны, давно и прочно стали основной ареной, на которой разворачиваются баталии вокруг коррупционных сюжетов. С другой стороны, деловая элита осознала могущество СМИ и то обстоятельство, что политическая рентабельность серьезных вложений в них может иметь полезные экономические последствия. В результате мы являемся свидетелями борьбы между экономическими кланами за информационные каналы. В Казахстане также складывается опасная ситуация, при которой СМИ, являясь актуальной частью политической борьбы, используются в клановом противостоянии.

Из числа иных условий, определяющих развитие коррупции и имеющих исторические корни, следует выделить:

- стремительный переход к новой экономической системе, неподкрепленный необходимой правовой базой и правовой культурой;
- отсутствие в советские времена нормальной правовой системы и соответствующих культурных традиций;
- распад партийной системы контроля.

Факторы, способствующие росту коррупции

Следует согласиться с мнением, что «одним из сопутствующих коррупции всегда выступает мощный слой чиновничества, за-

интересованный в закреплении и сохранении такой ситуации, в результате которой происходит их обогащение за счет выполнения государственных функций. Коррупция стремительно проникает во все сферы государственного управления в экономике (приватизация государственной собственности; распределение бюджетных средств; предоставление льгот и преференций (в том числе по экспорту и импорту, налогам, лицензированию и т.д.); получение кредитов и субсидий)» [3].

Взаимодействие чиновника с предпринимателем возникает в двух случаях. Первый – когда чиновник должен оказать предпринимателю некоторые услуги (дать разрешение, предоставить справку и т.д.). В подобных ситуациях коррупции способствует:

- сохранение широкой сферы государственных услуг, охваченных разрешительным принципом;
- незнание гражданами своих прав на получение услуг и обязанностей чиновников на их предоставление;
- сокрытие чиновниками информации о своих обязанностях и правах граждан;
- усложненность бюрократических процедур;
- монополия ведомств на предоставление услуг;
- структурные особенности органов власти, при которых одно ведомство обладает полномочиями и принимать властные решения, и оказывать услуги.

Второй случай, когда власть, выполняя ограничивающую и регулирующую функции, обязывает гражданина поделить свои ресурсы с государством, взыскивая обязательные платежи или налагая штрафы за нарушение действующих норм. В этих ситуациях коррупции способствуют следующие условия:

- отсутствие удобных процедур реализации гражданином своих обязательств;
- неадекватность шкал штрафов, способствующая уклонению от их уплаты с помощью взяток.

В добавление к перечисленному существует еще ряд ситуаций, попадание в которые сопряжено с высокой вероятностью соприкосновения с коррупцией:

- сбор штрафов и иных платежей с населения разными ведомствами;
- выдача разрешений на занятие различными видами деятельности;

- разрешение на строительство и наделение земельными участками;

- контроль со стороны государственных служб (пожарные, санэпидемстанции и т.п.).

Серьезно влияет на уровень коррупции и морально-психологическая атмосфера в обществе. Большинство чиновников рано или поздно сталкивается с обстоятельствами, в которых они впервые должны делать выбор: принимать или не принимать коррупционное решение. Появление этих обстоятельств зависит как от условий, порождающих коррупцию, так и от социально-психологических факторов. Поняв их природу, легче определить, что надо делать для борьбы с коррупцией. Среди наиболее распространенных мотивов – компенсация за ощущаемый чиновником ущерб, связанный с прохождением службы. К потере нравственно-го иммунитета подталкивает:

- упоминавшееся выше ощущение нестабильности;
- низкая зарплата, не соответствующая квалификации и ответственности работы;
- несправедливость при продвижении по службе;
- грубость или некомпетентность начальника.

Отсутствие реальной борьбы с условиями и факторами, порождающими коррупцию, приводит к ее распространению как по горизонтали, так и по вертикали. Коррупция в таких условиях стремится захватить не только экономику, но и политику. В результате стране и обществу наносится невосполнимый ущерб. Эффективность рыночной экономики резко снижается, а существующие демократические институты разрушаются. Усугубляется экономическое и политическое неравенство населения, увеличивается бедность, растет социальная напряженность. Под угрозой ставятся целостность страны и сохранение ее конституционного строя. Тем самым коррупция превращается в проблему, угрожающую национальной безопасности страны.

Таким образом, одной из основных причин экспансии коррупции в переходный период является несоответствие между новыми условиями, в которых должен функционировать государственный организм, и старыми механизмами этого функционирования. Значит, основные усилия антикоррупционной программы должны быть направлены на налаживание работы государственного механизма в новых условиях. Однако запуск

и реализацию системы антикоррупционных мероприятий тормозит ряд препятствий:

- существует большой пласт чиновников, не заинтересованных в изменении сложившейся ситуации;

- во власти сохранились и преобладают старые стереотипы, определяющие упрощенные подходы к решению задач, подобной борьбе с коррупцией.

Негативные последствия коррупции

Несомненно, что коррупция оказывает разлагающее влияние на все стороны общественной жизни. Выделим основные негативные последствия коррупции:

Экономические последствия

- Расширяется теневая экономика. Это приводит к уменьшению налоговых поступлений и ослаблению бюджета. Как следствие – государство теряет финансовые рычаги управления экономикой, обостряются социальные проблемы из-за невыполнения бюджетных обязательств.

- Нарушаются конкурентные механизмы рынка, поскольку часто в выигрыше оказывается не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто смог получить преимущества за взятку. Это влечет за собой снижение эффективности рынка и дискредитацию идей рыночной конкуренции.

- Замедляется появление эффективных частных собственников, в первую очередь – из-за нарушений в ходе приватизации.

- Неэффективно используются бюджетные средства, в частности – при распределении государственных заказов и кредитов. Это еще больше усугубляет бюджетные проблемы страны.

- Повышаются цены за счет коррупционных «накладных расходов». В итоге страдает потребитель.

- Теряется доверие агентов рынка к способности власти устанавливать и соблюдать честные правила рыночной игры. Ухудшается инвестиционный климат и, следовательно, не решаются проблемы преодоления спада производства, обновления основных фондов.

- Расширяются масштабы коррупции в неправительственных организациях (на фирмах, предприятиях, в общественных организациях). Это ведет к уменьшению эффективности их работы, а значит, снижается эффективность экономики страны в целом.

Социальные последствия

- Отвлекаются колоссальные средства от целей общественного развития. Тем самым обостряется бюджетный кризис, снижается способность власти решать социальные проблемы.

- Закрепляются и увеличиваются резкое имущественное неравенство, бедность большей части населения. Коррупция подстегивает несправедливое перераспределение средств в пользу узких олигархических групп за счет наиболее уязвимых слоев населения.

- Дискредитируется право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества. В общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан и перед преступностью, и перед лицом власти.

- Коррупционированность правоохранительных органов способствует укреплению организованной преступности. Последняя, сражаясь с коррупционированными группами чиновников и предпринимателей, усиливается еще больше с помощью доступа к политической власти и возможностям для отмывания денег.

- Увеличивается социальная напряженность, бьющая по экономике и угрожающая политической стабильности в стране.

Политические последствия

- Происходит смещение целей политики от общенационального развития к обеспечению властвования олигархических группировок.

- Уменьшается доверие к власти, растет ее отчуждение от общества. Тем самым ставятся под угрозу любые благие начинания власти.

- Падает престиж страны на международной арене, растет угроза ее экономической и политической изоляции.

- Снижается политическая конкуренция. Граждане разочаровываются в ценностях демократии. Возникает угроза разложения демократических институтов.

- Увеличивается риск крушения нарождающейся демократии по распространенному сценарию прихода диктатуры на волне борьбы с коррупцией.

Для преодоления этих препятствий потребуются не меньшая политическая воля, чем та, которая демонстрировалась на самых тяжелых этапах предшествующих преобразований. Как известно, борьба Советской власти с коррупцией закончилась вместе с самой властью, не увенчавшись успехом. Эта борьба характеризуется несколькими интересными и важными чертами. Во-первых, власти не признавали слово «коррупция», позволив ввести его в употребление лишь в конце 80-х годов. Вместо него использовались термины «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т.п. Отрицая термин, отрицали понятие, а значит – явление. Тем самым заранее обрекали на неудачу и анализ этого явления, и любую борьбу с его частными уголовно наказуемыми последствиями. Во-вторых, с коррупцией среди государственного аппарата боролись исключительно представители этого аппарата. Это приводило к двум последствиям: боровшиеся были органически не в состоянии менять коренные причины, порождающие коррупцию, поскольку они восходили к важнейшим условиям существования системы; борьба против коррупционеров нередко перерастала в борьбу против политических конкурентов.

Следовательно, борьба с коррупцией не должна сводиться к политической борьбе, борьбе с ее проявлениями или «к простым кадровым перестановкам чиновников, замешанных в коррупционных преступлениях. Такие методы борьбы с коррупцией могут превратиться в очередную рекламную кампанию. Антикоррупционная политика должна быть намного шире, чем просто борьба с отдельными взяточниками. Целью борьбы с коррупцией должны быть меры, направленные, в первую очередь, на изменение отношения общественности к коррупции путем формирования атмосферы неприятия коррупции во всех ее проявлениях и создание условий, препятствующих коррупции» [1]. В конечном итоге последовательная антикоррупционная политика государства должна служить укреплению доверия населения к властным структурам государства.

Литература

1. Сартаев С.С., Нурпеисов Д.К. Коррупция: понятие и субъект, Алматы: Правовед, 1999.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Бектурганов К.

По мере развития мировых демократических институтов и формирования новых демократических социальных структур будет расти значение исследования общественного мнения. Более того, будет все значительнее проявляться применение новых социальных технологий к изучению общественного мнения как социального процесса. В современных условиях эмпирические методы социологии стали существенным элементом познания социальных процессов. Можно выделить два основных и неразрывно связанных направления исследований феномена общественного мнения. **Первое** – это исследование социальных, политических и экономических процессов, происходящих в странах СНГ, в том числе в Кыргызстане. **Второе** направление – совершенствование эмпирических методов и социальных технологий изучения общественного мнения. При этом мы имеем в виду: феноменология общественного мнения и методология его исследований; методы анализа и организация национальных и региональных опросов; формы подачи и обсуждения результатов в социально-политической практике общества.

На разных этапах исторического развития человечества и в различных социологических школах акцент ставился на социальных общностях и различных сторонах их деятельности. Так уже сложилось, что в Европе социологическая мысль сосредоточила внимание на анализе макроструктур, то есть на изучении общества в целом. Американская же социология всегда больше тяготела к исследованиям микромира – малых социальных слоев, общностей. Внутри каждой социологической школы существуют многочисленные течения, которые, по определению профессора Василия Фетисова, «изучая те или иные моменты, застревают на отдельных ступеньках лестницы исследований». Характеризуя общественное мнение как социальный процесс, важно учитывать, что между классической и современной социологией существует определенное различие. Классическая социология стремилась к постижению окружающего мира как бы со стороны. Задача ее состояла в том, чтобы описать объект, раскрыть сущность, не рассматривая деятельности субъекта. Современная социология

общественного мнения пытается преодолеть противопоставление объекта и субъекта, теории и практики, познавательного и ценностного в социальной жизни. Переход от теоретического к эмпирическому исследованию общественного мнения осуществляется с помощью операционализации теоретических понятий, вследствие чего формируются определенные гипотезы, выявляются те социальные связи и отношения изучаемого процесса, которые подлежат описанию и классификации. Но надо учитывать, что предмет социологического исследования общественно-общественного мнения обычно имеет достаточно сложную структуру. Отношение человека к труду и социальным процессам включает субъективные и объективные показатели деятельности людей и другие. Но не только наличие объекта и предмета социологического изучения общественного мнения определяет существование социологии как науки. Для познания социальных процессов требуется определенная система, совокупность приемов, процедур и операций, с помощью которых осуществляется социологическое исследование. Систематизированный способ достижения теоретического или практического результата решения социальных проблем для получения новой информации, осознания специфики изучаемой предметной сферы и закон о функционировании социальных объектов выступают как методология исследования общественного мнения.

Итак, социальная – это коммуникация, побуждающая к действию. Если мы так определим информацию, то становится понятным, почему главным феноменом нашей эпохи стала сеть Internet в глобальном масштабе, а не гигантские электронные банки данных или искусственный интеллект. В Internete не создается никакого знания, но зато он многократно увеличивает возможности осуществления коммуникаций. Обозначив информацию как коммуникацию, мы тем не менее не можем заявить, что Internet – это medium, т.е. одновременно средство и среда виртуализации общества, превращения системы социальных институтов в своего рода виртуальную реальность. В любого рода виртуальной реальности человек имеет дело не с реальным объектом, а с его об-

разом – симуляцией. О виртуализации общества можно говорить, поскольку в деятельности людей, в их отношениях друг с другом образы замещают реальность. Это замещение происходит во всех сферах жизни, прежде всего, в социальной жизни.

Если экономический, политический, научный или иной успех больше зависит от образов, чем от реальных поступков и вещей, если образ более действенен, чем реальность, то можно сделать вывод, что виртуализируются социальные институты – рынок, корпорация, государство, политические партии, университеты, научная школа и т.д.

Социальный институт – это совокупность норм, регулирующих взаимодействие людей в какой-либо сфере жизнедеятельности и превращающих это взаимодействие в систему социальных ролей. До сих пор социальные институты существовали автономно от индивидов, представляли собой «социальную реальность». А последняя объективно есть система норм, с которыми необходимо считаться, статус индивида однозначно привязан к той или иной социальной роли: предпринимателя, работника, партийного лидера, избирателя, преподавателя, студента. Теперь же, когда следование нормам и исполнение роли может быть виртуальным, социальные институты, теряя свою власть над индивидом, становятся образом, включаемым в игру образов. Институциональный строй общества симулируется, а не ликвидируется, т.к. он, сохраняя атрибутику реальности, служит своего рода виртуальной операционной средой, в которой удобно создавать и транслировать образы и которая открыта для входа/выхода. В этом смысле современное общество похоже на операционную систему Windows, которая сохраняет атрибутику реальности, симулируя на экране монитора нажатие кнопок калькулятора или размещение карточек каталога в ящике. Сохраняется образ тех вещей, от которых, собственно, и избавляет применение компьютерной технологии.

Представление о виртуализации общества позволяют понять процесс глобализации, а также, почему так бурно развивается Internet: Сеть позволяет избавиться коммуникации от сервиса-надзора социальных институтов и расширяет практику неинституционализированных взаимодействий.

Наше мониторинговое исследование общественного мнения показывает, что страна и сегодня переживает крайне сложное

социально-экономическое положение. Кризис наблюдается прежде всего в экономической сфере, а также в сфере государственно-го управления, образования, социальной защиты, морально-нравственной и т.д.

Об этих проблемах красноречиво свидетельствуют данные социологического опроса общественного мнения, проведенного учебно-исследовательским центром «Общественное мнение» (УИЦОМ) в конце июня 1999 г. Опросом было охвачено по репрезентативной выборке 3 002 респондента из всех регионов страны.

На вопрос: «Как Вы оценили бы экономическое состояние республики за последние полгода?», подавляющее большинство (72,6%) опрошенных определило как кризисное, каждый седьмой (13%) – как стабильное и лишь каждый двенадцатый отметил, что есть тенденция к улучшению. Итак, социологический анализ современного состояния экономики Кыргызстана указывает на ее тяжелый кризисный характер.

Об этом также говорят другие результаты вышеупомянутого опроса общественного мнения. На вопрос: «С какими жизненными проблемами Вы сталкиваетесь чаще всего?», респонденты на первое место поставили рост цен – 68,9%, кризис в экономике, спад производства – 40%, безработицу – 32,9%, нехватку продуктов питания – 31,9%, рост преступлений – 22,1%.

У почти половины (46,4%) населения складывается мнение о том, что уровень жизни за последние два-три года ухудшился, а каждый третий опрошенный считает, что он не изменился, и только лишь каждый седьмой сказал, что он улучшился.

Возникает тревожный вопрос: «Возможно ли преодолеть создавшееся положение более спокойно, без больших потерь?» Безусловно, – да. Для этого, прежде всего, необходимо уяснить, что существуют объективные законы социально-экономического развития, без знания и учета которых Кыргызстан обречен на очень долгое прозябание. Какой бы комплекс мер мы не предприняли – программа комплексного развития до 2010 г., которая была разработана по инициативе Президента только в этом году, привлечение инвестиций, кредитов, лозунги о демократии, построение правового государства, завоевание международного признания – все это обречено на провальный исход и не будет иметь ожидаемой эффективности, если...

Вот эти «если» можно перечислять и перечислять. Взять хотя бы то, что сегодня примеров коррупции, взяточничества, спекуляции, откровенного обмана можно привести бесчисленное количество. Как отметил на республиканском совещании руководителей правоохранительных и контролирующих органов Президент А.Акаев, «Одним из опасных видов преступлений становится коррупция, о которой мы долгие годы стыдливо молчали и практически бездействовали. Коррупция – страшное зло для безопасности страны» («Слово Кыргызстана», 1999, 30 июля).

Когда мы говорим о приоритете государственных интересов, то имеем в виду, что должно быть обеспечено верховенство закона, равенство всех, начиная от рядового гражданина до президента, первенство прав человека перед правами государства, государственных интересов – над групповыми интересами. Безусловно, почти каждый на своем уровне стремится к собственному благополучию. И это естественно. Но ненор-

нем вряд ли останутся живыми. Государство – это и есть та основа, ствол, стержень, на котором держатся все остальные социальные институты и сообщества граждан. Уничтожая основу, обескровливая и иссушая ствол безответственным отношением к понятию «государственное», разрывая национальные богатства, госказну, люди не думают, что таким путем уничтожают и самих себя.

В этой связи вопрос, насколько массы населения доверяют органам государственной власти, был центральным в опросе общественного мнения в июне 1999 г. Полученные данные приведены в таблице 1:

Комментарий к этим данным, как говорится, излишний. Нам остается лишь заключить, что каждому патристически настроенному гражданину страны необходимо стремиться к укреплению социальной базы, то есть честно и добросовестно трудиться на благо себя и всего общества. Только таким путем возможно личное процветание. Таким образом, процесс социального самочувствия

Таблица 1

Ветви власти	Степени доверия					
	доверяю		не доверяю		не могу сказать	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Исполнительная	1 007	33,5	1 207	40,2	788	26,2
Законодательная	846	28,1	1 282	42,7	874	29,1
Судебная	784	26,1	1 226	40,8	992	33,0

мально, что это происходит на фоне бесконтрольности государства, всепронизания.

При таких условиях возникает закономерный вопрос: «Нужно ли нам государство как таковое, тем более с таким огромным аппаратом управления?» Нам кажется – не нужно. Но надо иметь в виду, что неслыханный рост коррупции, взяточничества, преступности, спекуляции невозможно остановить только уговорами.

Кому-то может показаться, что поднимаемая проблема не столь серьезна и не актуальна. Однако, на наш взгляд, какие бы меры сейчас не были предприняты, если они не затрагивают сути человеческого поведения, глубины социальных процессов, то все они обречены на провал. Привлеченные финансово-экономические средства будут откровенно разворовываться и растаскиваться. В данном случае общественное мнение молчаливо соглашается с творимым беззаконием. В обществе давно уже царит формула, что «не воруют только дураки». При этом многие просто не задумываются о том, что если ствол дерева высыхает, то и веточки на

человека является центральной проблемой социологии общественного мнения, что, в свою очередь, подразумевает процесс расширения его возможностей, устойчивого человеческого развития, а также постоянного повышения уровня достигнутого ранее экономического благосостояния.

Кроме того, выяснилось, что процесс демократизации напрямую зависит не только от уровня и формирования нового общественного мнения, но и от того, насколько эффективно используются самые разные методы, процедуры и приемы измерения социальной реальности. Более чем двадцатилетний опыт изучения общественного мнения в Кыргызстане показал, что необходимо и в дальнейшем совершенствовать технологию социологического исследования, активно используя возможности всех ранее применявшихся приемов опроса.

В прогностическом плане следует перейти к применению электронных сетевых опросов, которые являются мощным, универсальным средством сбора данных об общественном мнении.

1. Аженов М.С. На пути к социальной однородности общества. — Алматы, 1986.
2. Аженов М.С., Бейсенбаев Д.Э. Социальная стратификация в Республике Казахстан. — Алматы: «Білім», 1997.
3. Биекенов К.У., Жаназарова З.Ж., Нурбекова Ж.А. Социология общественного мнения / Учебно-методическое пособие. — Алматы: «Казак университеті», 2001.
4. Точилин С.Л. Воздействие средств массовой информации на социальные процессы. В сб. «Развитие средств массовой информации в современных условиях». — М.: изд-во МГУ, 1989.
5. Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт // РАН. Ин-т соц.-экон. проблем. СПб: ИСЭП РАН, 1995.

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: методологические аспекты изучения

Водянова Г.М.

Понятие «ментальности» было введено в науку представителями культурно-антропологического направления — этнологом Л.Леви-Брюлем (1857–1939) и основателями школы «Анналов» М.Блоком (1866–1944) и Л.Февром (1878–1956) [1]. Историческая школа «Анналов» в дополнение исследования социально-экономического и политического характера впервые стала анализировать структуры духовной жизни, фундаментальные устойчивые структуры сознания.

С тех пор данная категория используется для глубокого восприятия «народного духа», «народного характера», «национального духа». Политическая энциклопедия определяет ментальность как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; совокупность интеллектуально-психологических установок, ориентирующих поведение какой-либо социальной или этнической группы или индивида» [2].

Менталитет — это объективная данность, наличие которой мы осознаем, скорее, интуитивно; сложнее рационализировать данное понятие в том комплексном выражении, каковым оно предстает перед исследователем. Во многом этому способствует слабая методологическая обоснованность проблемы. Возникают неопределенности двойного рода. Во-первых, что нужно понимать под ментальностью картины мира, или дорефлективный слой сознания, или социокультурные автоматизмы сознания индивидов и групп, или всеобъемлющий «эфир» культуры, в который погружены все

члены общества» [3]. Многоплановость самого определения изначально диктует методологические ошибки в исследовании ментальных структур общественного сознания и производных от них поведенческих реакций.

С другой стороны, при всей неопределенности многочисленных дефиниций от «ментальности» возникает разумеющаяся трудность определения границ этого феномена. В рамках данной статьи разумно поставить вопрос о возможности наложения на политический процесс матрицы этнических менталитетов.

В политологической традиции понятие ментальности все-таки гораздо объемнее в сравнении с этнопсихологией. Особенно, если речь идет о полинациональных сообществах, где наблюдается взаимопроникновение и взаимозамещение различных этнических компонентов. Ментальность — это больше феномен культуры, нежели феномен этнической и национальной психологии. Фундаментальные структуры сознания порождены комплексом исторически сложившихся у данного народа культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением. Этническая же ментальность предполагает в основном генетическое кодирование главных образцов мышления и поведения.

Разумно в данном контексте ввести в употребление категорию «политического менталитета», которая в совокупности отображает опосредованность политики всеми элементами политической психологии: коллективными политическими представлениями, различными идентификационными

механизмами, политическими эмоциями, установками и стереотипами, политическими мифами, символами.

Политический менталитет — это данность сегодняшнего дня. Но своеобразные психические черты общества в пределах государственности, именуемой «нацией», есть продукт исторического времени. Национальный характер (именно в таком понимании) существенным образом влияет на политическое поведение нации в различных социально-политических условиях.

Первые эмпирические попытки изучения особенностей национального характера предпринимались американскими психологами во время второй мировой войны. Необходимо было проанализировать «образ врага» в лице немцев и японцев. Эта цель исследователей определялась поиском коррелирующих связей между особенностями национальной психологии и распространением идей фашизма.

Период холодной войны для американцев стал новым этапом в определении национального характера, теперь уже русского. Хрестоматийными являются, к примеру, выводы Дж.Горера о покорности и безропотности русской нации, исходящие из факта тугого пеленания младенцев, традиционно для России [4].

Интересна классификация подходов к пониманию национального характера, представленная в книге Х.Дуийнер и Н.Фрийда «Национальный характер и национальные стереотипы»:

- Национальный характер определяется как совокупность определенных психологических черт, характерная для всех членов данной нации, и только для них.

- Национальный характер определяется так же, как «модальная личность», т.е. относительно часто проявляющийся определенный тип личности среди взрослых членов какой-либо нации.

- Национальный характер понимается как «основная структура личности», т.е. как определенный образец личности, доминирующий в культуре данной нации.

- Национальный характер может пониматься как система позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью данной нации.

- Национальный характер определяется как результат анализа психологических аспектов культуры, рассматриваемых в определенном, особом смысле.

- Национальный характер рассматривается так же, как интеллект, выраженный в продуктах культуры, т.е. в литературе, философии, искусстве и т.п. [5].

Данные методологические подходы в совокупности дают яркое представление о том, что нужно понимать под национальным характером. В данном контексте можно поставить знак равенства, означающий совпадение основных институциональных и функциональных характеристик, между понятиями «национальный характер» и «менталитет».

Однако вызывает определенное смещение концепция «модальной личности», не учитывающей современное состояние усложненной, фрагментированной социальной действительности.

В конце 60-х гг. американцы Алекс Инкельс и Дэниэль Левинсон предложили концепцию нескольких разновидностей «модальной личности», присутствующих в национальном характере отдельного сообщества. По их мнению, существуют различные социопсихологические, социокультурные группы, каждая из которых предположительно включает в себя от 10–15 до 30% населения данной страны. Такое предположение позволяет учитывать имеющиеся отличия географических регионов, субкультур, социальную дифференциацию и коррелировать данные признаки с различными формами социальной жизни [6].

К примеру, в современное время происходит формирование новой ментальности с точки зрения роста количества людей, занятых в сфере информации: изобретателей и исследователей, программистов, работников масс-медиа, менеджеров, банковских работников, преподавателей и студентов. Их количество в западных странах уже давно превысило количество традиционных работников. Политические предпочтения в такой группе ориентированы на другую, отличную от традиционной модели поведения.

Заметим, что в условиях массивного, скоротечного развития информационных технологий политика становится элементом массовой культуры. Четко выраженная пассивность масс обусловлена во многом тем, что политика наблюдается «по ту сторону экранов». А.С.Ахизер по этому поводу считает, что в современных условиях произошел «разрыв коммуникаций между народом и властью, сформировались два смысловых пласта культуры» [7]. При этом народ и власть разделяют не только отличия

во внешнем виде, образе жизни, языке, но и даже различные способы трансляции информации: первый – преимущественно иррациональный, мифологический; второй – рациональный и критический. Поэтому и в данном случае мы можем противопоставить друг другу два типа «модальной личности», исходя из вертикального среза исследования политического мира – субъект-объектных отношений.

Как известно, изучение политического поведения в науке изначально было предпринято бихевиористским направлением. Ставшая классической формула $S - R$ (где S – некий раздражитель, посыльный знак из внешней среды, а R – реакция на него) не смогла объяснить многих поведенческих структур. У необихевиоризма появилось в этой цепи новое звено X :

$S - X - R$. Таким промежуточным компонентом X были обозначены недоступные прямому наблюдению психические структуры – ментальные образы. Это могли быть разного рода значения, цели, мотивы: все то, что недоступно измерению. Логически был сделан вывод о весьма вероятной связи между S и R . Вопрос о характере детерминации поведения политическими событиями «усредненного индивида», таким образом, оставался достаточно открытым. [8].

Несмотря на то, что со времен бихевиоральной революции прошло около полувека, понятие ментальности до сих пор остается большой загадкой для науки. Объективно оно может быть определено ценностными ориентациями и установками разных народов. Система ценностей индивида – это одна из основных составляющих процесса формирования политических образов. Она создается в ходе социализации, но определяется историей, культурой, национальными особенностями общности, политической ситуацией, менталитетом народа. Ценности выступают в качестве социальных регулятивов поведения людей.

Каждый человек в зависимости от своих индивидуальных наклонностей, потребностей, социальных установок имеет свое собственное ценностное восприятие мира, которое трансформируется в сознании благодаря психологическим механизмам формирования политического поведения.

Политические ценности не только вырабатываются индивидом по мере приобретения им социального опыта, но и усваиваются из внешнего мира. Они становятся не-

ким общим критерием для реализации поведения в политике. Ментальные основы мирозерцания в индивидуальном и общественном сознании постигаются через изучение объективной ценностной платформы, которая вызывает резонанс различных моделей поведения.

Отмечая сложность ценностной сферы современного общества, Э.Фромм отметил существующую разницу между истинными и ложными ценностями, непосредственно продуцирующими в мир политики и оказывающими реальное воздействие на поведение людей. Действительно, существует значительный разрыв между тем, что современный человек считает своими ценностями и действительными ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются.

Сегодня в демократических странах официально признанными и осознанными ценностями являются гуманистические: индивидуальность, сострадание, любовь, ответственность. Но многие люди считают эти нравственные нормы проявлением идеологии, и поэтому они не оказывают реального воздействия на мотивацию человеческого поведения. Вместе с тем бессознательные ценности – собственность, потребление, общественное положение, развлечения – служат непосредственными мотивами поведения большинства людей. Разрыв между осознанными и неэффективными, с одной стороны, и неосознанными и действительными – с другой, приводят к девальвации ценностей [9].

Политические ценности сегодня воспринимаются именно сквозь призму повседневности. Такие понятия, как демократия, свобода не имеют рациональных смыслов для большинства людей. Они не проходят через эмоционально-оценочную сферу. Этому способствуют не только системные компоненты, такие, как политический режим, идеологическая обоснованность политической жизни, определяемая элитами, но и укорененные в массовом сознании ментальные структуры.

В политическом менталитете казахстанского общества особо выделяется ориентация на традицию. По большому счету, традиционность выступает стержнем политической культуры любого общества. Она является основой исторического восприятия ментальности. Традиционализм можно охарактеризовать как «народную идеологию»,

он очень близок по смысловым значениям к понятиям «психологический склад», менталитет, обыденное сознание. Традиционализм можно наглядно представить в структурированной форме, содержанием которой служат две составляющие:

1. «Врожденные представления», устойчивые и вытекающие из векового опыта, устойчивой традиции и народной памяти. По мнению Э.Шилза, они определяют содержание «центральной зоны сознания... Это центр потому, что он предельно и нередуцируем. Центр является также основой действия. Он является структурой деятельности, ролей и лиц внутри каркаса институций» [10].

2. «Привнесенные извне понятия “большой традиции”». На априорные «врожденные представления» накладываются «привнесенные» идеи, которые трансформируются в процессе их усвоения, подстраиваются под традиционные. Причем, репрессиям подвергаются те понятия и информация, которые противоречат изначальным «врожденным представлениям».

«Идеи торжествуют, становясь верованиями, вовсе не потому, что они правильны или значительны. Это происходит оттого, что они приобретают облик традиции. Им нужно... найти отклик в памяти народа», – отмечает один из великих исследователей психологии масс С.Московичи [11].

Таким образом, сплав «врожденных представлений» и трансформированных «привнесенных идей» образует конкретно-историческую форму «народной идеологии», или традиционализма [12].

Традиционализм в современном Казахстане причудливым образом нашел свое отображение в обыденном сознании. Многие исследователи ментальности в политике единодушно отмечают роль исторических причин, ставших главными и определяющими современное состояние нации.

Н.Амрекулов «выводит» менталитет сегодняшнего общества из кочевого образа жизни казахского народа. По его мнению, отсутствие традиций земледельческого производства, непригодность к предпринимательским формам жизнедеятельности породили эволюционную, консервативную, инерционную направленность мышления, так называемый «посткочевой менталитет» [13].

Авторы монографии «Эволюция политической системы Казахстана» указывают на корпоративность как традиционную черту

национального характера, оказавшую непосредственное влияние на политический процесс в целом, и на политическое поведение людей в частности. Корпоративизм представлен с позиций влияния на формирование властных структур родоплеменных связей в казахском обществе. Указывается первоначальная значимость этого явления в пределах лишь государственного аппарата, где принадлежала к определенному роду истолковывалась «как возможность создания отдельных групп, преследующих карьерные интересы» [14].

Т.Б.Умбеталиева связывает корпоративность политической жизни в Казахстане с кровнородственными, земляческими, региональными интересами. В настоящее время родственные отношения приобрели скрытый политический характер и влияют как на рекрутирование элит, так и на политический процесс в целом. «Отношения родственной принадлежности выступают одним из статусов, наряду со статусом классовой, национальной принадлежности, образования, статусом широко не афишируемым, но имеющим значение. Эти тенденции наблюдаются как в сельской, так и городской среде» [15].

Ж.Мурзалин отмечает направляющую роль элиты в формировании новой политической ментальности. На постсоветском пространстве сегодня происходят схожие, по своей сути, модернизационные процессы. Они олицетворяют, с одной стороны, идеологическую пропаганду расширения традиционного мышления (апеллирование к прошлому, пересмотр исторического наследия, изучение языка, следование заветам предков и т.д.); с другой стороны, в систему ценностей вводятся новые западно-европейские стандарты [16].

Среди множества особенностей политической ментальности в постсоветских государствах выделяется система патерналистских устремлений людей. Она характеризует исторические традиции советского тоталитарного прошлого и мотивирует зависимость индивидов от политической системы. В основе патернализма находится соответствующий архетип общественного сознания, непосредственно продуцирующий на «выход» политическое поведение. Требования – социальных гарантий, справедливого перераспределения общественных благ, нравственной ответственности правящей элиты перед народом – стали важными элементами

ми, объединяющими культурные стереотипы в целом. При этом важным фактором, закрепившим патернализм как архетип культурной традиции, стала мобилизационная модель развития. Политическое участие при такой модели предполагает лишь «рамочные» стандарты; политическая инициатива рассматривается как оппозиционирование политическому режиму.

В целом политическая ментальность современного казахстанского общества может быть охарактеризована с позиций известной дихотомии «восток – запад». По такому принципу (с точки зрения социальной психологии) может быть выделен весь спектр когнитивных, эмоциональных и поведенческих структур. Такие качества, как консервативность, толерантность, сдержанная эмоциональность, спокойное (без излишней истерии) обсуждение политических проблем, сдерживание оппозиционных взглядов, принятие социальных порядков соответствующих представлений об органичном мире, персонафицированное мышление детально представляют «суммированный» облик восточного человека.

Политический порядок в казахстанском обществе, основанный на стабильности системы, поддерживается, с одной стороны,

спецификой режима, с другой – компромиссом политического сообщества. Компромиссная ментальность тоже является наглядной характеристикой политического поведения сообщества в целом. «Принцип компромисса блокирует резкие политические маневры и принуждает участников политического процесса к послушанию, примирению. В некотором роде этот принцип иногда выступает как стабилизатор общественно-политических отношений, как механизм балансирования в деятельности политической системы» [17].

Таким образом, изучение устойчивых компонентов общественного сознания и распространение их на область политического поведения может констатироваться нами лишь в традициях философского реализма. Ценности и идеалы общества изначально коллективны, они определяют индивидуальное сознание и поведение. Ментальность характеризуется и базируется на психологических основаниях, но воспринимается наукой как «предпонимание». Более конкретное и детальное изучение ценностной основы общества поможет объяснить взаимозависимость и взаимообусловленность ментальных основ общественного сознания и политического поведения.

Литература

1. Политическая энциклопедия в 2-х томах. – М., 2000. – С. 690.
2. Там же. С. 690.
3. Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы Философии. – 1994. – №1. – С. 51.
4. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х гг. – М., 2000. – С. 94.
5. Duijker H.C., Frijda N.H. National Character and National Stereotypes. – Amsterdam, 1960. – P. 12–28.
6. Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования. – М., 1996. – С. 24–25.
7. Ахизер А.С. Проблемы государственной власти в России // Рубежи. – М., 1995. – №6. – С. 98.
8. Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Учебное пособие. – Екатеринбург, 2002. – С. 154–155.
9. Фромм Э. Революция надежды // Психоанализ и этика. – М., 1993. – С. 287.
10. Shils E. Centre and Periphery // Polanyi M. (ed.), The logic of Personal Knowledge: Essays. – London, 1962. – P. 117–118.
11. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М., 1996. – С. 155.
12. Рюде Дж. Народные низы в истории 1730–1848. – М., 1984. – С. 232.
13. Амрекулов Н. Пути к устойчивому развитию или размышления о главном. – Алматы, 1998. – С. 74–79.
14. Эволюция политической системы Казахстана. Т. 1. – Алматы, 2001. – С. 273–277.
15. Умбеталиева Т.Б. Явление трайбализма в Казахстане // Казахстан-Спектр. – Алматы, 2001. – №3. – С. 42.
16. Мурзалин Ж. Диалектика традиционного и современного в менталитете казахов // Евразийское Сообщество. – 1998. – №1. – С. 69–78.
17. Эволюция политической системы Казахстана. – С. 290–291.

РЕЦЕНЗИИ

Нысанбаев А.Н. *Глобализация и устойчивое развитие Казахстана. – Алматы, 2002*

Выход в свет книги известного ученого, профессора Абдумалика Нысанбаева «Глобализация и устойчивое развитие Казахстана» является весомым вкладом в развитие одного из самых молодых направлений современной политической науки – политической глобалистики.

Он отмечает, что в результате вхождения независимых государств в процесс глобализации возможна утеря части культурных национальных ценностей, а значит, утеря и части национального суверенитета. Поэтому осуществление коренных преобразований казахстанского общества должно происходить не как бездумное копирование западного опыта трансформации, а на основе учета конкретно-исторических условий развития Казахстана в эпоху глобализации. Для становления гражданского общества в Казахстане важно использовать положительный потенциал нашего прошлого, как советского, так и традиционного, сформированные им ценности, на основе которых возможен консенсус и дальнейшее формирование институтов гражданского общества. Отсюда вытекает такая задача исследователей, как возрождение социокультурных ценностей прошлого, способных отвечать запросам современности. В частности, развивать свободу, дающую каждому индивиду возможность творческой самореализации. Номаду изначально был присущ свободолобивый дух. Чувство свободы рождало особое отношение к окружающему его пространству, формировало открытость мировоззрения всему новому, рождало глубокий интерес к миру.

В культуре, психологии, историческом прошлом всех казахстанцев имеет глубокие корни общеказахстанский патриотизм, который, по мнению автора, необходимо укреплять на основе консолидирующей общенациональной идеи. Среди объединительных ценностей, доставшихся нам из прошлого, особое значение имеют ценности межэтнического и межконфессионального согласия и социально-политическая стабильность. Они представляют тот ценностный базис полиэтничного общества, в сопряжении с

которым возможно развитие демократических ценностей в Казахстане, и на их основе должны формироваться институты гражданского общества.

Религиозная веротерпимость, отсутствие фанатизма и религиозной агрессии глубоко укоренены в исторической традиции казахского народа. Уважительное отношение к духовной свободе других народов – благо и важнейшая ценность, которую важно принять на вооружение для развития продуктивного диалога между конфессиями и признания религии в качестве важнейшего элемента гражданского общества. Наряду с перечисленными ценностями, необходимо создавать условия для частнособственнического интереса, введения института частной собственности на землю, развития индивидуализма, воспитывать чувство хозяина и собственника. Однако все эти задачи осложняются тем, что в рамках традиционного общества таких условий не было.

Как отмечает далее академик, для становления гражданского общества важно создание многоукладной экономики. Равноправные и разнообразные формы собственности, регулируемые рыночными механизмами, реализуют право свободного выбора формы и способы экономической деятельности, экономическую свободу.

Через всю книгу, которая написана на казахском и русском языках, «красной нитью» проходит мысль о необходимости критического освоения духовного и культурного наследия казахского народа в процессе системного реформирования Казахстана в эпоху глобализации, переоценки ценностей нашей страны с позиции построения казахстанской модели гражданского общества и социального государства. И диалог с ценностями прошлого есть важнейшее средство укрепления духовной и культурной безопасности Казахстана в системе глобальных отношений.

Размышляя над сложными проблемами дальнейшего устойчивого развития Казахстана, ученый нацеливает будущих исследователей глобалистики на поиск ответов на следующие важнейшие вопросы:

• каков механизм социальной защиты и поддержки национальных культур народов Центральной Азии;

• каким образом национальные культуры могут не только сохранить национальный образ мира и свое национальное лицо в процессе глобализации, но и повлиять на ее тип, активно используя современные информационные и компьютерные технологии и коммуникации;

• и как, не конфликтуя, сохранить свои духовные ценности, свой национальный менталитет?

Поэтому в своем труде автор отмечает, что важнейшим аспектом исследования должен стать анализ культуры народов Казахстана и Центральной Азии в контексте глобализации.

Монография, представленная казахстанской общественности, характеризуется не только своей научной новизной, но и оригинальностью мысли. Одна из ключевых идей книги заключается в обосновании общекзахстанской, общенациональной идеи и на этой основе возможности изменить модель глобализации, трансформировать ее тип в соответствии с новым соотношением всеобщего – особенного – единичного. По мнению философа, глобализация, воплощая в себе громадный потенциал научного разума всего человечества, должна осуществляться во благо всех стран и народов, а не только во благо самых богатых и обеспеченных. И что не менее важно: глобализация, которая несет в себе потенциал новой социальной идентичности – гражданин мира – в то же время должна оставить народам право на собственное самоопределение, собственный национальный образ мира и собственное независимое национальное развитие. И только через национальные различия и культурное многообразие можно войти в общечеловеческий дом XXI века.

С этим нельзя не согласиться, поскольку все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада, а национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа. Настоящий патриот не способен ненавидеть и презирать другие народы, потому что он видит их духовную силу и их духовные достижения. Для понимания других надо уважать собственную культуру, быть уверенным в ее ценном и позитивном значении и чаще вступать в контакт с другими, отличными от нее культурами.

Национальные различия и многообразие – один из источников прогрессивного развития мировой цивилизации точно так же, как разнообразие видов живых организмов – источник биологической эволюции. Устранение национального многообразия в человеческом обществе по своим последствиям аналогично тому, что в космогонии именуется тепловой смертью Вселенной.

Вхождение в общечеловеческий дом XXI века академику А.Нысанбаеву видится через формирование философии взаимопонимания, которая является философией будущего. При этом искомая философия взаимопонимания представлена уже в традиционной казахской и казахстанской философии. Он считает, что это – философия евразийская, уменьшая соединить достоинства Запада и Востока, Европы и Азии. Ученый подчеркивает, что по своему мировоззренческому и идейному потенциалу и содержанию отечественная философская мысль пропитана пафосом взаимного уважения сочетающихся в ней культур, духом соборности, братской открытости инокультурным влияниям и достижениям.

В книге выделяются этапы взаимообогащающей интеграции культур, которые схематически выражаются в следующем:

• изначальная общность (единство) человеческого рода сменяется дифференциацией культур, этносов, типов отношения к миру;

• идет поиск путей взаимопонимания и взаимосогласия, особенно в современном мире;

• осуществляется вступление в диалог, а в нем – реальное познание и понимание другой культуры. В этом процессе происходит взаимный обмен ценностями, необходимыми для жизни и развития контактирующих культур, а, следовательно, на этой основе складывается единое по духу человечество, подлинно равноправное человеческое единство и братство.

Под единством следует понимать не унификацию или растворение одной культуры в другой, или их взаимное поглощение, а гармоничную внутреннюю связанность многообразного, культурное многообразие в единстве. Ведь развитие только и может осуществляться благодаря творческому взаимообогащению, взаимовлиянию многообразных сторон целого, в противном случае многообразие не будет развиваться. Мультикультурализм является моделью функциониру-

вания и развития казахстанского общества. Он требует, прежде всего, формирования таких понятий, как взаимопонимание и ненасилие, толерантность, которые должны быть для всех граждан республики превыше всего.

Итак, строя свою государственность, мы обязаны соотносить национальные ценности с универсальными, опираться на культурное многообразие нашей страны, обеспечивать ее гармоничное развитие, сближая тем самым народы, помогая им познать себя и других.

Rumer B. (ed.) Central Asia: a Gathering Storm? – Armonk, New York, London: M.E.Sharp, 2002. – XIII+441 pp.

У новой книги «Центральная Азия: надвигающийся шторм?», подготовленной в Гарвардском университете под редакцией известного политолога Б.Румера, трудная судьба. Она была готова к изданию уже в начале сентября прошлого года, но тут грянули события 11 числа и вся книга моментально оказалась неактуальной. Перед авторским коллективом встала сложнейшая задача: сохранить все лучшее и неустаревшее из уже подготовленных материалов и в то же время – отразить в миг изменившуюся геополитическую ситуацию в мире и вокруг Центральной Азии.

На наш взгляд, авторам книги это удалось. Среди них известные казахстанские и узбекские политологи, представившие следующие работы: «Центральная Азия между Россией и Китаем», «Конфликт в Афганистане», «Региональная безопасность. Центральная Азия и Европейский Союз» и др. Большой интерес представляет первая, вводная часть книги («В поисках стабильности»), написанная Б.Румером и задавшая основной концептуальный фон всей монографии.

Главной проблемой, которая стояла перед центральноазиатскими государствами еще год назад, по мнению редактора книги, была дилемма: смогут ли они сохранить свой светский характер или же будут вынуждены уступить место исламским режимам. При этом данный вопрос касался не столько самих центральноазиатских республик, но в большей степени России и Китая (а затем и США). В отношении Казахстана редактор книги признает, что он наиболее далек от угрозы «надвигающегося исламского шторма».

Есть уверенность, что книга известного ученого, философа вызовет интерес и дискуссии не только в научной среде, но и получит горячий отклик у всех тех, кого интересует будущее нашей страны в мировой цивилизации.

М.С.Машип,
директор аналитического центра
«Стратегия», доктор политических наук

Г.О.Бектасова,
кандидат философских наук

европеизированного населения; падение уровня и деградация структуры узбекской элиты, ее культурной ориентации; манипуляция традиционализмом и национализмом со стороны правящего режима в своих интересах и переход от традиционализма к тоталитаризму; антимодернизация как манифест во всех сферах культурной и экономической жизни.

Помимо внутренних проблем, Румер рассматривает и внешнеполитические ориентации Казахстана и Узбекистана. Причем о Казахстане он пишет с более живописными подробностями. В целом создается впечатление, что нашу республику Румер знает лучше, а ситуацию у нас – детальнее. Геополитический скетч о Центральной Азии у гарвардского профессора сводится к двум основным игрокам внутри региона (Астана и Ташкент) и к трем – вне него (Вашингтон, Москва, Пекин). Отношения Казахстана с Китаем автор характеризует как «трения за фасадом дружбы»; с Россией – «ни вместе, ни отдельно», с США – «то вверх, то вниз». Действительно, в точности формулировок Румеру отказать нельзя. В отношении Узбекистана Румер гораздо более лаконичен и сух. По его мнению, у Каримова две основных цели: первая – остановить исламских радикалов; вторая – установить свое лидерство в Центральной Азии.

В целом Румер отдает должное внешней политике Каримова. Пусть она была не такая тонкая и гибкая, как у Назарбаева (Ташкент рассорился с Ираном, затем с Турцией и, наконец, с Россией), но в то же время она была прямолинейной и настойчивой: ради улучшения отношений с Китаем – репрессии против уйгур, ради благоволения Запада – присоединение к таким авантюрным

блокам, как ГУУАМ. В конце концов, такая политика привела Каримова к единственной альтернативе: любой ценой сохранять военные базы США на своей территории, несмотря на реакцию Москвы и Пекина. Это, конечно, однобокая политика, которая также однобока, как и внутренняя политика Ташкента. И здесь не менее актуален вывод Румера: оставаться на выбранном пути для Узбекистана будет смерти подобно.

Кроме названных проблем, Румер касается более широкого круга вопросов. Здесь и евразийская идея (в его трактовке, как попытка восстановить континентальную империю), и «миражи российско-китайского сотрудничества», и особенно политика США после 11 сентября. В отношении последних Румер более чем прямолинеен: США должны взять на себя ответственность за безопасность и стабильность региона, включая поддержку авторитарных, даже диктаторских режимов и их репрессивной политики в отношении радикального ислама. Румер советует Белому дому действовать по принципу «меньшего зла». С его точки зрения, конечной целью является установление «лидерства США в партнерстве с Россией».

С этой точкой зрения можно согласиться, но настолько, насколько она подтверждается самой политикой Соединенных Штатов. При продолжении сегодняшней политики США название книги вполне оправданно. Но автор так и не дает точного ответа на свой вопрос: ожидает ли Центральную Азию в ближайшем будущем «большой шторм»?

М. Т. Лаумулин,
заместитель директора КИСИ
при Президенте РК,
кандидат исторических наук

SUMMARY

MATERIALS OF THE CONFERENCE «ISLAM AND NATIONAL SECURITY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES»

The conference was devoted to one of the important problems—the problem of the religious terrorism, which according to its scales and organisational depth can compete with such powerful types of terrorism as ideological, nationalistic, state and international terrorism. In the materials of the participants of the conference there is a broad range of different scenarios of development of the social and political situations in the Central Asia, the analysis of the state and reasons of the politisation of Islam, attempts of the scientific definition of the problem are made.

Article: «Islamic Republic of Iran—on the way to political reformation»

Author: **E. Tukumov**, head of the department of the foreign research of KazISS under the President of RK.

The article is devoted to the analysis of the inner political situation in the Islamic Republic of Iran, the research of the real disposition of forces on the political arena, determination of the perspectives of the development of the public and social life. The author pays the attention to the fact that though the processes of reforming of the economy of the country have greatly intensified, but they have not worked to the full, which can result in the serious prolongation of the process of the political reformation of the contemporary Iran.

Article: «The peculiarities of the processes of circulation and transformation of political elites in the new independent countries of Caucasus»

Author: **M. Igaliev**, the applicant of the Analytical centre «Strategy»

The process of change and transformation of political elites of Caucasus republics, which were in 1922-1936 of Caucasus Soviet Socialist Federal Republic, have a lot of in common with the analogous processes on the post-Soviet space. There is also its own peculiarity in the process of elite formation of these countries. In this article there is the attempt to review the circulation and transformation in the new history of Azerbaijan, Armenia and Georgia separately on the examples of each state.

Article: «Models of strategic marketing planning, used by foreign companies»

Author: **G. Kurganbayeva** – head of the department of geoglobalistics and economical security of KazISS under the President of RK, candidate of economical sciences.

The article analyses the problems of strategic planning of the enterprises. The author considers the Kazakhstan enterprises should analyse the experience of using of the marketing strategies by the foreign companies on the market of Kazakhstan with the purpose of development of its own local competitive marketing strategies to go out to the foreign markets.

Article: «To the question of attracting of the foreign capital into the social sphere»

Author: **N. Iskakov**, candidate of economical sciences.

In the article there is analysed the role of the of foreign capital in the process of social sphere modernisation. The author considers that today it's necessary to strengthen the work of the state organs on the formation of the legal and economical mechanisms of international economic cooperation on the attraction of investments, its stimulating in terms of complying to the mutual interests for both Kazakhstan businessmen and corporations of the investing countries. For the sake of provision of the most favourable regime for the foreign investments together with the mechanisms of checks and balances it is important to develop the institutional structure, which allows to implement insurance of the foreign capital and also to search for the effective and priority investing projects and investors, interested in their implementation.

Article: «Managing the state property»

Author: **A. Ramasanov**, deputy head of the department, Institute of Economy of the Ministry of education and science of RK.

The article is devoted to the problem of creation of the new relations with the state property, which according to the author, are in the necessity of transition from privatisation to the

economically grounded policy of state sector formation. The author thinks that for the sake of increasing of the effectiveness of using the state property there is necessary the Conception of of its managing. As the measures of the increasing of the effectiveness and address managing of the state property the author offers to make the restructurisation of of its objects and also to create the relations between the state organs and state enterprises on the basis of contracts.

Article: «Comparative analysis of transition process in the economy of Kazakhstan and Poland»

Author: **M. Taizhan**, Post Graduate Student of Institute for the Development of Kazakhstan

The article studies the problem of transition process in the economy of Kazakhstan and Poland. In this connection the author analysed in comparison some macro economical indicators of Poland and Kazakhstan: GDP, inflation, unemployment and external trade.

Article: «Factors of political stability in the transition society»

Author: **E. Shaunov**, head of the social-political department of KazISS under the President RK, candidate of political sciences.

The article analysis problems of supporting the stability of transition society, which the author understands as the process of providing the optimal conditions of its functioning. As the conditions of providing of the long-term stabilisation of the transitional society the author speaks about a group of factors of political stability of political institutions: legitimate and effective power, and also cultural value characteristics of the society. So, in this way, the author on the basis of the examples of the separate countries and regions, tries to determine the main problems and particular features of the stabilisation of political systems of transitional societies.

Article: «Theoretical aspects of corruption development»

Author: **D. Nurpeisov**, candidate of juridical sciences, the leading scientific employee of the department of social political research of KazISS under the President of RK

In the article there are analysed the theoretical aspects of the development of corruption. The author considers that the fight with corruption shouldn't be just a political struggle, fight with its cases or to the «simple changes of the officials, involved into the corruption offences. The aim of the fight with corruption there should be measures, directed to the first of all changing of the attitude of public to the corruption by means of the formation of the atmosphere on non-accepting of corruption in all its kinds and creating conditions, preventing it.»

Article: «Public opinion as a social process»

Author: **K. Bekturganov**, professor of the sociology chair of Kyrghyz National University after the name of Zh. Balasagin.

In the article there is an attempt to make the systematic analysis of the problems of research of the public opinion as the social process. The author notes that for the cognition of the social processes it is required the special system, complex of methods, procedures and operations with the help of which there is implemented any sociological research. And the systematic method for the achievement of theoretical or practical result of the decision of social problems for gaining of the new information, understanding of the peculiarities of the studied sphere and the law about the functioning of the social object here is the methodology of public opinion research.

Article: «Mentality and political behaviour : methodological aspects of research»

Author: **G. Vodyanova**, post graduate student of KAZNU after the name of Al-Farabi.

The article is devoted to the analysis of the interlinks of the phenomenon of mentality and political behavior. The author notes that researching of the stable components of public mentality and applying it to the political behaviour can be stated only in tradition of political realism. Mentality is characterised and based on the psychological foundations but it is understood by science as «subunderstanding». More concrete and detailed studies of the value foundation of the society will help to explain interdependence and interlinks of the mental foundations of the public mind and political behaviour.

Журнал Казахстан-Спектр
№4, 2002

1. Бектурганов К. – профессор кафедры социологии Кыргызского Национального Университета им. Ж.Баласагына
2. Водянова Г.М. – аспирант КазНУ им. Аль-Фараби
3. Игалнев М.Н. – соискатель аналитического центра «Стратегия»
4. Илеуова Г.Т. – кандидат социологических наук
5. Искаков Н.А. – кандидат экономических наук
6. Калиева Д.А. – старший научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
7. Койчукулов М. – руководитель группы поддержки программ и проектов Международного института стратегических исследований при Президенте Кыргызской Республики
8. Косиченко А.Г. – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор философских наук, профессор
9. Курганбаева Г.А. – зав. отделом геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
10. Куртов А.А. – старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований
11. Нурпеисов Д.К. – ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат юридических наук
12. Рамазанов А.А. – зам. зав. отделом Института экономики МОН РК, кандидат экономических наук
13. Тайжан М. – соискатель Института развития Казахстана
14. Тукумов Е.В. – зав. отделом внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
15. Шауенов Е.С. – зав. отделом социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

- Абдикерова Г.О.* Личность и социальная общность: проблемы взаимодействия. – №2, с. 19.
Альжанни Ж.К. Некоторые подходы к определению понятий «децентрализация» и «местное самоуправление». – №1, с. 31.
Ашимбаев М.С. К вопросу о теориях демократии. – №1, с. 3.
Ашимбаев М.С. Формирование института президентства в ходе политического транзита в Казахстане. – №2, с. 3.
Байдельдинов Л.А. Формирование этнокультурной структуры личности как социальная проблема. – №3, с. 93.
Бектурганов К. Общественное мнение как социальный процесс. – №4, с. 77.
Водянова Г.М. Ментальность и политическое поведение. – №4, с. 80.
Донаков Т.С. Некоторые проблемы правовой природы и организации местной исполнительной власти Республики Казахстан. – №3, с. 86.
Казкенов К.М., Нуkenов А.Н. Проблемы децентрализации власти в контексте политического развития Казахстана. – №1, с. 37.
Касымбеков М.Б. Демократизация и политическая культура в условиях политической модернизации: теоретический аспект. – №1, с. 12.
Кульжанова Г.К. Язык политики как социолингвистический феномен. – №1, с. 15.
Кусмангалиева Ж.Д. Законодательная техника и ее роль в систематизации нормативных правовых актов. – №2, с. 16.
Нурпеисов Д.К. Теоретические аспекты развития коррупции. – №4, с. 71.
Сераянц С.Х. К вопросу о понятиях «этнополитика» и «национальная политика». – №1, с. 42.
Смирнов С.Л. Радикализм в исламе: истоки и угрозы. – №1, с. 19.

ЭКОНОМИКА

- Абишев А.А.* Концепция технологического способа производства и приоритеты социально-экономического реформирования в Республике Казахстан. – №1, с. 49.
Баймагамбетова А.Б. Рационализация структуры экономики региона (на материалах Актюбинской области). – №2, с. 97.
Гусева Л.Ю., Смирнов С.Л. Транзитный потенциал Республики Казахстан: состояние, возможности и механизмы реализации. – №2, с. 76; №3, с. 75.
Искаков Н.А. Мировой опыт преобразования социальной сферы в субъект рыночных отношений. – №2, с. 69; №3, с. 69.
Искаков Н. К вопросу о политике привлечения иностранного капитала в социальную сферу. – №4, с. 48.
Кажмуратова А.К. Стимулирование экспортного потенциала и изменения в отраслевой структуре мирового хозяйства. – №1, с. 54.
Куанова Г.А. Стратегия формирования депозитной политики в коммерческих банках. – №1, с. 59.
Куатбаева Г.К. Институциональные предпосылки совершенствования бюджетных отношений. – №2, с. 87.
Курганбаева Г.А. Модели стратегического планирования маркетинга, используемые иностранными компаниями. – №4, с. 43.
Пахрутдинов Р.И. Определение коэффициента эффективности комплексного использования нефтегазового сырья. – №1, с. 65.
Рамазанов А.А. Управление государственной собственностью. – №4, с. 52.
Тайжан М. Сравнительный анализ транзитных процессов в экономике Казахстана и Польши. – №4, с. 57.
Тулупбаев К.М. Пенсионные фонды усиливают свое инвестиционное влияние. – №1, с. 67.
Эсеналиева В.Е. К концепции развития автомобильных пассажирских перевозок в Кыргызской Республике. – №1, с. 97.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

- Аяганова А.Б.* Некоторые вопросы гражданской ответственности за ядерный ущерб. – №2, с. 66.
Жусупова А.Д. Становление социального партнерства в Казахстане. – №2, с. 58.
Касымова А.К. Особенности преодоления последствий тоталитарной этносоциальной политики в Республике Казахстан. – №1, с. 73.
Машиан Б.С. Специфика политического процесса и особенности его регламентации в пост-тоталитарный период. – №1, с. 78.
Телебаев Г.Т., Коновалов С. Идеи и институциональные основы казахстанского общества: итоги десяти лет развития. – №2, с. 53.
Умбеталиева Т.Б. Экономическая элита Казахстана на современном этапе. – №2, с. 44.
Умбеталиева Т.Б. Исторические и современные модели модернизации. – №3, с. 63.
Шарапова С. Межгосударственные отношения сквозь призму этнических стереотипов (по данным пилотажного исследования). – №2, с. 92.
Шауенов Е.С. Факторы политической стабилизации в транзитном обществе. – №4, с. 63.
Шомапов А.Ж., Макашев Е.С. Динамика межэтнической ситуации в Казахстане в реформенный период. – №2, с. 62.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- Галямова В.Ф.* Коммунистическая партия Китая, сегодня и завтра. – №1, с. 87.
Галямова В.Ф. «Вопрос о земле» в Китае в контексте проблемы выбора модели развития. – №3, с. 55.
Исалиев М.Н. Особенности процессов циркуляции и трансформации политических элит в новых независимых странах Кавказа. – №4, с. 35.
Кыдырбекулы Д.Б., Каурденова Л.Г. Политика США в вопросах военной безопасности для Центральной Азии. – №2, с. 40.
Лаумулин М.Т. От исламизма к исламскому терроризму: европейский аспект. – №2, с. 25.
Сейдин Н.Б. Делимитация казахстанско-узбекской границы: проблемы и решения. – №1, с. 93.
Токсанбаев А.Б. Особенности правового статуса Интерпола как межправительственной организации. – №2, с. 36.
Тукумов Е.В. Исламская Республика Иран – на пути к политическому реформированию. – №4, с. 27.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

- «ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»
(КИСИ – ОБСЕ – Европейская комиссия – Фонд им. Ф.Эберта) 24–25 июня 2002 г.**
Акимбеков С.М. Ислам и проблемы безопасности Центральной Азии. – №3, с. 8.
Бабаджанов Б.С. Теологическое обоснование и этапы джихада в документах исламского движения Узбекистана. – №3, с. 15.
Жихорь Ю. «Религиозный экстремизм»: проблемы идентификации. – №3, с. 29.
Избаиров А.К. Ислам в социально-политических процессах в Казахстане. – №3, с. 48.
Илеуова Г. «Исламский ответ» в Центральной Азии? (что думают об этом эксперты). – №4, с. 21.
Кадыржанов Р.К. Исламская идеократия и национальная безопасность государств Центральной Азии. – №3, с. 4.
Калиева Д.А. Религиозный экстремизм как нетрадиционная угроза национальной безопасности. – №4, с. 7.
Койчукулов М. Факторы религиозного экстремизма. – №4, с. 9.
Косиченко А. Г. «Исламский» фактор в современном терроризме. – №4, с. 3.
Курганская В.Д. Мониторинг религиозной ситуации в Республике Казахстан. – №3, с. 43.
Куртов А.А. Государства Центральной Азии в условиях вызовов глобализации и возрастания исламского фактора. – №4, с. 13.
Нурмухамедов Б.Ж. Этноконфессиональные аспекты экстремизма и терроризма в странах Центральной Азии. – №3, с. 52.
Олимова С. Религиозные корни терроризма. – №3, с. 21.

- Тукумов Е.В. Арабо-израильский конфликт и исламский экстремизм. – №3, с. 33.
 Хамисов В.М. Проблемы самоопределения исламских организаций в Кыргызстане. – №3, с. 12.
 Шатиц Э. Политический ислам как социальное движение. – №3, с. 10.
 Шоманов А.Ж. Приветственное слово участникам конференции. – №3, с. 3.

РЕЦЕНЗИИ

- Лаумулин М.Т. Рецензия на работу «Казахстан: 1993–2000» Л.Хоффманна, П.Бофингера, Х.Флассбека и А.Штайнгера. – №1, с. 101.
 Лаумулин М.Т. Landau M.J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States. – №2, с. 104.
 Лаумулин М.Т. Rumer B. (ed.) Central Asia: a Gathering Storm? – №4, с. 87.
 Машан М.С. Жотабаева Н.Р. О демократии и парламентаризме. – №3, с. 99.
 Машан М.С., Бектасова Г.О. Нысанбаев А.Н. Глобализация и устойчивое развитие Казахстана. – №4, с. 85.
 Пядышев Б.Д. Арыстанбекова А.Х. Объединенные Нации и Казахстан. – №3, с. 98.

Казахстанский институт стратегических исследований предлагает Вашему вниманию серию книг, выпущенных в 2002 году при содействии ОБСЕ и Фонда имени Ф.Эберта.

- ✦ **Политика и интересы мировых держав в Казахстане.** Коллектив авторов: Б.К.Султанов, Л.М.Музапарова, А.Е.Абишев, В.Ф.Галямова, Л.Г.Ерекешева, А.Г.Кожихов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- ✦ **Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий.** Сборник научных статей. Астана: Елорда, 2001.
- ✦ **Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии.** Коллектив авторов: А.Г.Косиченко, М.С.Ашимбаев и другие. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- ✦ **М.С.Ашимбаев. Безопасность Казахстана на современном этапе.** Алматы: КИСИ, 2002.
- ✦ **Центральная Азия в системе глобальных отношений.** Сборник материалов конференции. Алматы: ФинЭк, 2002.
- ✦ **Г.А.Курганбаева, А.К.Кажмуратова, Г.А.Куанова.** Сравнительный анализ макроэкономических показателей транзитных государств и прогноза экономического развития (на примере Казахстана, Узбекистана, России, Польши, Венгрии). Алматы: КИСИ, 2002.
- ✦ **Г.Курганбаева, Г.Куанова, Д.Калиева.** Агропродовольственный сектор Республики Казахстан: тенденции и перспективы развития. Алматы: КИСИ, 2002.
- ✦ **Нефтегазовые ресурсы Казахстана в системе мировых и региональных отношений.** Коллектив авторов. Алматы: КИСИ, 2002.
- ✦ **Центральная Азия до и после 11 сентября: геополитика и безопасность.** Коллектив авторов. Алматы: КИСИ, 2002.
- ✦ **Murat Laumulin.** The Security, Foreign Policy and International Relationship of Kazakhstan after Independence: 1991-2001. Алматы: КИСИ, 2002.

По вопросам приобретения книг обращаться в редакцию журнала по телефонам: 646-667, 645-571.